

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, ВРИО директора Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ им. Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по научной работе Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
наукам (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 3/2021

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.06.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 2395-21/15061

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ореховский П.А.

Возможности и ограничения либерализации цен в СССР
в 1960–1970-х годах: роль дискурса стоимости 9

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Кислицына О.А., Чубарова Т.В.

Оценка системы здравоохранения в России: опыт построения
регионального рейтинга. 35

Доржиева В.В., Ильина С.А.

Противоэпидемические проекты российских финансовых институтов
развития: направления и эффекты реализации 72

Братченко С.А.

К вопросу об управлении государственными программами
(на примере государственной программы «Развитие промышленности
и повышение ее конкурентоспособности»). 88

Батов Г.Х.

Анализ экономического пространства субъектов Северо-Кавказского
федерального округа и перспективы их развития 109

Квашнина И.А.

Особые экономические зоны как инструмент привлечения иностранных
инвестиций 121

Корепанов Е.Н.

Воспроизводство научно-технического потенциала Российской
Федерации: проблемы и перспективы. 133

Федорова М.Н.

Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого
потенциала 146

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

Калабихина И.Е., Горбачева Д.Д., Сахбетдинова К.И.

Связана ли демографическая модернизация с общей модернизацией
общества: эмпирическое исследование демографических
и социокультурных ценностей в России 158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бараненкова Т.А.

Б.Ц. Урланис – выдающийся ученый-демограф (к 115-летию со дня рождения) 185

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Нешитой А.С., Иванов М.Ю.

Мезоэкономика – перспективное направление в развитии экономической теории (О коллективной монографии «Мезоэкономика: элементы новой парадигмы: Монография» / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020) 194

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Orekhovsky P. A.

Possibilities and Restrictions for Price Liberalization in the USSR
in 1960–1970s: the Role of Value Discourse 9

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Kislitsyna O.A., Chubarova T.V.

Estimation of the Healthcare System in Russia: Experience in Building
a Regional Rating 35

Dorzheva V.V., Ilyina S.A.

Anti-Epidemic Projects of Russian Financial Development Institutions:
Directions and Effects of Implementation 72

Bratchenko S.A.

On the Issue of the Administration of State Programs (on the Example
of the State Program "Development of Industry and Increasing
its Competitiveness") 88

Batov G.Kh.

Analysis of the Economic Space of the Subjects of the North Caucasus
Federal District and Prospects for their Development 109

Kvashnina I.A.

Special Economic Zones as a Tool to Attract Foreign Investments 121

Korepanov E.N.

Reproduction of the Scientific and Technical Potential of the Russian
Federation: Problems and Prospects 133

Fedorova M.N.

Volunteering as a Non-Market Form of the Development of Human
Potentiality 146

DEMOGRAPHY ISSUES

Kalabikhina I.E., Gorbacheva D.D., Sakhbetdinova K.I.

Is Demographic Modernization Related to General Modernization
of the Society: an Empirical Study of Demographic and Sociocultural
Values in Russia 158

SCIENTIFIC LIFE

Baranenкова Т.А.

B.Ts. Uralnis is an Outstanding Soviet Scientist-Demographer
(for the 115th Anniversary of his Birth) 185

ON THE BOOKSHELF

Neshitoy A.S., Ivanov M.Yu.

Mesoeconomics is a Prospective Direction in the Development
of Economic Theory (On the Collective Monograph "Mesoeconomics:
Elements of a New Paradigm: a Monograph" / Ed. by V.I. Maevsky,
S.G. Kirdina-Chandler. Moscow: Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, 2020) 194

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЦЕН В СССР В 1960–1970-х ГОДАХ: РОЛЬ ДИСКУРСА СТОИМОСТИ¹

Реформа оптовых цен 1967 г. в СССР ограничилась выравниванием отраслевой рентабельности. Советское руководство не перешло к либерализации цен на сверхплановую продукцию, как это было сделано в 1978 г. в КНР. В ретроспективе такая либерализация представляется важнейшей и необходимой частью реформ, однако от нее отказались. Объяснение этого факта идеологической зашоренностью и догматизмом советского руководства и экономистов в условиях тоталитарного строя не может быть признано удовлетворительным. В работе выдвигается гипотеза о возможности объективного понимания советскими учеными закономерностей формирования цен на основе стоимости. Приводятся характеристики двух авторитетных дискурсов: политэкономов социализма и экономистов-математиков (СОФЭ). Обосновывается решающая роль структур когнитивности в сохранении административного контроля над ценами вплоть до 1991 г. Дискурс стоимости сыграл ключевую роль в подготовке мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма и очередному циклу изменения оптовых цен в 1979 г.

Ключевые слова: *дискурс, структуры когнитивности, номинализм, реализм, стоимость, цены.*

JEL: B24, B41, B51.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_9_34.

Вводные замечания

Основная проблема данной статьи может быть сведена к простому вопросу: почему в СССР в конце 1960-х годов советское руководство не предприняло частичной либерализации цен? В ретроспективе такое мероприятие кажется логичным и едва ли не очевидным. В Китае в ходе

¹ Работа основана на препринте: *Ореховский П.А.* Контроль над ценами в СССР: роль дискурса «стоимости». Научный доклад, препринт. М.: ИЭ РАН, 2021. inecon.org/docs/2021/files/Orekhovsky_paper_03062021.pdf. Обсуждение состоялось 03.06.2021.

реформ Дэна Сяопина в конце 1970-х годов частичная либерализация цен была реализована в более неблагоприятных экономических условиях, чем в СССР в конце 1960-х годов. На примере уплачивающего партийные взносы в кассу КПК Джека Ма можно задаться и другим вопросом. Почему, собственно, нельзя было допустить частной собственности на средства производства в ряде секторов экономики СССР? Исходя из марксистских постулатов, социалистические государственные предприятия должны были обеспечивать более высокую производительность труда. Был бы важен реальный экономический эксперимент конкуренции между различными формами собственности в индустриальной экономике. Политическая власть по-прежнему сохранялась бы в руках трудящихся, наемные работники были бы защищены от различных злоупотреблений, связанных с жадностью эксплуататоров. Что в этом было немарксистского или антикоммунистического?

Сложный вопрос о конкуренции различных форм собственности в социалистическом государстве выходит за рамки данной работы. Он поставлен здесь лишь в качестве иллюстрации тех слепых пятен, которые существовали в общепринятой структуре понимания социализма в СССР.

Вопросы, которые теперь, задним числом, кажутся ясными, не составляют проблем для теоретиков, придерживающихся прогрессистской либеральной идеологии. По их мнению, все просто. Коммунисты были идеологически зашорены, воспроизводили одни и те же речевые практики и шаблоны, заимствованные у Ленина – Сталина. Кроме того, тоталитарный аппарат насилия заставлял их постоянно лицемерить. В конце концов в массовом сознании несчастных глупцов, прибежавших столбовой дорогой к рабству [1], произошел перформативный сдвиг, и они уже в принципе не могли обсуждать содержательные вещи [2]. Советское руководство ничего не понимало в экономике, постоянно совершало грубейшие ошибки и разрушало собственную страну [3]. Подобные взгляды успокаивают. Их многочисленные сторонники, безусловно, теперь уже не сделают таких нелепых ошибок, и будущее российской (а заодно и мировой) экономики находится в надежных и честных руках. Парадоксальный успех китайских коммунистов, которые, по сравнению с советскими, были не менее «идеологически зашорены» и также пережили свои страхи во время длительного правления Мао Цзедунa, можно рассматривать как длительную трансформацию социализма в капитализм с «китайской спецификой».

Однако если исходить из менее лестного для современных теоретиков предположения, что люди прошлого не уступали нам ни по интеллекту, ни по душевным качествам, как, например, это делает часть историков французской школы «Анналов» и их отечественных коллег [4], то проблема становится очень трудной. Необходимо вос-

становить не только ход логических рассуждений, но и то, что являлось очевидным для современников и поэтому не оставило о себе следа. Поэтому, с одной стороны, следует учитывать важность герменевтики при рассмотрении таких проблем, а с другой – иметь в виду, что многое все равно остается «за кадром». Так, в СССР того времени существовало достаточно большое количество организаций, интересы сотрудников которых входили в прямое противоречие с либерализацией цен. К концу 1970-х годов, вместе с подъемом теневой экономики, сложились и влиятельные социальные группы, имевшие прямую материальную заинтересованность в сохранении фиксированных, государственных цен. Эти группы, среди прочего, имели определенные ресурсы и возможности влияния, которые проявились в ходе реформ второй половины 1980-х годов². Однако материальные интересы таких социальных групп никогда не озвучивались, ведь в социалистическом обществе все должны были заботиться только об «общем благе».

Ниже представлены версии основных структур когнитивности, в рамках которых советские ученые обсуждали и предлагали свои решения проблемы контроля над ценами. Они, конечно, страдают неполнотой (например, практически не рассматривается вопрос о взаимодействии ученых с советским руководством). Тем не менее предлагаемая интерпретация обладает достаточным правдоподобием и позволяет охватить основные типы речевых практик, в соответствии с которыми и принимались важнейшие решения по контролю над ценами.

1. Возможности и границы контроля за ценами в свете номиналистического дискурса экономической теории

В российской и советской истории наблюдались разные периоды контроля над ценами. Во время новой экономической политики власти пошли на сравнительно высокую степень либерализации цен, но *закупочные цены на зерно* были фиксированы. Это привело к образованию хорошо известных «ножниц цен» и стало важнейшим фактором свертывания нэпа с последующим переходом к волюнтаристским методам управления в годы первой пятилетки. Результатом торжества социалистического планирования стал острый дефицит потребительских товаров: уже в марте 1929 г. вводится нормативный отпуск хлеба по заборным книжкам, потом это распространяется и на другие виды продовольствия и товары ширпотреба. «К середине 1931 г. были вве-

² Это подтверждается, в частности, громкими уголовными делами первой половины 1980-х годов, среди которых можно отметить дело директоров московских гастрономов, а также дело Ю.М. Чурбанова, дело Н.А. Щелокова, закончившееся самоубийством последнего.

дены карточки на промышленные товары. Вместе с тем была введена система выдачи пайков и закрытых форм торговли» [5, с. 102].

Во время недолгого периода хозяйственной нормализации и частичной ликвидации последствий волюнтаристских решений первой пятилетки советское руководство возвращается к сравнительно свободному товарообороту. С января 1935 г. отменяется карточная система снабжения населения хлебом, крупами, мукой. Именно в период второй пятилетки появляются хорошо известные советским гражданам «пояса», предусматривающие определенную дифференциацию средних цен.

Во время Великой Отечественной войны и сразу после нее опять действует карточная система, которая отменяется вместе с проведением денежной реформы в 1947 г. Денежная реформа 1947 г. имела ярко выраженный конфискационный характер, и это впоследствии позволило правительству снизить розничные цены, причем даже по отношению к пайковым.

Таким образом, советское руководство вело себя достаточно гибко в вопросах контроля над ценами. Более того, и в политэкономии социализма (в первом учебнике, который был опубликован в 1954 г.) не отрицались ни товарное производство, ни закон стоимости при социализме (гл. XXXI), ни торговля (гл. XXXV) [6].

И все же гибкость контроля существовала в определенных пределах. После нэпа основная часть цен на ресурсы и продукты была фиксированной, изменения цен происходили в результате согласования в наркоматах и Госплане. В 1958 г. образуется Бюро цен при Госплане, в 1965–1969 гг. оно приобретает статус Комитета, но все еще подчиняется Госплану напрямую, в 1969–1989 гг. Госкомцен подчиняется уже Совету Министров СССР. Именно это ведомство отвечало за контроль над ценами и за процессами ценообразования. Повышение статуса упомянутого ведомства означало, что контролю над ценами советское руководство придавало особую важность.

Как упоминалось, в либерализации цен китайское руководство в 1970-х годах пошло значительно дальше, чем советское в 1960-х годах. Это удивляет, т. к. реформа 1965 г. была более проработанной, чем реформа 1978 г., а советская экономика была намного более развитой в сравнении с китайской. И все же в Китае государственным предприятиям было разрешено реализовывать сверхплановую продукцию по свободным ценам, а в СССР – нет. Может быть, советское руководство боялось разгона инфляции, что могло сказаться и на розничных ценах³.

³ Протесты, которые наблюдались в 1962 г. в СССР после повышения розничных цен, и особенно события в Новочеркасске, безусловно, повлияли на партийное руководство, хотя масштаб этих событий несравним с тем, что происходило в КНР на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Но последние оставались фиксированными. В целом реформа оптовых цен 1967 г. привела к небольшому росту цен, и советская экономика легко его пережила⁴.

В ретроспективе отказ советского руководства от постепенной либерализации цен представляется одной из роковых ошибок, способствовавших краху СССР. Если во второй половине 1960-х годов предприятиям и колхозам разрешили бы продавать сверхплановую продукцию по свободным ценам, то *объем теневой экономики к концу 1970-х годов был бы на порядок ниже*. Скорее всего, не было бы ни «молдавского», ни «хлопкового» дел, как не было бы и дела директоров московских гастрономов. Не было бы и такого острого дефицита на потребительском рынке к началу 1980-х годов, а в целом структура советской экономики была бы намного более сбалансированной. Появление кооперативов и частных в такой структуре имело бы совершенно другие результаты, чем в советской экономике второй половины 1980-х годов. Последующая постепенная приватизация каких-либо предприятий или секторов экономики (торговли, бытового обслуживания, производства строительных материалов) представлялась бы вполне логичным шагом в строительстве рыночной экономики.

Ни А.Н. Косыгин, ни другие реформаторы, ни советские экономисты-теоретики не отказывались от либерализации цен, поскольку такое мероприятие *никогда не предлагалось и не обсуждалось*. Нельзя сказать, что оно совсем «не приходило в голову» советскому истеблишменту, хотя такой вывод можно было бы сделать в связи с отсутствием обсуждения такого мероприятия на партийных совещаниях или в ходе дискуссий ведущих советских экономистов того времени. Но это не совсем так. И хотя собственно либерализация цен не обсуждалась, призывы к переходу к оптовой торговле, рассматривавшейся как развитие социалистических товарно-денежных отношений, имели место. За развитие оптовой торговли и коммерческого расчета выступал крупный экономист того времени В.Г. Венжер [7]. Жесткая критика доминировавших тогда представлений о *стоимости* в политэконо-

⁴ Следует специально оговориться, что розничные цены в СССР во второй половине XX в. были полностью оторваны от оптовых, благодаря влиянию весьма изощренной фискальной системы. Главную роль в ней играл налог с оборота, однако кроме него на цены влияла и плата за фонды, также дифференцированная по отраслям. Стоит отметить и подоходный налог (который в 20-е годы появился как «жилищный»), внешне не имевший экономического смысла (зарплата при социализме считалась не ценой труда, но долей в общественном продукте). Однако подоходный налог служил удобным средством для кассового исполнения местных бюджетов. Налогово-бюджетная система СССР — отдельная большая тема исследования. Здесь же важно подчеркнуть, что благодаря наличию такой системы угроза повышения розничных цен, связанных с либерализацией оптовых цен, была эфемерной.

мии социализма, как и действующего административного механизма ценообразования, содержалась в работах Г.С. Лисичкина. Эти взгляды при желании можно интерпретировать как аргументацию в пользу необходимости либерализации цен. Так, если бы снабжение (фондирование) средствами производства действительно было заменено торговлей, то вопрос освобождения цен от административного контроля стал бы крайне актуальным.

Причина, на мой взгляд, была в другом. *Свободное ценообразование считалось глубокой архаикой*, присущей отсталым, слаборазвитым странам. Поэтому и особых споров не было. Инициатор подобной дискуссии выглядел бы ретроградом и противником прогресса⁵. Собственно, так и произошло как с самим Г.С. Лисичкиным, так и с написавшим крайне комплиментарное послесловие к его книге А.И. Стреляным. В то время он был «рыночным публицистом» [8]⁶, а впоследствии, в 1990-е – 2000-е годы, стал известным украинским националистом и сотрудником радио «Свобода».

Свободного, в стиле чикагской школы, ценообразования не было тогда и в США. В экономическом бестселлере того времени Дж.К. Гэлбрейт указывает: «Промышленное планирование предполагает контроль над ценами. Как мы видели, современная техника приводит к тому, что рынок становится менее надежным. Она также влечет за собой увеличение времени и капитала, затрачиваемого в производстве. По этой причине нельзя допустить, чтобы цены зависели от причуд неуправляемого рынка.

Но этот контроль осуществляется таким образом, что он служит целям технотрутуры, и это вполне естественно. ... они состоят в том, чтобы, во-первых, свести к минимуму риск потерь и тем самым угрозу самостоятельности технотрутуры и, во-вторых, добиться максимально быстрого роста фирмы. Ценами управляют так, чтобы они служили этим целям. Конкуренция цен с сопутствующими ей опас-

⁵ Конечно, это типичное «слепое пятно», связанное с доминировавшей в то время структурой когнитивности экономического знания в СССР. Но больший интерес представляет не сам факт его существования (такие «слепые пятна» существуют всегда, включая нынешнюю экономическую теорию), а отказ от признания либерализации цен проблемой даже в конце 1970-х годов, когда триумф неоллиберальной экономической мысли стал таким же очевидным, как и падение темпов роста советской экономики.

⁶ Книга Г.С. Лисичкина представляла собой сборник очерков разных лет, которые печатались не в научных изданиях, а в газетах и «толстых» литературных журналах. В 1986 г. она вышла в издательстве «Советский писатель». Несмотря на то что автор принадлежал к академическому (и советскому) истеблишменту, занимал должность зав. сектором Института мировой социалистической системы АН СССР, а потом главного научного сотрудника Института экономики РАН, его работы находились, по сути, вне рамок обычных научных дискуссий.

ностями не должна допускаться. Цены должны быть достаточно низкими, чтобы облегчить привлечение новых покупателей и расширение продаж, и в то же время достаточно высокими, чтобы обеспечить прибыль, необходимую для финансирования роста и удовлетворения акционеров. Такие цены легко приспосабливаются к общепризнанным целям общества или к тому, что общество убедили принять в качестве цели. В отличие от того, что имело бы место в условиях непрекращающейся погони за монопольной прибылью, в этом случае не существует препятствий к тому, чтобы члены технотруктуры солидаризовались с технотруктурой в целом» [9, с. 275–276].

Китайские реформы осуществлялись в ином контексте. И дело не только в том, что структура китайской экономики конца 1970-х годов напоминала структуру советской экономики времен нэпа. Важно другое. В 1974 г. Нобелевскую премию по экономике получает Ф. фон Хайек, в 1976 г. – М. Фридмен, в 1982 г. – Дж. Стиглер. И если справедливо говорить о «кейнсианской революции» 1930–1940-х годов, то конец 1970-х годов можно назвать периодом победы «неолиберальной революции» в экономической теории. Все меняется: либерализация цен становится нормой, а их фиксация – странным анахронизмом, наносящим ущерб функционированию экономики.

В СССР западные, в том числе и неолиберальные, идеи попадали в основном через «критику буржуазных теорий». Ученые, работавшие в этой области, как правило, дистанцировались как от политэкономов социализма, так и от советской школы «системы оптимального функционирования экономики». Так, несмотря на то что Ю.Я. Ольсевич⁷, Э.Г. Лейкин и Л.Я. Розовский перевели книгу Чемберлина (1933) еще в 1959 г. [10], даже в 1980-е годы в перестроечных дискуссиях можно было услышать тезис, что монополист будет бесконечно повышать цену на свой товар. То обстоятельство, что после определенного предела повышение цены может приводить к снижению, а не к увеличению прибыли монополиста, не воспринималось тогда как существенный аргумент ни теоретиками, ни хозяйственниками, ни, тем более, политизированной передовой советской интеллигенцией.

На мой взгляд, отсутствие ссылок на аргументацию Чемберлина в спорах советских теоретиков обуславливалось спецификой коллективной структуры когнитивности экономистов. Работа Чемберлина написана в «номиналистическом» дискурсе, в то время как подавляющее большинство ученых использовало «реалистический» дискурс. Так, например, представление о том, что цены определяются спросом и предложением при условии неизменности количества денег в обра-

⁷ О.Я. Ольсевич – так значится в каталогах РГБ и в переиздании 1996 г. Любопытно, что в издании 1996 г. есть предисловие, оно подписано Ю. Ольсевич).

щении – это самое простое (если угодно, *вульгарное*) выражение номиналистического дискурса. Напротив, идея, что цены товаров определяются их *стоимостью* (*ценностью*), является проявлением *реализма* в экономической теории. Другой вариант реалистического дискурса: цена есть *денежное выражение стоимости*⁸.

Методологическим основанием марксистской политэкономии являлся диалектический материализм – одно из направлений в *реалистической* философии. Поэтому для советских экономистов было естественным полагать, что эффективный контроль над ценами позволяет осуществлять *знание стоимости*, лежащей в их основе. Напротив, у Чемберлина контроль за ценами связывается со *степенью монополизации рынка*. При этом монополизация связывается не только и не столько с концентрацией и централизацией производства (это как раз вполне согласовывалось с марксизмом), сколько с дифференциацией продукта. «Продукты общего вида выступают как дифференцированные тогда, когда имеется какое-либо существенное основание для того, чтобы отличать товары (или услуги) одного продавца от товаров (или услуг) другого продавца. Такое основание может быть реальным или воображаемым, лишь бы оно имело какое-нибудь значение для покупателей и приводило бы в результате к тому, что они отдавали бы предпочтение одной разновидности продукта по сравнению с другой» [10, с. 93]⁹.

Уровень дифференциации связан с количеством признаков, на основании которых покупатель различает товары между собой. Чистая (совершенная) конкуренция – это когда товары разных производителей похожи между собой как «горошины в стручке». Именно последние являются «биржевыми товарами», в отношении поставок которых заключаются стандартные контракты, будь то пшеница, нефть или цветные металлы. И цены на такие товары государство может контролировать или напрямую, или посредством интервенций (закупки в резервы или, наоборот, продаж из резервов).

Напротив, цены на сложные дифференцированные продукты контролировать сложно, начиная с одежды и обуви и кончая кораблями и самолетами. Это, в свою очередь, заметил Я. Корнай, когда выделил категорию «псевдоадминистративных цен»:

«Предположим, что государственный орган ценообразования намерен установить цену на определенное изделие и гарантировать

⁸ В отношении номинализма и реализма здесь используются *позднесредневековое* различие универсальных и единичных категорий. Подробная интерпретация этих подходов представлена в совместной работе автора данной статьи с О.Б. Кошовец [11], где универсализм и логический дискурс «экономики» рассматривается в противопоставлении с эмпирикой и номинализмом дискурса «экономических систем».

⁹ Цитируется по изданию 1996 г.

повсеместное использование данной цены. В этих целях он должен позаботиться... о следующем:

1. Наличие точного, ясного и исчерпывающего *описания* показателей, определяющих качество изделия.

2. Установление контроля за реализацией изделия по официальной цене и соответствием всех его свойств показателям, определяющим качество...

К некоторым изделиям эти два требования применить довольно просто... Назовем их *стандартными массовыми изделиями* (здесь и далее курсив Я. Корнаи. – П.О.).

Для описания качества других изделий необходимы сотни, а то и тысячи параметров.... Назовем эту категорию *дифференцированными изделиями*» [12, с. 376–377].

Далее Корнаи вполне справедливо указывает на то, что удельный вес дифференцированных товаров возрастает вместе с ходом экономического развития, а стандартных массовых товаров снижается. И производитель может осуществлять скрытое повышение цены на дифференцированные изделия. «Это делается двумя ... путями. Первый: скрытое повышение цены *увязывается с выпуском нового изделия....* Второй путь: скрытое повышение цены *за счет снижения издержек производства старого изделия. ... Чем производство сложнее, тем легче воспользоваться обоими видами скрытого повышения цен*» [12, с. 378].

Это описание свойств товаров и их влияния на возможности эффективного контроля над ценами используется Корнаи для того, чтобы ввести понятия административных, псевдоадминистративных и договорных цен. В случае административной цены «орган ценообразования... *действительно* контролирует цены и качество и добивается их соблюдения.

Другой чистый вид – *договорная цена*. Ее основной признак негативный: она устанавливается *не* административным путем, а на основе соглашения между продавцом и покупателем....

И, наконец, промежуточный вид, который назовем *псевдоадминистративной ценой*. Ее будто бы предписывает орган ценообразования, на самом же деле она определяется заинтересованными сторонами, притом, как правило, продавцом, с которым вынужден считаться покупатель» [12, с. 379–380].

Таким образом, удельный вес административных цен снижается, а псевдоадминистративных растет. Либерализация цен в свете этого выглядит вполне логичной: это просто расширение договорных цен на сферу, где действуют псевдоадминистративные цены. Однако такое номиналистическое положение противоречит представлению о существовании закона стоимости, в соответствии с которым *цены должны стремиться к своим стоимостям*. Если исходить из того, что закон сто-

имости справедлив, то, зная «истинные стоимости товаров», можно было правильно рассчитать и эффективно контролировать любые цены – будь то договорные, псевдо-, или по-настоящему административные. Указанное деление вообще не имеет никакого значения ни для ценообразования, ни для контроля над ценами¹⁰.

Между тем номиналистический дискурс позволяет правдоподобно интерпретировать механизм возникновения хорошо известного советским хозяйственникам феномена растущей дифференциации рентабельности и появления «планово-убыточных» отраслей. Как следует из определений, псевдоадминистративные цены были наиболее распространены в машиностроении, а в отраслях, выпускавших стандартные массовые товары (лесозаготовке, производстве стройматериалов, удобрений), где можно осуществлять эффективный контроль, действовали административные цены. Таким образом, рентабельность в производстве оборудования росла, а в производстве сырья снижалась до тех пор, пока предприятия и целые отрасли (подотрасли) не становились убыточными. Именно такое положение было накануне реформы оптовых цен 1967 г., когда рентабельность в разных отраслях вместе с ценами изменили в административном порядке.

Заметим, что реформа цен в Венгрии в 1968 г., напротив, предусматривала переход от псевдоадминистративных к договорным ценам. Как указывает Корнай: «Венгерская реформа 1968 года явилась существенным шагом вперед, поскольку она ликвидировала такую видимость [контроля над ценами] для значительной части продукции. Так обстоит дело, в частности, с большинством изделий, выпускаемых машиностроительной промышленностью и находящихся в обращении между предприятиями. Ведь государство все равно не смогло бы твердо контролировать цены на них» [12, с. 380].

Подход, который реализовало руководство Я. Кадара, обеспечил сравнительно большую эффективность «гуляшного социализма» по сравнению с советской экономикой. В СССР к концу 1970-х годов эффект от пересмотра оптовых цен в 1967 г. был исчерпан, и опять появились сверхрентабельные и «планово-убыточные» производства. Об этом говорят следующие данные ЦСУ СССР (см. табл. 1).

¹⁰ Показательно, что в ходе обсуждения препринта этой работы 03.06.2021 г. в ИЭ РАН один из очевидцев того, как работал советский Госкомцен в 1970-х годах, продолжал отстаивать тезис о невозможности какой-либо либерализации цен в СССР, несмотря на примеры Венгрии и КНР. Это яркое подтверждение основной методологической посылки данной работы: структуры когнитивности являются первичными по отношению как к материально-техническим, так и институциональным условиям функционирования экономических систем.

Таблица 1

**Прибыль промышленных предприятий по отраслям
промышленности, (млн руб.)**

Отрасли	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Нефтедобывающая	331	2 380	2 553	2 162
Нефтеперерабатывающая	568	1 165	1 785	2 451
Газовая	58	747	796	1 198
Угольная	–1 582	844	242	–1 638
Химическая и нефтехимическая	1 723	3 708	6 575	7 399
Машиностроение и металлообработка	7 029	13 887	16 660	24 532
Лесозаготовительная	202	901	512	–258
Целлюлозно-бумажная	100	484	588	410
Промышленность строительных материалов	473	1 611	2 022	968

Источник: составлено автором по: Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. ежегодник (1981) / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, С. 505.

Как видим, цифры подтверждают положение Корнаи о разной эффективности контроля над ценами в разных отраслях. Угольная и лесозаготовительная отрасли через 10–12 лет после реформы оптовых цен оказались убыточными, снижение прибыли (при одновременном росте физических объемов выпуска) произошло в нефтедобыче, целлюлозно-бумажной промышленности, промышленности строительных материалов. Во всех этих отраслях контроль над ценами был достаточно эффективным. Другими словами, это, по Корнаи, были реальные административные цены. Напротив, в машиностроении и химической промышленности действовали псевдоадминистративные цены, что и обусловило, наряду с ростом выпуска, такой большой рост прибыли¹¹. Наконец, газовая промышленность в этот

¹¹ В постановлении Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 697 «О совершенствовании цен и тарифов в промышленности» указывалось: «Многие министерства, ведомства, объединения и предприятия не уделяют должного внимания вопросам усиления режима экономии, улучшения нормирования ресурсов и снижения себестоимости продукции, не выполняют плановые задания по экономии топливно-энергетических и других материальных ресурсов и росту производительности труда. Все это повлекло за собой рост издержек производства в ряде отраслей промышленности, особенно в топливно-сырьевых, и привело к убыточности добычи угля, лесозаготовок и производства тепловой энергии. Наряду с этим в некоторых отраслях сложилась чрезмерно высокая рентабельность, что ослабляет заинтересованность объединений и предприятий в осуществлении режима экономии и снижении себестоимости продукции».

период переживала период быстрого развития, увеличивая добычу и реализацию, включая поставки на экспорт. Сейчас трудно сказать, насколько эффективным был контроль над ценами в данной отрасли в тот период.

Вместо того чтобы перейти к частичной либерализации цен, советское руководство в 1979 г. занялось совершенствованием «хозяйственного механизма»¹². Этот неожиданный поворот в авторитетном дискурсе остался практически незамеченным многими историками, которые весь период 1968–1985 гг. рисуют «одной краской» – «застой» и «ползучая рестаилинизация»¹³. Напротив, по моему мнению, это была попытка в условиях сложившегося к концу 1970-х годов раскола советских элит выстроить другую, более конвенциональную экономическую модель. При этом руководство отказывалось и от дальнейшего перехода к рынку, который следовал из «косыгинской реформы», и от возврата к жесткому директивному планированию (утверждение о преимуществе экономических методов управления над адресно-директивными стало общепринятой банальностью). Предполагалось «улучшать планирование» и совершенствовать «хозяйственный механизм». В результате получился очень странный политико-экономический конструкт. Характерно, что впоследствии многие исследователи при его характеристике стали избегать термина «социализм», заменяя последний на «административную систему» [13], «административные рынки» [14], «экономику согласований» [15], вызывая тем самым у читателей четкие отрицательные коннотации и делегитимируя советский экономический порядок¹⁴.

А далее предлагалось пересмотреть одни цены в сторону повышения, а другие в сторону снижения с целью приближения их к «общественно необходимым затратам». Что и было сделано в 1983 г. и привело к запуску нового цикла дифференциации рентабельности.

¹² Постановление ЦК КПСС от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2832#028963733223607624>.

¹³ См., например: *Абрамович И.Л.* Воспоминания и взгляды: В 2 кн. Кн. 1. Воспоминания. М.: КРУК-Престиж, 2004. С. 276–286.

¹⁴ Отметим, что еще в 1960-е годы, как и в первой половине 1970-х годов, критический пафос в отношении «административной системы» был бы не воспринят ни экономистами, ни широкой публикой. В контексте представлений, например, Гэлбрейта, это просто технотекстура, обеспечивающая как сам научно-технический прогресс, так и внедрение его достижений. А в СССР тогда это ложилось в контекст планирования и оптимизации, которые вместе с применением экономико-математических методов позволяли сокращать издержки и строить новое общество. В этом и состоит проблема герменевтики: то, что в 1980-х годах воспринималось уже как бюрократический абсурд с элементами коррупции, еще 15–20 лет назад казалось вполне приемлемым вариантом социально-экономического прогресса.

Абсурдистские политико-экономические реформы, предпринятые советским руководством во второй половине 1980-х годов, необходимо рассматривать, исходя из курса на совершенствование хозяйственного механизма 1979 г., а не из «косыгинской реформы» 1965 г. Тогда можно понять, почему вместо разрешения государственным предприятиям реализовывать сверхплановую продукцию по договорным ценам и отказа от псевдоадминистративных цен были приняты законы о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности. Соответственно, и фигуру М.С. Горбачева следует рассматривать не как «запоздавшего романтика–шестидесятника», как это делает, например, С. Коткин [16, с. 39–63], а как члена циничной высшей партийной номенклатуры конца 1970-х – 1980-х годов. Совершенствование хозяйственного механизма позволяло обойтись без «плана и рынка», но одновременно провозглашало улучшение качества планирования и снабжения, в том числе усиление контроля за дисциплиной поставок (за неисполнение договорных обязательств полагались увеличенные штрафы). Причем ответственность за их срыв распространялась на предприятия, а не на (лично) руководителей (партийно-хозяйственную номенклатуру). Все это напоминает знаменитое предложение Л.Д. Троцкого: ни войны, ни мира, а армию – распустить. Но именно это выражение и является ключом к пониманию «горбачевских реформ».

2. Стоимость: основа реалистических дискурсов советской экономической теории

Идея о том, что изменения цен происходят в результате изменений некой субстанции, стоимости (ценности), присущей товарам и ресурсам, привлекала многих экономистов. Многофакторные теории стоимости (труд, земля, капитал, в тех или иных комбинациях) постепенно были вытеснены экономическим «монизмом». Уже к концу XIX в. доминировали теория предельной полезности (стоимость определяется предельной полезностью товаров, ресурсов, услуг) и трудовая теория стоимости (стоимость определяется затратами труда). Отметим, что каждая из этих теорий обладала своими внутренними противоречиями (хотя в силу своих идеологических свойств и, в частности, отсутствия апелляции к антагонизму социальных акторов, теория предельной полезности стала официальным «символом веры» экономистов-теоретиков уже к началу XX в. и остается таковым и в наше время¹⁵).

А еще через 10–15 лет, в конце 1990-х годов и позднее, время господства «административной системы» уже представлялось золотым веком социальной гармонии и реализации атомного и космического мегапроектов.

¹⁵ Подтверждение этому можно найти, открыв любой учебник по микроэкономике.

Предельная полезность не могла помочь в определении цены так называемых «вебленовских товаров»: в этом случае цена определялась не предельной полезностью, а социальным статусом, который получал приобретатель такого товара. Такая же проблема возникала в случае товаров – антиблаг, потребление которых доставляло удовольствие покупателю, но негативно оценивалось обществом (наркотики, азартные игры и т. п.).

В свою очередь, трудовая теория стоимости мало что могла сказать о ценах на землю и природные ископаемые, о величине ренты и ссудного капитала. Противоречия этой теории были в России известны еще в начале XX в. [17].

Таким образом, зная «трудовую стоимость» или «предельную полезность» товаров и услуг, которые производились при социализме, можно было эффективно контролировать цены. Но механизм контроля, который предлагался этими теориями, существенно различался. Это было обусловлено самой спецификой как политэкономии социализма, так и школы системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Ретроспективно основной задачей политэкономии социализма представляется *легитимация* социально-экономического устройства СССР, а не *критическая рефлексия* существовавших проблем советской экономики. Условием успешного решения указанной задачи было сохранение марксистского дискурса, для чего необходимо было интерпретировать имеющиеся феномены в рамках главных тогдашних политико-экономических категорий (собственность, планомерность, товарно-денежные отношения и стоимость, распределение по труду, хозрасчет). В отношении «социалистических цен» требовалось обосновать их соответствие трудовой стоимости, что, на первый взгляд, было сделать довольно сложно. С одной стороны, стоимость у Маркса представляет собой затраты *абстрактного* труда, которые выражаются в затратах рабочего времени. Измерить затраты рабочего времени работников на производство того или иного вида продукции – техническая задача, с которой справится мастер или нормировщик. С другой стороны, эти затраты есть не что иное, как затраты *конкретного* труда, и к абстрактному труду их свести напрямую невозможно. Собственно, это общая проблема *любого варианта реализма*: поскольку форма и содержание разделены, найти *истинную форму*, которая полностью соответствовала бы *содержанию*, удастся далеко не всегда¹⁶.

¹⁶ Именно на это обстоятельство указывал Г.С. Лисичкин, критикуя отсылку в работах советских политэкономов к непосредственно общественному характеру труда: «Признание непосредственно общественного характера труда, отрицание противоречия между трудом конкретным и абстрактным определяет и соответствующий

Но в распоряжении советских политэкономов, кроме первого тома «Капитала», был еще и третий, в котором стоимость трансформировалась сначала в «издержки», а потом в «цену производства». Вот как пишут об этом историки мысли: «...что же понимать под общественно необходимыми затратами труда? На этот вопрос экономисты дают различные ответы.

Многие из них накануне реформы оптовых цен 1967 г., как и в предшествующие годы, отстаивали *стоимостную* концепцию. Между тем известно, что даже применительно к капитализму соответствие цен стоимостям носит характер научной абстракции, ибо непосредственной их основой являются цены производства.

Оппоненты С.Г. Струмилина, К.В. Островитянова, Л.М. Гатовского, Я.А. Кронрода и других сторонников стоимостной концепции справедливо писали, что ориентация цен на стоимость, как их непосредственную основу, поставила бы в привилегированное положение отрасли технически отсталые и в трудное положение – отрасли передовые¹⁷.

Д.Д. Кондрашев, А.Г. Зверев и др. доказывали, что наилучшими будут цены, основанные на *усредненной стоимости*. Как отмечал в своих работах и выступлениях Д.Д. Кондрашев, такие цены имеют два главных достоинства: первое – они явятся преградой субъективизму в планировании цен, второе – простота их расчета. Критики усредненной стоимости указывали на отсутствие функциональной зависимости между чистым доходом и себестоимостью и на то, что такие цены якобы ориентируют на выпуск материалоемкой продукции.

Немало новых сторонников приобрела концепция цены производства. Ее большое достоинство состоит в том, что такие цены учитывают фондоемкость производства. Однако цены на продукцию

взгляд сторонников той концепции [товарников], о которой идет речь, на принципы организации оплаты трудящихся при социализме. Необходимо... разработать соответствующую систему сведения сложного труда к простому и после этого дать оценку единице простого труда. Сделать это предполагается в общегосударственном масштабе с помощью тарифных ставок и расценок оплаты за выполнение утверждаемых норм» [18, с. 444].

¹⁷ Имеется в виду, что «стоимостная концепция» ставила в «выигрышное» положение трудоемкие отрасли и в «проигрышное» – капиталоемкие. Последние, благодаря тезису Маркса о тенденции постоянного роста органического строения капитала, отождествлялись с лидерами научно-технического прогресса. Заметим, что фондосберегающая форма НТП уже была известна советским экономистам. Таким образом, более высокая трудоемкость производства в отдельных отраслях, по сравнению с другими, не должна была напрямую связываться с технической отсталостью. Но инерция авторитетного дискурса, заданного Марксом, в СССР сохраняла свое значение.

трудоемких отраслей не обеспечивали бы предприятиям необходимых накоплений¹⁸.

В начале 60-х годов было выдвинуто предложение о том, чтобы планировать цены на основе цены воспроизводства. Это предложение поддержали В.С. Немчинов, В.П. Дьяченко, А.В. Степанов, Р.А. Белосусов, М.Г. Габриэли, К.Н. Плотников, А.С. Гусаров. Концепция цены воспроизводства представляет собой своего рода «гибрид» стоимостной концепции и концепции цены производства. Она больше других трактовок общественно необходимых затрат труда напоминает цену производства в том виде, в каком ее дал К. Маркс. Действительно, по Марксу, прибыль присоединяется к издержкам производства пропорционально всему капиталу, как постоянному, так и переменному. В принятой же у нас формуле цены производства чистый доход исчисляется по постоянным производственным фондам (основные производственные фонды плюс стоимость материальных оборотных средств). Заработная плата в этот расчет не попадает» [19, с. 312–313].

Как видим, дискуссия вокруг общественно необходимых затрат и цен, которые должны были их отражать, была многогранной и плодотворной. И все были согласны с тем, что цены должны покрывать себестоимость производства. Реформа оптовых цен 1967 г. позволила этого добиться. Таким образом, сторонники каждой из вышеупомянутых концепций могли считать, что их теоретические положения были учтены на практике.

С высказанными выше соображениями был категорически не согласен Г.С. Лисичкин (заметим, что его позиция историками политической экономии социализма не упоминается). Он пишет: «Все они убеждают, что стоимость – это издержки производства с добавлением к ним какой-то произвольной массы прибыли... При этом предполагается, что такой расчет не противоречит Марксовой теории трудовой стоимости, хотя сам Маркс неоднократно говорил о несостоятельности попыток исчисления стоимости на базе издержек»¹⁹.

¹⁸ Именно эта концепция, наряду с усредненной стоимостью, в основном использовалась при расчете плановых цен органами ценообразования.

¹⁹ Любопытно, что Г.С. Лисичкин не приводит соответствующих высказываний Маркса, хотя далее в этой работе достаточно много цитат классиков. Однако само выражение стоимости товара через формулу $w = c + v + m$ заставляет усомниться в правильности предлагаемой интерпретации. Ведь, в конце концов, если «стоимость нельзя исчислить», то нельзя исчислить и прибавочную стоимость. В таком случае существует ли эксплуатация и присвоение капиталистами «неоплаченного труда»? Учитывая, что труд капиталистов сложен, в отличие от труда рабочих (сам Лисичкин пишет о том, что сложный труд нельзя свести к простому), то – при невозможности исчислений – не получится ли так, что, объединившись в профсоюзы, рабочие, не желающие ни учиться, ни эффективно трудиться, постоянно грабят своих высококвалифицированных, социально ответственных, эффективных менеджеров? Проще

В свое время профессор А.С. Мендельсон, анализируя способы исчисления стоимости при социализме, справедливо заметил: «Тот, кто выступает с утверждением, что стоимость можно исчислить, обязан доказать, что Маркс неправ в своем отрицании возможности исчисления стоимости. Ни в одной работе о высказывании Маркса не упоминается, не дается критики положений теорий, на которых основан вывод Маркса» [18, с. 442].

Лисичкин последовательно критикует М.М. Соколова, Я.А. Кронрода, Е.Л. Маневича, В.Г. Лопаткина, председателя Госкомцен В.К. Ситнина. Основной пафос его критики заключается в следующем: «...при таком подходе к ценообразованию, ..., когда игнорируется балансирующая функция цены (между спросом и предложением), любая попытка осуществить переход от фондирования к оптовой торговле равносильна дискредитации новой формы материально-технического снабжения. В этом случае возможен только один способ торговли – предварительная запись в очередь... Ничего, кроме дискредитации, такая форма оптовой торговли дать... не может, так как машины, сырье, будут доставаться не тому, кому они нужнее, не тому, кто сможет использовать их с большим эффектом, а совершенно случайным потребителям.

Так что те из сторонников «товарной» концепции, которые на словах признают необходимость перехода к оптовой торговле средствами производства, но отстаивают принцип формирования цен на базе издержек производства, на деле оказываются и против оптовой торговли» [18, с. 451].

Как уже говорилось выше, замена материального снабжения (фондирования) оптовой торговлей сразу же актуализирует и вопрос о либерализации цен. Однако в приведенной цитате Лисичкин сам же и приводит аргумент в пользу сохранения фондирования – «машины, сырье будут доставаться не тому, кому они нужнее». Возвращаясь к номиналистическому дискурсу, легко заметить, что в условиях общего дефицита и мягкого бюджетного ограничения, по Корнаи, радикальная, шоковая либерализация цен *обязательно* бы привела к тому, что средства производства достались бы совсем не тем, кому они нужнее. Правда, насчет «случайных потребителей» бывший выпускник МГИМО Г.С. Лисичкин явно лукавил: конечно, в СССР они достались бы тем покупателям, которые, учитывая специфику тогдашней советской внешней торговли

говоря, если стоимость нельзя исчислить, то не означает ли, что ее *не существует*, а великий экономист К. Маркс занимался пустой социальной демагогией? И как в свете этого выглядит сам ортодоксальный марксист Г.С. Лисичкин, полагавший, что большевики и их последователи понимали Маркса неправильно? (см.: [20]). Вместо этого Г.С. Лисичкин применяет обычный в таких случаях риторический ход. Уходя от проблематизации основ собственной критики, он прячется за авторитет профессора А.С. Мендельсона.

и наличие множества валютных курсов, пересчитываемых через дифференцированные валютные коэффициенты, имели бы доступ к экспорту. Поэтому так необходима была промежуточная стадия: при сохранении фондирования для выполнения плана – свободная торговля по договорным ценам на сверхплановую продукцию.

Возвращаясь к основам реалистического дискурса, необходимо отметить, что отрицание характера непосредственно общественного труда в СССР образца 1960–1980-х годов для советских политэкономов означало отказ от признания советского строя социалистическим. А такая идентификация в то время была принципиальной.

В свою очередь отечественная экономико-математическая школа пыталась определить «правильные» цены, используя теорию предельной полезности. Однако напрямую делать это было нельзя по идеологическим причинам. Поэтому вместо «субъективистской» риторики, где процесс анализа начинался с хода удовлетворения потребности отдельного индивида (с ростом потребления того или иного блага полезность возрастает с убывающим темпом; поэтому полезность каждой дополнительной единицы становится убывающей), использовалась «объективистская», где место индивида занимало общество.

Естественно, что сами экономисты-математики хорошо понимали свое отличие от политэкономов. Рассмотрим ход аргументации (а заодно и методологию, использовавшуюся для определения величины общественно необходимых затрат, которая должна была определять цены) на примере работы Д.М. Казакевича [21]. Она представляет особый интерес, так как в ней описывалась альтернативная программа политической экономии социализма (Д.М. Казакевич читал именно этот курс в Новосибирском государственном университете), что являлось открытой оппозицией тогдашним учебникам политической экономии. Обычно рассматриваемые подходы предлагались в курсах моделирования социалистической экономики и/или экономической кибернетики, но не политической экономии, где избегали обсуждения прямого сопоставления трудовой теории стоимости и «объективно обусловленных оценок»²⁰.

Казакевич открыто указывает на существовавшие тогда противоречия: «В понимании общественно необходимых затрат труда на производство продукта можно выделить две точки зрения. Значительная часть экономистов разделяет так называемую техническую версию»²¹

²⁰ Термин принадлежит Л.В. Канторовичу.

²¹ Это, конечно, специальный риторический прием. В вышеприведенном отрывке, где излагались подходы советских экономистов к определению общественно необходимых затрат, не употребляется определение «техническая версия», и вряд ли бы оппоненты Казакевича согласились с такой характеристикой. Однако использование этого оборота призвано убедить читателя в нейтральности позиции автора.

общественно необходимых затрат, считая, что общественно необходимые затраты труда есть средняя величина затрат на производство продукта. Согласно второй точке зрения, под общественно необходимым, определяющим стоимость продукта, понимается не просто труд как технический фактор производства в соответствующей отрасли, а общественный труд в народном хозяйстве на производство данного продукта как части всего общественного продукта, удовлетворяющего различные общественные потребности» [21, с. 118–119]. Как видим, в центре оказались потребности общества, а не индивида – социализм же. Далее, как требовал тогдашний авторитетный дискурс, идет набор цитат Маркса и Энгельса, подтверждающий правомерность предлагаемого определения. В частности, указывается, что «у К. Маркса говорится об образовании... стоимости продукта при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Обратим внимание, что речь идет не об отрасли производства, а об обществе... Нигде у К. Маркса не говорится об определении стоимости в отрасли производства продукта.

Нет также оснований считать, что общественно нормальные условия производства – это условия, которым соответствуют средние затраты на продукт» [21, с. 119–120].

Опуская другие цитаты и их толкование, которые, возможно, представляют интерес для историков марксизма, приведем вывод: «Общественная стоимость благ складывается объективно в системе совокупных народнохозяйственных затрат труда на удовлетворение совокупности общественных потребностей, следовательно, на производство совокупности общественных потребительных стоимостей. Развитие социалистического народного хозяйства – сознательно оптимизируемый процесс. Его планирование направлено на достижение народнохозяйственного оптимума и означает планомерное воздействие на величину общественно необходимых затрат труда с целью понижения совокупных затрат на производство общественного продукта» [21, с. 127].

Последняя формулировка представляет собой не что иное, как постановку оптимизационной задачи. Ее решение позволяет, с одной стороны, получить необходимый план выпуска. С другой стороны, можно получить объективно обусловленные оценки эффективности используемых ресурсов. Они и представляют собой основу для цен (сами оценки являются безразмерными, как «ютили», но их денежное выражение образует цену). Естественно, важнейшим условием преобразования «объективно обусловленных оценок» является сохранение пропорций между ними; сам же масштаб цен может различаться и зависит от финансового состояния экономики.

В теории предельной полезности одним из ключевых принципов является второй закон Госсена: ограниченный ресурс будет перерас-

пределяться субъектом (индивидом, фирмой, обществом) до тех пор, пока не будет достигнута равная отдача в расчете на последнюю единицу ресурса по всем возможным направлениям его использования. Если в качестве такого ограниченного многоотраслевого ресурса рассматривать деньги, то можно получить «равновесие по Вальрасу», где будет достигаться максимум общественного благосостояния. Это можно сравнить со следующей формулировкой Д.М. Казакевича: *«Общественно необходимые затраты труда, определяющие стоимость блага, образуются в народном хозяйстве как результат взвешивания приращения полезности и приращения народнохозяйственных затрат в связи с его производством.* (Курсив Д. Казакевича. – П.О.). Затраты живого и овеществленного труда – субстанция стоимости» [21, с. 138–139].

Такое сходство не могли не заметить экономисты, знакомые с микроэкономическим анализом. Поэтому Д.М. Казакевич специально оговаривается: «В данном случае речь идет о понятии предела, используемом в математике, а вовсе не о том понятии предельности, которое используется в экономической теории предельной полезности, где учет в ценах предельной полезности трактуется как определение цен на основе субъективных оценок покупателей» [21, с. 143]. Далее он приводит красноречивую цитату из работы В.В. Новожилова: «С марксизмом несовместимы не лагранжевы множители, а экономическое содержание тех буржуазных теорий, которые широко используют эти множители. Одни и те же математические методы могут применяться в теориях, построенных на диаметрально противоположных предположениях... Методы множителей Лагранжа – Канторовича могут быть наполнены любым содержанием. Буржуазные экономисты используют их в моделях, в которых они ищут максимум субъективной полезности. Тогда множители приобретают содержание предельной полезности. Если же при оптимальном планировании изыскивается минимум затрат труда всей продукции народного хозяйства, то в этой схеме множители отражают затраты труда» [22, с. 270]²².

Неудивительно, что экономисты-математики продолжают искать равновесие и в условиях нынешней России с помощью прежних, по сути, моделей. Математические методы, позволяющие вычислить объем субстанции, изменение которой предопределяет изменение цен, нейтральны по отношению к любой экономической системе. Поэтому стоит построить оптимальный план, провести его декомпозицию до уровня корпораций – и желаемые темпы роста ВВП будут достигнуты. Правда, в наше время многие прежние приверженцы СОФЭ все же изменили свое мнение. Как вспоминает Я.М. Уринсон:

²² Цит. по: [21, с. 143].

«Было время, когда я вполне серьезно думал, что оптимальное планирование (независимо от политического устройства нашей страны) решит все экономические проблемы. Мне не так давно один мой студент процитировал вступление к моей докторской диссертации (1980 г.): в ней я абсолютно серьезно утверждал, что планомерность – это вообще высшая форма управления экономикой. Диссертацию я защищал в ЦЭМИ, оппонентами у меня были нобелевский лауреат Л.В. Канторович и другие умные люди, и они на этот тезис не обратили внимания. Тогда это было привычным общим местом, и многие совершенно искренне верили (если не в 1980-е годы, то уж в 1960–1970-е годы – точно), что можно построить оптимальный план, в соответствии с которым, используя двойственные оценки Канторовича, можно создать экономический механизм, который будет стимулировать всех сверху донизу на выполнение этого оптимального плана. Особенно, когда появились модели Данцига–Вульфа, Корнаи–Липтака с многоступенчатыми системами оптимизации. Сегодня мне, конечно, стыдно за те вступительные слова к моей докторской диссертации» [23, с. 26].

Таким образом, и в этом случае о какой-либо либерализации цен не было и речи. Предполагалось, что оптимальный план, в соответствии с которым будет развиваться советская экономика, требует цен, основанных на объективно обусловленных оценках. В отношении контроля над ценами оба реалистических дискурса совпадали.

Тем не менее между ними была существенная разница: политэкономы социализма, как уже указывалось, были скорее *интерпретаторами* советской экономики, а экономисты-математики претендовали на роль ее *строителей*. Поэтому упоминавшееся выше постановление 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» было принято отчасти под влиянием идей сторонников СОФЭ²³. И, как свидетельствует Я.М. Уринсон, тогда советские экономисты были убеждены в том, что отечественное планирование можно улучшить.

²³ Следует оговориться, что имена авторов, готовивших постановление 1979 г., неизвестны, поэтому определить «удельный вес» влияния идей СОФЭ или, например, кого-либо из политэкономов социализма представляется невозможным. В то же время одной из важнейших реальных проблем, мешавших построению и выполнению оптимального плана, часто обсуждавшихся экономистами-математиками, был срыв поставок («кризисы недопроизводства», проблема, описанная еще Л. Крицманом [24]). Как уже указывалось, постановление 1979 г. пыталось решить эту проблему.

Заключение

Дискурс стоимости предполагает и соответствующие речевые практики в отношении денег. Последние должны как минимум выполнять функции меры стоимости и средства обращения, единые для всей экономической системы. Однако то, что «товарное наполнение» рубля было различным в разных регионах и секторах советской экономики, являлось среди отечественных ученых едва ли не общепризнанным фактом. Об этом говорили и экономисты-математики (Ю.В. Яременко, А.Г. Аганбегян и др.), социологи (Т.И. Заславская) и даже политэкономы социализма²⁴. Правда, последние рассматривали такой феномен как временный (в связи с нарушениями в реализации закона спроса и предложения при социализме).

Несмотря на известность «разноцветных денег», большинство авторов, рассматривавших этот феномен, не делали радикального вывода о том, что в СССР под категорией «рубли» подразумевается целый ряд валют, имеющих разные правила обращения, отличающихся при одинаковом номинале покупательной способностью. Именно поэтому предполагалось, что законы об индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, малых предприятиях (эксперимент на территории Ленинградской области и прибалтийских республик) позволят создать *дополнительное предложение потребительских товаров и услуг*. Но спекуляция на разнице в покупательной силе рубля²⁵ была в разы выгоднее организации новых производств (да еще в условиях нехватки *всех ресурсов*, включая труд, для этих производств). Поэтому естественно, что принятые по инициативе М.С. Горбачева законы привели только к обострению товарного дефицита при одновременном ускорении инфляции.

В ретроспективе сосуществование в экономической науке *признания факта разной покупательной способности рубля и отсутствия элементарных выводов* из него, включая прагматические рекомендации для экономической политики, представляется странным. Но если принимать в расчет сложившиеся тогда в СССР структуры когнитивности, это не должно удивлять. А если бы в 1980-х годах вместо экономистов-математиков и политэкономов социализма в СССР пригласили бы выдающихся представителей неолиберального направления экономи-

²⁴ Среди прочих экономистов, писавших о «разноцветных деньгах», был и автор данной работы [25].

²⁵ Это делалось с помощью «беспроектной» спекуляции: товар покупался на «дешевом» рынке, перепродавался на «дорогом», при этом цены на обоих рынках продолжали оставаться фиксированными. Ту же самую операцию можно представить как обмен «тяжелого», «наполненного товарами» рубля на несколько «легких».

ческой теории, то они бы посоветовали властям делать именно то, что и делалось в 1986–1989 гг. И ожидали бы успеха реформ²⁶. Правдоподобие такой гипотезы объясняется тем, что и монетаристы, и сторонники теории рациональных ожиданий используют реалистический дискурс при характеристике денежных феноменов, сохраняя посылку о существовании общего равновесия и возможности приближения к нему. В этом отношении вывод Э. Чемберлина о необходимости «реориентации стоимости» в связи с существованием монополистической конкуренции одинаково игнорировался и советскими экономистами, и неолибералами.

Современным экономистам не стоит относиться свысока к советским предшественникам, пытавшимся так или иначе «исчислить» стоимость и осуществлять эффективный контроль над ценами. Вряд ли можно однозначно утверждать, что современная российская экономическая наука намного ближе к пониманию механизмов функционирования экономики, чем советская. Однако нынешние теоретики стали частью мирового сообщества ученых и применяют наукометрию. Этим можно если не гордиться, то хотя бы утешаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайек Ф. Путь к рабству. М.: Экономика, 1992.
2. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
3. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Астрель, CORPUS, 2012.
4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014.
5. Соколов А.С. Между карточками и социалистическим товарооборотом: вторая советская пятилетка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 102–110.
6. Политическая экономия: Учебник / К.В. Островитянов, Д.Т. Шепилов, И.Д. Лаптев, И.И. Кузьминов, Л.М. Гатовский. М.: Госполитиздат, 1954.
7. Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966.
8. Стреляный А.И. Социализм мысли против социализма чувства / Лисичкин Г.С. Тернистый путь к изобилию. Очерки. М.: Советский писатель, 1986. С. 572–605.
9. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига; СПб.: TerraFantastica, 2004.
10. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости / Пер. с англ. Э.Г. Лейкина и Л.Я. Розовского; Под ред.

²⁶ Стоит напомнить, что на Западе тогда доминировала концепция «экономики предложения» А. Лэффера. Налоговое стимулирование в этой концепции делало более привлекательным расширение производства и инвестиций, что, в свою очередь, должно было бы негативно сказаться на инфляции. Поэтому рекомендации советских теоретиков в 1980-х годах вполне соответствовали духу западного мейнстрима.

- О.Я. Ольсевича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. (Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости / Пер. с англ. Э.Г. Лейкина и Л.Я. Розовского; Под. ред. О.Я. Ольсевича. М.: Экономика, 1996).
11. Кошовец О.Б., Ореховский П.А. Дискурс «экономики» против дискурса «экономической системы»: от осмысления реальности к производству смыслов // Общественные науки и современность. 2018. № 6. С. 133–148.
 12. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
 13. Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М.: ПИК, 1990.
 14. Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.
 15. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма, 1990. www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev#ch3 (дата обращения 06.05.2021).
 16. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
 17. Франк С. Теория ценности Маркса и ее значение: критический этюд. СПб.: Изд-во М.И. Водовозова, 1900.
 18. Лисичкин Г.С. Куда приплыл Колумб / Лисичкин Г.С. Тернистый путь к изобилию. Очерки. М.: Советский писатель, 1986. С. 433–468.
 19. История политэкономии социализма / Под ред. Д.К. Трифонова и Л.Д. Широкограда. Л.: ЛГУ, 1983.
 20. Лисичкин Г.С. К. Маркс – злейший враг российских большевиков. Минск; М.: Полифакт, Конкорд, 1993.
 21. Казакевич Д.М. Очерки теории социалистической экономики. Новосибирск: Наука, 1980.
 22. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Наука, 1972.
 23. Уринсон Я.М. Экономические реформы: взгляд из Министерства экономики // Мир России. 2012. № 1. С. 24–36.
 24. Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции: Опыт анализа т. н. «Военного коммунизма». М.: Гос. изд-во, 1925.
 25. Ореховский П.А. Феномен «разноцветных денег» и российская реформа // Российский экономический журнал. 1997. № 3. С. 25–31.

REFERENCES

1. Hayek F. The path to slavery. M.: Ekonomika, 1992. (In Russ.).
2. Yurchak A. It was forever, until it ended. The last Soviet generation. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. (In Russ.).
3. Gaidar E.T. The death of the empire. Lessons for modern Russia. M.: Astrel', CORPUS, 2012. (In Russ.).
4. Gurevich A.Ya. Historical synthesis and the Annales School. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014. (In Russ.).
5. Sokolov A.S. Between the cards and the socialist turnover: the second Soviet five-year plan // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2021. No. 2. Pp. 102–110. (In Russ.).
6. Political Economy: Textbook. / K.V. Ostrovityanov, D.T. Shepilov, I. D. Laptev, I.I. Kuzminov, L.M. Gatovsky. M.: Gospolitizdat, 1954. (In Russ.).
7. Venzher V.G. The collective farm system at the present stage. M.: Ekonomika, 1966. (In Russ.).

8. *Strelyanuy A.I.* Socialism of thought versus socialism of feeling / Lisichkin G.S. A thorny path to abundance. Essays. M.: M.: Sovetskiy pisatel', 1986. Pp. 572–605. (In Russ.).
9. *Galbraith J.K.* New industrial society. M.: AST, Transit-book; SPb.: Terra Fantastica, 2004. (In Russ.).
10. *Chamberlin E.* The theory of monopolistic competition. Reorientation of the theory of value / Transl. from English E.G. Leikin and L. Ya. Rozovsky; Ed. O. Ya. Olsevich. M.: Izd-vo inostranoy literatury, 1959. (*Chamberlin E.* The theory of monopolistic competition. Reorientation of the theory of value / Transl. from English. E.G. Leikin and L. Ya. Rozovsky; Ed. O. Ya. Olsevich. M.: Ekonomika, 1996). (In Russ.).
11. *Koshovets O.B., Orekhovsky P.A.* The discourse of “economics” versus the discourse of the “economic system”: from comprehending reality to the production of meanings // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2018. No. 6. Pp. 133–148. (In Russ.).
12. *Kornai J.* Deficit. M.: Nauka, 1990. (In Russ.).
13. *Popov G.Kh.* The brilliance and poverty of the administrative system. M.: PIK, 1990. (In Russ.).
14. *Kordonsky S.G.* Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia. M.: OGI, 2000.
15. *Naishul V.A.* The highest and last stage of socialism, 1990. www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev#ch3 (access date 05.06.2021). (In Russ.).
16. *Kotkin S.* Prevented Armageddon. The collapse of the Soviet Union, 1970–2000. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. (In Russ.).
17. *Frank S.* Marx's theory of value and its meaning: a critical study. SPb.: Izd-vo M.I. Vodovozova, 1900. (In Russ.).
18. *Lisichkin G.S.* Where did Columbus sail / Lisichkin G.S. A thorny path to abundance. Essays. M.: M.: Sovetskiy pisatel', 1986. Pp. 433–468. (In Russ.).
19. History of the political economy of socialism / Ed. D.K. Trifonova and L.D. Shirokorad. L.: LGU, 1983. (In Russ.).
20. *Lisichkin G.S. K. Marx is the worst enemy of the Russian Bolsheviks.* Minsk; M.: Polifact, Concord, 1993. (In Russ.).
21. *Kazakevich D.M.* Essays on the theory of socialist economics. Novosibirsk: Nauka, 1980. (In Russ.).
22. *Novozhilov V.V.* Problems of measuring costs and benefits in optimal planning. M.: Nauka, 1972. (In Russ.).
23. *Urinson Ya.M.* Economic reforms: a view from the Ministry of Economy // *Mir Rossii*. 2012. No. 1. Pp. 24–36. (In Russ.).
24. *Kritsman L.N.* The heroic period of the Great Russian Revolution: The experience of the analysis of the so-called. “War Communism”. M.: Gos. izd-vo, 1925. (In Russ.).
25. *Orekhovsky P.A.* The phenomenon of “colored money” and the Russian reform // *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, 1997. No. 3. Pp. 25–31. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Orekhovsky Petr Alexandrovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
orekhovskypa@mail.ru

POSSIBILITIES AND RESTRICTIONS FOR PRICE LIBERALIZATION
IN THE USSR IN 1960–1970S: THE ROLE OF VALUE DISCOURSE

The wholesale price reform in 1967 in the USSR presupposed the leveling of sectoral profitability. The Soviet leadership did not proceed to the liberalization of prices for above-planned products, as was done in 1978 in the China. In retrospective, price liberalization seems to be the most important and necessary part of the reforms, but it was abandoned. The widespread explanation (the ideological blindness and dogmatism of the Soviet leadership administration and economists, conditioned by the internal specifics of the totalitarian system) seems unsatisfactory.

The paper puts forward a hypothesis about the confidence of Soviet scientists in the possibility of an objective understanding of the patterns of price formation based on value. The characteristics of two authoritative, dominant discourses at that time are given: political economists of socialism and economists-mathematicians (Systems of optimal functioning of the economy). The decisive role of cognitive structures in maintaining administrative control over prices up to 1991 is substantiated.

The discourse of value played a key role in the preparation of measures to improve the economic mechanism and the next cycle of changes in wholesale prices in 1979.

Keywords: *discourse, cognitive structures, nominalism, realism, value, prices.*

JEL: B24, B41, B51.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.А. КИСЛИЦЫНА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Т.В. ЧУБАРОВА

доктор экономических наук, руководитель Центра экономической теории
социального сектора ФГБУН Институт экономики РАН

ОЦЕНКА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕЙТИНГА¹

На основе предварительно проведенного анализа литературы в статье предложена и апробирована методология измерения деятельности системы здравоохранения в России в региональном разрезе. Цель заключается в том, чтобы ранжировать регионы РФ по деятельности системы здравоохранения. Методология основана на построении композитного индекса – интегрального показателя, агрегирующего три основных аспекта деятельности системы здравоохранения (доступность, качество и результативность).

Ключевые слова: система здравоохранения, измерение деятельности системы здравоохранения, композитные индексы, рейтинг, регионы России.

JEL: I14, I15, C43, R58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_35_71.

Введение

Вопросы состояния и перспектив системы здравоохранения в настоящее время находятся в центре внимания государства и общества. Такой особый интерес во многом связан с развитием пандемии, которая обострила восприятие проблем охраны здоровья граждан

¹ Статья подготовлена по материалам доклада, представленного на Международном научном семинаре «Теоретическая экономика» Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации: Кислицына О.А., Чубарова Т.В. Комплексная оценка деятельности системы здравоохранения в России: опыт построения индекса. М.: ИЭ РАН, 2019. inecon.org/publikaczii/nauchnye-doklady/kisliczy-na-ochubarova-tv-kompleksnaya-ocenka-deyatelnosti-sistemy-zdravooxraneniya-v-rossii-opyt-postroeniya-indeksta.html.

и поставила на повестку для устойчивого развития необходимость формирования системы здравоохранения, способной гибко реагировать на сложные и масштабные эпидемиологические вызовы.

Одна из проблем в рассматриваемой области связана с необходимостью оценки работы системы здравоохранения. Тем более, что в последние годы в России проводились реформы с целью улучшения ее работы, повышения эффективности и качества. Это в свою очередь требует оценить проводимые мероприятия с тем, чтобы получить возможность вносить изменения в проводимую политику, корректировать предлагаемые меры. Для этого, в свою очередь, необходимы определенные методологические подходы, которые позволят оценить – как количественно, так и качественно работу государства в области охраны здоровья населения.

Оценка деятельности системы здравоохранения представляет собой сложную задачу. Прежде всего, системность охраны здоровья подразумевает множественность целей и задач. Безусловно, результирующим показателем можно считать состояние здоровья населения, однако и здесь возможны варианты, можно использовать как статистические подходы, так и субъективные показатели самооценки здоровья. Вместе с тем, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) кроме улучшения состояния здоровья населения выдвигает такие цели системы здравоохранения, как соответствие ожиданиям граждан и обеспечение их финансовой защиты в случае наступления болезни. В этом контексте рассматриваются вопросы доступности, как наличие соответствующих организаций здравоохранения, так и отсутствие финансовых барьеров, а также качества и результативности. Поэтому для комплексной оценки деятельности системы здравоохранения необходим учет многих взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов.

В контексте поиска простых, понятных и практичных подходов к оценке доступности, качества и результативности системы здравоохранения в последнее время широкую популярность получили композитные индексы – интегральные показатели, объединяющие различные аспекты деятельности здравоохранения и позволяющие одновременно оценить работу по всем направлениям [2]. Один из главных аргументов в пользу такого подхода заключается в том, что он предлагает всестороннюю оценку деятельности с помощью одного индикатора и наглядно представляет «большую картину», облегчая понимание общей ситуации как для политиков, принимающих решения в области здравоохранительной политики, так и для широкой общественности [19].

В этой связи необходимо отметить такую важную роль индексов как возможность построения на их основе рейтингов. Они активно используются в стратегическом управлении, позволяя оценить позицию объекта наблюдения по отношению к другим объектам, в том

числе и в динамике. Это особенно актуально для России как федерального государства, где субъекты федерации существенно различаются по уровню социально экономического развития, это относится и к сфере здравоохранения. Поэтому среднероссийские показатели зачастую скрывают значительные региональные различия в деятельности систем охраны здоровья населения. Вместе с тем, одна из основных задач государства состоит в том, чтобы обеспечить равный уровень развития здравоохранения в субъектах федерации и, соответственно, не просто декларацию, а реализацию равных прав граждан в области охраны здоровья на всей территории России. Рейтинг дает возможность отслеживать ситуацию в отдельных регионах, наглядно показывает состояние регионального здравоохранения, а это позволяет анализировать степень реализации общих задач здравоохранительной политики, выявлять те направления, где складываются неблагоприятные тенденции. Построение регионального рейтинга здравоохранения (в отличие от межстрановых) облегчается тем, что здравоохранение субъектов федерации в России построено на общих принципах.

На основе предварительно проведенного анализа существующих методологических подходов к построению индексов деятельности системы здравоохранения (например: [14; 17; 20; 23; 25; 27]) и предлагаемых на их основе рейтингов на международном (например: [13; 15; 22; 26; 28; 29]) и национальном (например, в США [21; 24; 30], Великобритании [10], Канаде [20], России [3; 6]) уровнях в данной статье представлена разработанная и апробированная авторами методология построения индекса деятельности системы здравоохранения, на основе которого был построен рейтинг регионов РФ.

Данные и методы

В качестве информационной базы исследования использованы не только объективные статистические данные (в основном это данные официальной статистики Росстата, данные Минздрава (ЦНИИОИЗ)), но и субъективные данные специальных обследований: Итоги выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения Росстата, Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата.

Для измерения деятельности системы здравоохранения построен композитный индекс – интегральный показатель, который объединяет отдельные аспекты деятельности системы здравоохранения, выбранные на основе анализа международного опыта измерения деятельности системы здравоохранения; литературы, дающей представление о работе отрасли; данных, имеющихся в России (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные аспекты и индикаторы, используемые для построения
индекса деятельности здравоохранения в России**

Аспекты	Индикаторы	Смысл*	Источник
Доступность			
Физическая доступность	Число больничных организаций (на 10 тыс. населения и площадь территории региона)	<i>P</i>	Росстат
	Число коек (на 10 тыс. населения)	<i>P</i>	Росстат
	Число амбулаторно-поликлинических организаций (на 10 тыс. населения и площадь территории региона)	<i>P</i>	Росстат
	Численность врачей, в том числе педиатров и терапевтов (на 10 тыс. населения)	<i>P</i>	ЦНИИОИЗ
	Численность среднего медицинского персонала (на 10 тыс. населения)	<i>P</i>	ЦНИИОИЗ
	Доли выездов бригад скорой медицинской помощи, доезжающих до места вызова и ДТП за 20 мин. (%)	<i>P</i>	ЦНИИОИЗ
Материальная доступность	Доля денежных расходов домохозяйств на здравоохранение в общих расходах (%)	<i>N</i>	Росстат
Качество системы здравоохранения			
Финансирование услуг здравоохранения и государственные приоритеты	Расходы на территориальные программы государственных гарантий на одного жителя/застрахованного (руб.)	<i>P</i>	Росстат
Отзывчивость системы здравоохранения/соответствие ожиданиям населения	Доли удовлетворенных работой поликлиники (%) и диагностических служб в поликлинике (%)	<i>P</i>	Росстат
Результативность системы здравоохранения			
	Общая продолжительность жизни (ОПЖ) ОПЖ (лет)	<i>P</i>	Росстат
	Смертность населения в трудоспособном возрасте (на 100 тыс. населения соотв. возр.)	<i>N</i>	Росстат

	Смертность от злокачественных новообразований (на 100 тыс. населения)	N	ЦНИИОИЗ
	Смертность от болезней системы кровообращения (на 100 тыс. населения)	N	ЦНИИОИЗ
	Смертность от предотвратимых заболеваний (органов дыхания, пищеварения, инфекции) (на 100 тыс. населения)	N	ЦНИИОИЗ
	Доля тех (15 +), кто оценивает здоровее как хорошее и очень хорошее (%)	P	Росстат

* Смысл индикатора: P – положительный (увеличение численного значения индикатора указывает на улучшение деятельности здравоохранения), N – отрицательный (увеличение численного значения индикатора указывает на ухудшение деятельности здравоохранения)

Источник: составлено авторами по: Итоги выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения. М.: Росстат. 2017; Комплексное наблюдение условий жизни населения. М.: Росстат. 2018.

Индекс рассчитывается как невзвешенное среднее арифметическое под-индексов по всем аспектам. Под-индекс по каждому блоку показателей определяется как среднее арифметическое значение индексов всех входящих в блок базовых показателей, которые были перед этим преобразованы по методу Min-Max.

Индикаторы, используемые для построения индекса, имеют положительный (P) (т. е. увеличение численного значения индикатора указывает на улучшение деятельности здравоохранения) или отрицательный (N) (т. е. увеличение численного значения индикатора указывает на ухудшение деятельности здравоохранения) смысл (см. табл. 1), который оценивается, исходя из общечеловеческих ценностей (например, удовлетворенность системой здравоохранения имеет положительный смысл, а смертность – отрицательный).

Если показатель имеет положительный смысл, то значение индекса рассчитывается по формуле: $I = \frac{X - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}$, где X_{min} , X_{max} – соответственно наименьшее и наибольшее значения показателя среди всех исследуемых районов.

Если показатель имеет отрицательный смысл, то значение индекса рассчитывается по формуле: $I = 1 - \frac{X - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}$.

Таблица 2
Регионы РФ – лидеры и аутсайдеры по численности медицинского персонала на душу населения, 2017 г.

Терапевты		Педиатры		Врачи семейной практики		Врачи, всего		Средний медицинский персонал	
Лидеры	Аутсайдеры	Лидеры	Аутсайдеры	Лидеры	Аутсайдеры	Лидеры	Аутсайдеры	Лидеры	Аутсайдеры
Чукотский АО	Пензенская область	г. Санкт – Петербург	Чеченская Республика	Чувашская Республика	Чеченская Республика	Чукотский АО	Курганская область	Магаданская область	Приморский край
Республика Ингушетия	Вологодская область	Ивановская область	Курганская область	Воронежская область	Республика Ингушетия	г. Санкт – Петербург	Чеченская Республика	Ханты-Мансийский АО	Ленинградская область
Республика Саха (Якутия)	Республика Татарстан	Ярославская область	Республика Адыгея	Пензенская область	Республика Адыгея	Республика Северная Осетия – Алания	Владимирская область	Чукотский АО	Калининградская область
Республика Тыва	Курганская область	г. Москва	Республика Бурятия	Самарская область	Волгоградская область	Магаданская область	Псковская область	Республика Тыва	Чеченская Республика
Республика Северная Осетия – Алания	г. Москва	Магаданская область	Свердловская область	г. Москва	Иркутская область	ХМАО	Еврейская автономная область	Ямало-Ненецкий АО	Московская область

Источник: составлено авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Результаты и обсуждение

Рейтинг доступности системы здравоохранения

Физическая доступность системы здравоохранения

Кадровая доступность системы здравоохранения

Наблюдаются существенные региональные различия в обеспеченности медицинскими кадрами (см. табл. 2): по числу терапевтов на душу населения лидирует Чукотский АО, меньше всего специалистов данного направления в Пензенской области; по числу педиатров на первом месте Санкт-Петербург, на последнем Чечня; больше всего врачей общей практики (семейных) в Чувашии, меньше всего в Чечне. Также сложились заметные региональные различия по обеспеченности средним медперсоналом: наибольший уровень обеспеченности наблюдается в Магаданской области, наименьший – в Приморском крае.

На основе данных о численности медицинского персонала был построен индекс обеспеченности регионов медицинскими кадрами (см. табл. 3). Лучше всего обеспечены медицинскими кадрами Чукотский АО, Магаданская область, ХМАО, Саха (Якутия), Тыва. Самый низкий уровень обеспеченности наблюдается в Чечне, Курганской, Калининградской, Ленинградской, Свердловской областях.

Таблица 3

10 самых обеспеченных и самых необеспеченных медицинскими кадрами регионов РФ, 2017 г.

Самые обеспеченные кадрами		Самые необеспеченные кадрами	
регион	индекс	регион	индекс
Чукотский АО	0,762	Чеченская Республика	0,101
Магаданская область	0,639	Курганская область	0,144
Ханты-Мансийский АО	0,597	Калининградская область	0,157
Республика Саха (Якутия)	0,590	Ленинградская область	0,163
Республика Тыва	0,583	Свердловская область	0,173
Ямало-Ненецкий АО	0,548	Приморский край	0,177
Республика Северная Осетия – Алания	0,529	Псковская область	0,186
г. Санкт – Петербург	0,520	Калужская область	0,190
Республика Мордовия	0,519	Ростовская область	0,205
Чувашская Республика	0,502	Челябинская область	0,210

Источник: рассчитано авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

*Ресурсная доступность системы здравоохранения*Обеспеченность больничными койками

Разница в уровне обеспеченности населения больничными койками между наиболее и наименее обеспеченными субъектами РФ (Чукотским АО и Ингушетией) достигала трех раз (табл.4). Наиболее неблагоприятная ситуация помимо Ингушетии сложилась в Чечне, Москве, Татарстане, Севастополе. Лучше всего обеспечены койками Чукотский АО, Магаданская, Сахалинская области, Тыва, Камчатский край.

Таблица 4

10 самых обеспеченных и самых необеспеченных медицинскими койками регионов РФ, 2017 г.

Самые необеспеченные койками		Самые обеспеченные койками	
регион	N*	регион	N*
Республика Ингушетия	45,00	Чукотский АО	133,10
Чеченская Республика	55,60	Магаданская область	115,10
г. Москва	55,70	Сахалинская область	104,70
Республика Татарстан	56,70	Республика Тыва	101,90
г. Севастополь	59,40	Камчатский край	94,80
Ленинградская область	59,60	Ненецкий АО	92,50
Тюменская область без АО	60,00	Республика Саха (Якутия)	91,90
Калужская область	63,40	Республика Коми	90,70
Республика Дагестан	63,70	Костромская область	89,20
Московская область	65,20	Еврейская автономная область	88,80

* на 10 тыс. населения.

Источник: составлено авторами по: данные Росстат.

Обеспеченность медицинскими учреждениями (стационарными и амбулаторно-поликлиническими)

Обычно обеспеченность населения медучреждениями оценивается с помощью показателей численности стационаров и амбулаторно-поликлинических организаций в расчете на численность населения. Однако отличительной особенностью нашей страны является большая территория и крайняя неравномерность распределения населения. Поэтому при учете обеспеченности населения региона медучреждениями было принято решение учитывать не только численность

населения, но и размер территории региона. Индекс обеспеченности медучреждениями был вычислен как среднее арифметическое между обеспеченностью стационарами и амбулаторно-поликлиническими организациями. В свою очередь, обеспеченность амбулаториями/стационарами была вычислена как среднее значение нормированных показателей C_1 и C_2 , где C_1 – число амбулаторно-поликлинических организаций/стационаров на численность населения региона и C_2 – число амбулаторно-поликлинических организаций/стационаров на площадь территории региона.

Выявлена существенная территориальная дифференциация по обеспеченности медучреждениями (см. табл. 5). Лучше всего ими обеспечены регионы с самой высокой (города федерального значения Москва и Санкт-Петербург) и с самой низкой плотностью населения (Чукотский АО и Магаданская область). Наиболее неблагоприятная ситуация с обеспеченностью медучреждениями наблюдается в Республиках Башкортостан и Чечня, Ставропольском и Краснодарском краях.

Таблица 5

10 самых обеспеченных и самых необеспеченных медицинскими учреждениями регионов РФ, 2017 г.

Самые необеспеченные учреждениями		Самые обеспеченные учреждениями	
регион	индекс	регион	индекс
Республика Башкортостан	0,035	г. Санкт – Петербург	0,563
Чеченская Республика	0,043	Чукотский АО	0,466
Ставропольский край	0,045	г. Москва	0,409
Краснодарский край	0,050	Магаданская область	0,388
Тюменская область без АО	0,082	Еврейская автономная область	0,284
Самарская область	0,083	Камчатский край	0,259
Ханты-Мансийский АО	0,084	Республика Калмыкия	0,215
Республика Дагестан	0,085	Республика Коми	0,208
Ростовская область	0,086	Республика Карелия	0,200
Новосибирская область	0,088	Республика Тыва	0,199

Источник: рассчитано авторами по: данные Росстата.

Обеспеченность службами скорой помощи

Обеспеченность службами скорой помощи была оценена с помощью двух индикаторов: доля выездов бригад скорой помощи, доезжающих за 20 минут до места вызова и места ДТП, по которым был

рассчитан средний показатель. Самая высокая доля бригад скорой помощи, в среднем доезжающих до места назначения за 20 минут, в Ингушетии, Чувашии, Москве, Чукотском АО, Кабардино-Балкарии (см. табл. 6). Хуже всего работает скорая помощь в таких регионах, как Тверская, Томская, Псковская, Самарская области, Республика Карелия, несмотря на компактность многих из этих регионов и высокую плотность населения. Возможные причины – сокращение станций скорой помощи, износ парка машин, низкая укомплектованность кадрами, необоснованные вызовы, связанные с тем, что людям стало сложнее получить поликлиническую помощь. Эксперты указывают и на возможность фальсификации статистики в некоторых регионах. Например, в Москве бригады скорой помощи работают с планшетами, показывающими время доезда к месту вызова, а диспетчер отмечает прибытие, даже если машина скорой помощи еще в пути [4].

Таблица 6

10 регионов РФ с самыми быстрыми и с самыми медленными бригадами скорой медицинской помощи, 2017 г.

С самыми медленными бригадами		С самыми быстрыми бригадами	
регионы	индекс	регионы	индекс
Тверская область	0,000	Республика Ингушетия	1,000
Томская область	0,055	Чувашская Республика	0,985
Республика Карелия	0,059	г. Москва	0,979
Псковская область	0,105	Чукотский АО	0,970
Самарская область	0,124	Кабардино-Балкарская Республика	0,966
Тульская область	0,154	Ненецкий АО	0,958
Камчатский край	0,245	Карачаево-Черкесская Республика	0,909
Республика Тыва	0,266	Ханты-Мансийский АО	0,895
Ленинградская область	0,342	Тамбовская область	0,892
Вологодская область	0,361	Брянская область	0,888

Источник: рассчитано авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Материальная доступность системы здравоохранения

Материальная доступность системы здравоохранения была оценена с помощью доли расходов домохозяйств на здравоохранение. В 2016 г. в 48 регионах она оказалась выше среднероссийского уровня

(3,6%). При этом наблюдается существенная дифференциация между субъектами РФ (см. табл. 7). Наибольшая доля расходов домохозяйств на здравоохранение – в Псковской, Смоленской, Рязанской, Свердловской, Липецкой областях. Наименьшая была отмечена в Ингушетии, Магаданской области, Дагестане, Тыве, Крыму.

Таблица 7

10 регионов РФ с самой высокой и с самой низкой долей расходов домохозяйств на здравоохранение, 2017 г.

С самой высокой долей расходов		С самой низкой долей расходов	
регион	%	регион	%
Псковская область	5,6	Республика Ингушетия	0,7
Смоленская область	5,3	Магаданская область	1,5
Рязанская область	5,3	Республика Дагестан	1,5
Свердловская область	5,3	Республика Тыва	2,0
Липецкая область	5,2	Республика Крым	2,4
Хабаровский край	5,0	Тульская область	2,4
Амурская область	4,7	Ненецкий АО	2,5
Саратовская область	4,6	Республика Калмыкия	2,6
Белгородская область	4,6	Кабардино-Балкарская Республика	2,7
Карачаево-Черкесская Республика	4,6	Ханты-Мансийский АО	2,7

Источник: составлено авторами по: данные Росстата.

Итоговое распределение российских регионов по доступности системы здравоохранения представлено на рис. 1. В топ-10 субъектов РФ с самой доступной системой здравоохранения вошли Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Санкт-Петербург, Москва Магаданская и Сахалинская области, Ингушетия, Тыва, Калмыкия. Менее всего доступны услуги системы здравоохранения в Псковской, Ленинградской, Самарской, Свердловской, Тверской, Вологодской, Омской, Томской областях, Республиках Чечня и Карелия (см. табл. 8).

Рассмотренные показатели являются традиционными для оценки доступа и охвата медпомощью, однако, доступ к медобслуживанию является сложной и многоплановой концепцией, в самом узком смысле он относится к географической доступности. Исследования

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 1. Распределение регионов РФ по доступности системы здравоохранения (0 – самый низкий результат, 1 – самый высокий), 2017 г.

свидетельствуют о том, что плотность населения положительно влияет на доступность медпомощи [9; 11; 12; 16; 18]. Регионы могут иметь сопоставимое количество поставщиков медуслуг на душу населения, но в некоторых регионах эти поставщики распределены редко, и для населения получение необходимых услуг может быть чрезвычайно затруднительно, что негативно сказывается на здоровье. Проведенное нами исследование показало (не представлено в статье), что основные показатели результативности деятельности системы здравоохранения (ОПЖ, смертность) тесно связаны с распределением медучреждений с учетом размера территории региона. Уменьшение последствий такого регионального дисбаланса потребует больше усилий, чем просто добавление медработников в существующие учреждения, поскольку многие из них сами по себе недоступны для населения. Максимизация пространственного доступа к медучреждениям требует переписи поставщиков и их местоположений. К сожалению, на сегодняшний день не существует ни одной всеобъемлющей базы данных государственных учреждений здравоохранения в России с географической привязкой несмотря на то, что странам рекомендовано составлять реестры основных учреждений здравоохранения и переписи предоставления услуг [31; 32].

Таблица 8

Рейтинг регионов РФ по доступности системы здравоохранения*, 2017 г.

	Кадры	Койки	Медицинские учреждения	Служба скорой помощи	Расходы домохозяйств на услуги здравоохранения	Индекс доступности
Регионы с самой низкой доступностью						
Псковская область	0,186	0,331	0,116	0,105	0,000	0,148
Ленинградская область	0,163	0,166	0,095	0,342	0,310	0,215
Самарская область	0,316	0,251	0,083	0,124	0,369	0,229
Свердловская область	0,173	0,305	0,098	0,563	0,073	0,243
Тверская область	0,350	0,421	0,139	0,000	0,342	0,250
Чеченская республика	0,101	0,120	0,043	0,534	0,514	0,262
Вологодская область	0,269	0,316	0,141	0,361	0,269	0,271
Республика Карелия	0,409	0,253	0,200	0,059	0,504	0,285
Омская область	0,360	0,297	0,088	0,437	0,263	0,289
Томская область	0,375	0,469	0,126	0,055	0,436	0,292
Регионы с самой высокой доступностью						
Республика Калмыкия	0,433	0,330	0,215	0,808	0,603	0,433
Республика Тыва	0,583	0,646	0,199	0,266	0,730	0,583
Сахалинская область	0,473	0,678	0,190	0,618	0,476	0,473
г. Москва	0,370	0,121	0,409	0,979	0,573	0,370
ХМАО	0,597	0,330	0,084	0,895	0,586	0,597
Республика Ингушетия	0,399	0,000	0,095	1,000	1,000	0,399
г. Санкт-Петербург	0,520	0,300	0,563	0,743	0,398	0,520
Ненецкий АО	0,403	0,539	0,182	0,958	0,639	0,403
Магаданская область	0,639	0,796	0,388	0,597	0,833	0,639
Чукотский АО	0,762	1,000	0,466	0,970	0,259	0,762

* Значения в ячейках более темного цвета соответствуют более высокой степени доступности.

Источник: рассчитано авторами.

Рейтинг качества системы здравоохранения

Рейтинг качества системы здравоохранения был построен на основе данных об отзывчивости системы здравоохранения (измеряемой посредством удовлетворенности населения работой системы здравоохранения) и финансирования системы здравоохранения (измеряемой посредством расходов на территориальную программу государственных гарантий (ТППГ) бесплатного оказания медицинской помощи на одного жителя/застрахованного).

Отзывчивость системы здравоохранения

В рамках Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2017 г., россиян спросили о нескольких аспектах удовлетворенности работой системы здравоохранения [7]. В связи с отсутствием данных по аспектам, касающимся работы стационарных медучреждений, в некоторых регионах, оценка удовлетворенности работой системы здравоохранения была получена на основе данных об удовлетворенности работой поликлиники и диагностических служб в поликлинике (полностью удовлетворен/не в полной мере удовлетворен) (см. табл. 9).

Таблица 9

10 регионов РФ с самой высокой и с самой низкой долей удовлетворенных работой системы здравоохранения, 2017 г.

С самой маленькой долей удовлетворенных		С самой большой долей удовлетворенных	
регион	индекс	регион	индекс
г. Севастополь	0,00	Республика Северная Осетия-Алания	1,00
Орловская область	0,24	Республика Мордовия	0,93
Ростовская область	0,31	Чувашская Республика	0,89
Хабаровский край	0,34	Чеченская Республика	0,88
Владимирская область	0,34	Ямало-Ненецкий АО	0,83
Сахалинская область	0,34	Курская область	0,82
Республика Хакасия	0,36	Республика Калмыкия	0,82
Тверская область	0,36	Республика Саха (Якутия)	0,81
Республика Крым	0,39	Республика Татарстан	0,80
Еврейская авт. область	0,40	Брянская область	0,78

Источник: рассчитано авторами по: данным Росстата.

Менее всего удовлетворено работой поликлиник население Севастополя, Орловской, Ростовской, Владимирской областей, Хабаровского края. Наиболее довольные работой поликлиник проживают в Северной Осетии-Алании, Мордовии, Чувашии, Чечне, Ямало-Ненецком АО.

Финансирование системы здравоохранения

В табл. 10 представлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по уровню расходов на территориальные программы государственных гарантий обеспечения бесплатной медицинской помощи (ТППГ) на одного жителя/застрахованного. Региональная дифференциация по этому показателю составляет 7 раз: от максимальных в Чукотском АО (52625 руб.) до минимальных в Ингушетии (7672 руб.) (для сравнения среднее значение по России – 13885 руб.). Только в 23 субъектах РФ расходы на ТППГ на одного жителя превосходят среднероссийский уровень.

Регионы с самыми высокими подушевыми расходами на ТППГ представляют северные нефтедобывающие, богатые полезными ископаемыми регионы (см. табл. 10). Менее всего тратят на одного застрахованного, в основном, в северо-кавказских регионах.

Таблица 10

10 регионов РФ с самыми низкими и с самыми высокими расходами на ТППГ на одного человека, 2017 г.

С самыми низкими расходами		С самыми высокими расходами	
регион	руб.	регион	руб.
Республика Ингушетия	7672	Чукотский АО	52625
Карачаево-Черкесская Республика	7765	Ненецкий АО	50013
Республика Дагестан	7949	Магаданская область	44355
Кабардино-Балкарская Республика	8768	Ямало-Ненецкий АО	41543
Республика Калмыкия	8794	Ханты-Мансийский АО-Югра	37217
Чеченская Республика	8849	Сахалинская область	37054
Республика Адыгея	8997	Камчатский край	35649
Республика Марий Эл	9318	Республика Саха (Якутия)	31780
Брянская область	9518	г. Москва	23497
Ставропольский край	9659	Тюменская область	22370

Источник: составлено авторами по: данные Росстата.

Итоговое распределение субъектов РФ по качеству системы здравоохранения представлено на рис. 2. Среди лидеров можно выделить такие регионы, как Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Магаданская область, Республика Саха (Якутия). В этих регионах самый высокий уровень расходов на ТППГ в расчете на одного жителя/застрахованного и большое число удовлетворенных работой поликлиник. Самое низкое качество системы здравоохранения наблюдается в регионах Центрального ФО (7 регионов, особенно в Орловской, Владимирской, Тверской, Ивановской, Тульской областях), Южного ФО (7), Приволжского ФО (5), Северо-Западного ФО (3), в некоторых регионах юга Сибири (Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область) и Дальнего Востока (Еврейская автономная область, Приморский и Хабаровский края) (см. табл. 11).

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 2. Распределение регионов РФ по качеству системы здравоохранения (0 – самое низкое качество, 1 – самое высокое), 2017 г.

Таблица 11

Рейтинг регионов РФ по качеству системы здравоохранения, 2017 г.*

	Удовлетво- ренность	Расходы на ТПГТ на одного застрахованного	Качество
Регионы с самым низким качеством			
Орловская область	0,243	0,065	0,154
Ростовская область	0,314	0,053	0,184
Владимирская область	0,339	0,084	0,211
Республика Адыгея	0,411	0,029	0,220
Тверская область	0,364	0,087	0,225
Ивановская область	0,408	0,044	0,226
Республика Крым**	0,393	0,074	0,233
Республика Хакасия	0,357	0,127	0,242
Тульская область	0,436	0,093	0,265
Еврейская автономная область	0,400	0,162	0,281
Регионы с самым высоким качеством			
Республика Тыва	0,765	0,246	0,505
Северная Осетия-Алания	1,000	0,055	0,527
Тюменская область	0,766	0,327	0,547
Камчатский край	0,499	0,622	0,561
ХМАО	0,605	0,657	0,631
Республика Саха (Якутия)	0,812	0,536	0,674
Магаданская область	0,733	0,816	0,774
Ямало-Ненецкий АО	0,832	0,753	0,793
Чукотский АО	0,619	1,000	0,810
Ненецкий АО	0,738	0,942	0,840

* Значения в ячейках более темного цвета соответствуют более высокому качеству;

** кроме г. Севастополь.

Источник: рассчитано авторами.

Рейтинг результативности системы здравоохранения

Для оценки результативности системы здравоохранения были использованы такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), самооценка здоровья, смертность в трудоспособном возрасте, по причине злокачественных новообразований, болезней системы кровообращения, предотвратимых путем улучшения качества медицинской помощи болезней: органов дыхания, системы пищеварения,

инфекций и паразитов). Для более объективной оценки смертности, исключая влияние возрастной структуры населения в регионах, были использованы стандартизированные коэффициенты смертности.

Ожидаемая продолжительность жизни

Отмечается огромный разрыв в ОПЖ между регионами – 15,5 лет. Значение показателя ОПЖ варьировалось от 66,1 в Чукотском АО до 81,6 в Ингушетии при медианном значении 71,8 и среднем по России 72,7 ОПЖ превышала средний по России уровень только в 29 регионах (см. табл. 12).

Первые три региона с наилучшими показателями ОПЖ – Ингушетия, Москва и Дагестан – существенно отличаются от основной массы субъектов Российской Федерации), где ОПЖ в основном не достигает и 75 лет. Еще только в 4 регионах – Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Санкт-Петербурге – она превышает этот порог. Исследователи полагают, что в определенной степени это может быть связано с завышением численности населения в ходе Всероссийской переписи 2010 г., и, соответственно, занижением коэффициентов смертности [1,5]. Более низкие значения ОПЖ фиксируются в Дальневосточном и Сибирском ФО. Меньше всего продолжительность жизни в Чукотском АО и в Тыве.

Таблица 12

10 регионов РФ с самым низким и самым высоким показателем ОПЖ, 2017 г.

С самой низкой ОПЖ		С самой высокой ОПЖ	
регион	ОПЖ, лет	регион	ОПЖ, лет
Чукотский АО	66,10	Республика Ингушетия	81,59
Республика Тыва	66,29	г. Москва	77,87
Еврейская автономная область	68,83	Республика Дагестан	77,79
Амурская область	69,06	Карачаево-Черкесская Республика	75,94
Иркутская область	69,19	Кабардино-Балкарская Республика	75,81
Кемеровская область	69,35	Республика Северная Осетия – Алания	75,51
Магаданская область	69,37	г. Санкт-Петербург	75,45
Забайкальский край	69,64	Чеченская Республика	74,84
Новгородская область	69,68	Республика Татарстан	74,20
Хабаровский край	69,74	Ставропольский край	74,19

Источник: составлено авторами по: данные Росстата.

Смертность населения в трудоспособном возрасте

Наблюдаются большие различия между субъектами РФ в смертности населения в трудоспособном возрасте, достигающие почти 6 раз (на 100 тыс. населения: от 146,4 в Ингушетии до 883 в Чукотском АО) (см. табл. 13).

Таблица 13

10 регионов РФ с самой высокой и самой низкой смертностью населения в трудоспособном возрасте, 2017 г.

С самой высокой смертностью трудоспособных		С самой низкой смертностью трудоспособных	
регион	смертность*	регион	смертность*
Чукотский АО	822,7	Республика Ингушетия	146,4
Республика Тыва	728,5	Республика Дагестан	173
Новгородская область	693,9	Чеченская Республика	185,6
Кемеровская область	682	Карачаево-Черкесская Республика	292
Магаданская область	674,5	Кабардино-Балкарская Республика	305
Иркутская область	659,6	г. Москва	307,6
Псковская область	656,9	Республика Северная Осетия – Алания	347,5
Республика Карелия	638	Ставропольский край	369,5
Тверская область	635,6	г. Санкт-Петербург	380,2
Амурская область	630,7	Ямало-Ненецкий АО	380,8

* на 100 тыс. населения соответствующего возраста.

Источник: составлено авторами по: данные Росстата.

Смертность от болезней системы кровообращения (БСК)

Стандартизированный показатель смертности от БСК варьирует в расчете на 100 тыс. от 224,6 в Ингушетии до 703,5 в Еврейской автономной области (см. табл. 14). Высокие показатели отмечались также в Псковской, Новгородской областях, Камчатском крае. Помимо Ингушетии низкой смертностью от БСК отличаются Дагестан, Мордовия, Сахалинская область, Карачаево-Черкессия.

Таблица 14

**10 регионов РФ с самой высокой и с самой низкой смертностью
от болезней системы кровообращения, 2017 г.**

С самой высокой смертностью от БСК		С самой низкой смертностью от БСК	
регион	смертность*	регион	смертность*
Еврейская автономная область	703,5	Республика Ингушетия	224,6
Псковская область	679	Республика Дагестан	267,3
Камчатский край	620,2	Республика Мордовия	291,5
Новгородская область	620,1	Сахалинская область	302,3
Республика Крым	602,3	Карачаево-Черкесская Республика	318,1
Чукотский АО	595,4	г. Москва	332,9
Орловская область	583,1	Чувашская Республика	343,8
Республика Тыва	577,9	Воронежская область	364,3
Хабаровский край	572,1	Кабардино-Балкарская Республика	366,7
Мурманская область	567,9	Курганская область	369,7

* на 100 тыс. населения.

Источник: составлено авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Смертность от злокачественных новообразований (ЗНО)

Значение стандартизованного показателя смертности от ЗНО варьировалось в пересчете на 100 тыс. населения: от 76,4 в Ингушетии до 209,9 в Красноярском крае (см. табл. 15). Низкие показатели смертности от ЗНО наблюдались также в Дагестане. Далее с существенным отрывом следуют Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Тамбовская область. Регионы с наибольшими значениями смертности от ЗНО, кроме Красноярского края, – Сахалинская, Магаданская, области, Хакасия.

*Смертность от болезней, предотвратимых путем улучшения
качества медицинской помощи (органов дыхания, системы
пищеварения, инфекционных и паразитарных болезней).*

Болезни органов дыхания (БОД) стабильно занимают лидирующее место в структуре общей заболеваемости населения России. Самые высокие стандартизованные показатели смертности от БОД, в 2 раза превышающие среднее значение по России (33,3 на 100 тыс.), зарегистрированы в Чукотском АО, Забайкальском крае, Дагестане, Хакасии,

Таблица 15

**Топ-10 регионов РФ с самой высокой и самой низкой смертностью
от злокачественных новообразований, 2017 г.**

С самой высокой смертностью от ЗНО		С самой низкой смертностью от ЗНО	
регион	смертность*	регион	смертность*
Красноярский край	209,9	Республика Ингуше- тия	76,4
Сахалинская область	204,5	Республика Дагестан	102
Магаданская область	202,4	Карачаево-Черкесская Республика	116,4
Республика Хакасия	200,6	Республика Северная Осетия-Алания	122,4
Иркутская область	193,1	Тамбовская область	124,6
Кемеровская область	192,2	Чувашская Респу- блика	124,7
Республика Коми	190,3	Республика Мордо- вия	127,1
Томская область	189	Тюменская область без АО	128,8
Еврейская автоном- ная область	187,3	Воронежская область	130,9
Челябинская область	185,9	Кабардино-Балкар- ская Республика	131,6

* на 100 тыс. населения.

Источник: составлено авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Тыве. Реже всего умирают от БОД в Ингушетии, Чечне, Севастополе, Москве, Карачаево-Черкессии (см. табл. 16).

Регионы с высокими показателями смертности по причине болезней органов пищеварения (БОП): Сахалинская, Владимирская, Вологодская области, Тыва, Коми (см. табл. 14). Самые низкие показатели смертности от БОП зафиксированы в Ингушетии, Чечне, Москве, Дагестане, Тюменской области без автономий.

Высокими значениями смертности от некоторых инфекционных и паразитарных болезней отличаются Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области, Тыва, Алтайский край (см. табл. 14). Благоприятнее всего обстоит дело в Липецкой, Белгородской, Орловской областях, Ненецком АО, Карачаево-Черкессии.

Итоговое распределение регионов лидеров и аутсайдеров по смертности от предотвратимых причин представлено в табл. 17. Самая низкая смертность зафиксирована в Ингушетии, Чечне, Москве, Карачаево-Черкессии, самая высокая – в Тыве.

Таблица 16

Регионы с самой высокой и низкой смертностью* от предотвратимых заболеваний, 2017 г.

Болезни органов дыхания			Болезни органов пищеварения				Инфекционные и паразитарные болезни				
с низкой		с высокой		с низкой		с высокой		с низкой		с высокой	
Республика Ингушетия	6,8	Чукотский АО	76,9	Республика Ингушетия	5,7	Сахалинская область	120	Липецкая область	4,3	Кемеровская область	72,7
Чеченская Республика	11,4	Забайкальский край	76,8	Чеченская Республика	20,1	Республика Тыва	107,5	Белгородская область	4,4	Иркутская область	66,3
г. Севастополь	15,1	Республика Дагестан	74,9	г. Москва	27,6	Владимирская область	89,2	Ненецкий АО	5	Республика Тыва	53,1
г. Москва	17,1	Республика Хакасия	72,2	Республика Дагестан	28,1	Вологодская область	80	Карачаево-Черкесская Республика	5,4	Алтайский край	52,7
Карачаево-Черкесская Республика	17,7	Республика Тыва	68,9	Тюменская область без автономий	33,3	Республика Коми	76,9	Орловская область	5,7	Новосибирская область	49,1

* стандартизированный показатель смертности в расчете на 100 тыс. населения.

Источник: составлено авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Таблица 17

**10 регионов РФ с самой высокой и самой низкой смертностью
от предотвратимых болезней, 2017 г.**

С самой высокой смертностью		С самой низкой смертностью	
регион	индекс	регион	индекс
Республика Тыва	0,170	Республика Ингушетия	0,978
Чукотский АО	0,291	Чеченская Республика	0,920
Кемеровская область	0,318	г. Москва	0,851
Сахалинская область	0,414	Карачаево-Черкесская Республика	0,850
Иркутская область	0,415	Кабардино-Балкарская Республика	0,807
Курганская область	0,423	Воронежская область	0,798
Красноярский край	0,441	Белгородская область	0,796
Республика Хакасия	0,450	Ставропольский край	0,785
Забайкальский край	0,452	Республика Калмыкия	0,774
Еврейская автономная область	0,474	Республика Мордовия	0,766

Источник: рассчитано авторами по: данные ЦНИИОИЗ.

Доля населения с оценками здоровья «хорошее» и очень хорошее»

В ходе Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2018 г., россиянам было предложено оценить свое здоровье [8]. Наблюдается дифференциация регионов в оценке населением своего здоровья (см. табл. 18). С большим отрывом лидирует Чечня, где 78,3% считают свое здоровье хорошим и очень хорошим. Наибольшая доля тех, кто положительно оценивает свое здоровье, также наблюдается в Ямало-Ненецком АО, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Астраханской области, ХМАО, г. Санкт-Петербург и даже в анти-лидерах по показателям смертности – Чукотском АО и Магаданской области. Меньше всего довольных состоянием здоровья в Орловской, Кировской, Омской областях, Алтайском крае, Коми.

Итоговое распределение регионов по результативности системы здравоохранения, представлено на рис. 3. В число субъектов РФ с самыми плохими результатами системы здравоохранения вошли регионы Дальнего Востока (Еврейская автономная область, Чукотский АО, Сахалинская область) и Сибири (Тыва, Кемеровская область, Хакасия, Иркутская область, Красноярский и Забайкальский края), а также Псковская область. Самые высокие результаты системы здравоохранения наблюдаются, в основном, в регионах Северного Кавказа (Ингушетия, Чечня, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Даге-

Таблица 18

Топ-10 регионов РФ с самой высокой и самой низкой долей населения, оценившего свое здоровье, как хорошее и очень хорошее, 2018 г.

С самой низкой долей		С самой высокой долей	
регион	%	регион	%
Орловская область	28,2	Чеченская Республика	78,3
Кировская область	28,6	Ямало-Ненецкий АО	64,0
Алтайский край	29,9	Республика Ингушетия	62,1
Республика Коми	31,0	Чукотский АО	60,4
Омская область	31,5	Республика Дагестан	59,7
Республика Хакасия	32,4	Кабардино-Балкарская Республика	57,1
Белгородская область	33,0	Астраханская область	56,7
Псковская область	33,0	Магаданская область	56,2
Кемеровская область	33,1	Ханты-Мансийский АО – Югра	54,1
Курская область	33,8	г. Санкт-Петербург	54,0

Источник: составлено авторами по: данные Росстата.

стан, Северная Осетия-Алания), а также в Москве, Санкт-Петербурге, Мордовии, Воронежской области, Ямало-Ненецком АО (см. табл. 19).

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 3. Распределение регионов РФ по результативности системы здравоохранения (0 – самый низкий результат, 1 – самый высокий), 2017 г.

Таблица 19

Рейтинг регионов РФ по результативности системы здравоохранения, 2017 г.*

	Смертность от злокачественных новообразований	Смертность от болезней системы кровообращения	Смертность от предотвратимых болезней	Самооценка здоровья	Смертность трудоспособного населения	ОПЖ	Индекс результативности
Регионы с самой низкой результативностью							
Республика Тыва	0,185	0,262	0,170	0,179	0,139	0,012	0,164
Еврейская автономная область	0,169	0,000	0,474	0,162	0,337	0,176	0,276
Кемеровская область	0,133	0,543	0,318	0,098	0,208	0,210	0,277
Чукотский АО	0,307	0,226	0,291	0,642	0,000	0,000	0,293
Республика Хакасия	0,070	0,354	0,450	0,084	0,356	0,265	0,303
Иркутская область	0,126	0,339	0,415	0,298	0,241	0,199	0,315
Красноярский край	0,000	0,428	0,441	0,264	0,369	0,291	0,330
Псковская область	0,300	0,051	0,554	0,097	0,245	0,249	0,337
Забайкальский край	0,193	0,470	0,452	0,196	0,384	0,229	0,349
Сахалинская область	0,040	0,838	0,414	0,294	0,334	0,264	0,383
Регионы с самой высокой результативностью							
Ямало-Ненецкий АО	0,366	0,571	0,708	0,714	0,653	0,480	0,608
Воронежская область	0,592	0,708	0,798	0,224	0,506	0,447	0,624
Северная Осетия-Алания	0,655	0,581	0,738	0,318	0,703	0,607	0,625
Республика Мордовия	0,620	0,860	0,766	0,146	0,561	0,471	0,628
Республика Дагестан	0,808	0,911	0,603	0,629	0,961	0,755	0,702
Кабардино-Балкарская республика	0,587	0,703	0,807	0,576	0,765	0,627	0,702
г. Москва	0,461	0,774	0,851	0,384	0,762	0,760	0,704
Карачаево-Черкесская республика	0,700	0,805	0,850	0,312	0,785	0,635	0,715
Чеченская республика	0,423	0,330	0,920	1,000	0,942	0,564	0,725
Республика Ингушетия	1,000	1,000	0,978	0,676	1,000	1,000	0,944

* Значения в ячейках более темного цвета соответствуют более высокой результативности.

Источник: рассчитано авторами.

Рейтинг деятельности системы здравоохранения

Общий индекс деятельности системы здравоохранения в регионах РФ как результирующая трех описанных выше подиндексов, представлен на рис. 4 и в табл. 20.

Ранжирование регионов России по деятельности системы здравоохранения позволило выявить регионы-лидеры и регионы-аутсайды. Первые 10 мест в рейтинге заняли Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Москва, такие республики Северного Кавказа как Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, а также Магаданская область, Чукотский АО, Республика Саха (Якутия). Самыми проблемными регионами оказались Псковская, Тверская, Орловская, Кемеровская, Владимирская, Иркутская, Свердловская, Тульская, Еврейская автономная области, Республика Хакасия.

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 4. Распределение регионов РФ по деятельности системы здравоохранения (0 – самый низкий результат, 1 – самый высокий), 2017 г.

Таблица 20

Рейтинг регионов РФ по деятельности системы здравоохранения, 2017 г.*

	Доступность		Качество		Результативность		Деятельность	
	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге
Псковская область	0,148	84	0,325	56	0,337	77	0,270	84
Тверская область	0,250	80	0,225	80	0,384	74	0,286	83
Республика Хакасия	0,364	46	0,242	77	0,303	80	0,303	82
Орловская область	0,340	57	0,154	84	0,416	63	0,303	81
Кемеровская область	0,324	63	0,316	57	0,277	82	0,306	80
Еврейская автономная область	0,369	44	0,281	75	0,276	83	0,309	79
Владимирская область	0,319	67	0,211	82	0,434	58	0,322	78
Иркутская область	0,301	73	0,357	47	0,315	79	0,324	77
Свердловская область	0,243	81	0,356	48	0,390	70	0,329	76
Тульская область	0,304	71	0,265	76	0,450	52	0,340	75
Хабаровский край	0,321	65	0,295	71	0,416	62	0,344	74
Приморский край	0,355	51	0,289	73	0,389	71	0,344	73
Республика Адыгея	0,303	72	0,220	81	0,516	33	0,347	72
Самарская область	0,229	82	0,288	74	0,524	31	0,347	71
Курганская область	0,348	55	0,300	64	0,393	68	0,347	70
Республика Крым**	0,384	31	0,233	78	0,450	51	0,356	69
Красноярский край	0,364	45	0,378	41	0,330	78	0,357	68
Алтайский край	0,380	36	0,310	60	0,386	72	0,359	67
Челябинская область	0,317	68	0,337	53	0,435	57	0,363	66
Вологодская область	0,271	78	0,384	38	0,436	56	0,364	65
Пермский край	0,323	64	0,366	45	0,405	66	0,365	64
Ростовская область	0,346	56	0,184	83	0,566	22	0,365	63
Новгородская область	0,352	53	0,325	55	0,431	60	0,369	62
Омская область	0,289	76	0,368	42	0,461	48	0,373	61
Забайкальский край	0,383	33	0,392	34	0,349	76	0,374	60
Калужская область	0,293	74	0,400	28	0,444	54	0,379	59

	Доступность		Качество		Результативность		Деятельность	
	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге
Калининградская область	0,320	66	0,295	70	0,529	27	0,381	58
Ленинградская область	0,215	83	0,423	22	0,513	35	0,384	57
Республика Тыва	0,485	9	0,505	10	0,164	84	0,385	56
Новосибирская область	0,362	48	0,394	31	0,402	67	0,386	55
Республика Карелия	0,285	77	0,419	24	0,454	50	0,386	54
Томская область	0,292	75	0,466	15	0,411	65	0,390	53
Ивановская область	0,457	15	0,226	79	0,490	43	0,391	52
Саратовская область	0,354	52	0,297	67	0,524	30	0,392	51
Рязанская область	0,334	60	0,303	63	0,543	25	0,393	50
Оренбургская область	0,411	24	0,349	50	0,429	61	0,397	49
Ульяновская область	0,407	25	0,298	66	0,496	40	0,400	48
Костромская область	0,442	16	0,291	72	0,482	45	0,405	47
Смоленская область	0,336	59	0,382	39	0,500	39	0,406	46
Волгоградская область	0,386	30	0,295	69	0,539	26	0,407	45
Нижегородская область	0,373	42	0,304	62	0,550	24	0,409	44
Мурманская область	0,330	62	0,381	40	0,519	32	0,410	43
Республика Башкортостан	0,418	21	0,357	46	0,461	47	0,412	42
Амурская область	0,391	29	0,367	43	0,486	44	0,415	41
Ярославская область	0,383	32	0,341	52	0,527	29	0,417	40
Краснодарский край	0,350	54	0,299	65	0,602	12	0,417	39
Белгородская область	0,311	69	0,386	36	0,556	23	0,418	38
Республика Бурятия	0,377	38	0,466	14	0,412	64	0,418	37
Ставропольский край	0,331	61	0,332	54	0,594	15	0,419	36
Кировская область	0,377	37	0,392	33	0,495	41	0,421	35
Пензенская область	0,372	43	0,311	58	0,587	18	0,423	34

	Доступность		Качество		Результативность		Деятельность	
	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге
Республика Марий Эл	0,373	41	0,385	37	0,513	34	0,424	33
Липецкая область	0,308	70	0,395	30	0,569	21	0,424	32
Республика Коми	0,434	18	0,453	17	0,385	73	0,424	31
Тамбовская область	0,374	40	0,310	59	0,589	17	0,424	30
Республика Удмуртия	0,380	35	0,407	27	0,493	42	0,427	29
Астраханская область	0,401	28	0,295	68	0,585	19	0,427	28
Брянская область	0,438	17	0,412	25	0,436	55	0,429	27
Архангельская область	0,412	23	0,428	20	0,461	46	0,433	26
Курская область	0,417	22	0,437	19	0,447	53	0,434	25
Республика Алтай	0,426	19	0,424	21	0,455	49	0,435	24
Московская область	0,355	50	0,387	35	0,580	20	0,441	23
Сахалинская область	0,487	8	0,498	12	0,383	75	0,456	22
Республика Татарстан	0,339	58	0,437	18	0,594	14	0,456	21
Карачаево-Черкесская республика	0,374	39	0,308	61	0,715	3	0,466	20
Камчатский край	0,406	26	0,561	7	0,431	59	0,466	19
Республика Дагестан	0,357	49	0,341	51	0,702	6	0,467	18
Воронежская область	0,401	27	0,392	32	0,624	9	0,472	17
Тюменская область	0,381	34	0,547	8	0,504	38	0,477	16
Чеченская республика	0,262	79	0,454	16	0,725	2	0,481	15
г. Санкт-Петербург	0,505	4	0,355	49	0,597	13	0,485	14
Республика Чувашия	0,461	14	0,483	13	0,528	28	0,491	13
Республика Калмыкия	0,478	10	0,420	23	0,592	16	0,497	12
Республика Мордовия	0,363	47	0,503	11	0,628	7	0,498	11
Кабардино-Балкарская республика	0,469	12	0,396	29	0,702	5	0,522	10
г. Москва	0,490	7	0,410	26	0,704	4	0,535	9
Северная Осетия-Алания	0,471	11	0,527	9	0,625	8	0,541	8

	Доступность		Качество		Результативность		Деятельность	
	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге	индекс	место в рейтинге
Республика Саха (Якутия)	0,468	13	0,674	5	0,512	36	0,552	7
ХМАО	0,498	6	0,631	6	0,602	11	0,577	6
Чукотский АО	0,691	1	0,810	2	0,293	81	0,598	5
Республика Ингушетия	0,499	5	0,366	44	0,944	1	0,603	4
Магаданская область	0,651	2	0,774	4	0,392	69	0,606	3
Ямало-Ненецкий АО	0,420	20	0,793	3	0,608	10	0,607	2
Ненецкий АО	0,544	3	0,840	1	0,504	37	0,629	1

* Значения в ячейках более темного цвета соответствуют более высокому результату;

** кроме г. Севастополь.

Источник: рассчитано авторами.

Выводы

Ранжирование регионов России по деятельности системы здравоохранения позволило выявить регионы-лидеры в этой области, которые можно разделить на три группы. Первую ожидаемо составили субъекты РФ с высоким уровнем социально-экономического развития (Ненецкий и Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Москва), которые устойчиво возглавляют список регионов-доноров.

Вторую группу образуют три из шести республик, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа: Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария), которые при не очень высоком качестве системы здравоохранения (низкие государственные расходы на здравоохранение, но при этом высокая удовлетворенность работой системы здравоохранения) отличаются высокой результативностью, связанной с национальными особенностями состояния здоровья населения (высокой ОПЖ и самооценкой здоровья и низкими показателями смертности). Следует отметить, что остальные три республики – Чечня, Дагестан и Карачаево-Черкесия – также занимают высокие места в рейтинге.

Третью группу представляют богатые природными ископаемыми дальневосточные регионы (Магаданская область, Чукотский АО, Саха (Якутия)), для которых характерны очень высокие показатели доступности и качества при невысокой результативности системы здравоохранения, что, скорее всего, объясняется сложными природно-климатическими условиями и другими социально-экономическими факторами (во всех этих регионах наблюдается высокий уровень разводов, при этом в Магаданской области – высокий уровень убийств и покушений на убийства, в Якутии – низкое качество воды, Чукотском автономном округе – плохие показатели здорового образа жизни).

Несмотря на то, что самые проблемные регионы заметно различаются по уровню своего экономического развития, их общими чертами являются низкие показатели по всем трем составляющим индекса деятельности системы здравоохранения: плохая доступность, низкое качество и низкая результативность регионального здравоохранения.

Обращают на себя внимание два очень низких показателя (единственные показатели в рейтинге ниже 0,2): уровень доступности здравоохранения в Псковской области и уровень качества здравоохранения – в Орловской области, где отмечается самая низкая удовлетворенность работой системой здравоохранения.

Предложенный рейтинг показал, что ситуация в области здравоохранения в российских регионах достаточно пестрая, и при этом неоднозначная. Например, в Республике Тыва при относительно высоких показателях доступности и качества самая низкая результативность здравоохранения (0,164) что, в том числе, связано с одной из самых низких ОПЖ в России (66,29 лет) и во много обусловлено неблагоприятным воздействием социально-экономических факторов. В итоге она заняла в рейтинге деятельности системы здравоохранения 56 место.

Таким образом, рейтинг дает как федеральным, так и региональным властям отправную информацию для анализа регионального здравоохранения, прежде всего с точки зрения выявления проблемных зон, требующих особого внимания. В этом плане, как представляется, оправдала себя разработка отдельных подиндексов, которые позволяют конкретизировать общую картину.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно, возможно, использует не все индикаторы, которые могут характеризовать деятельность системы здравоохранения, в том числе и в силу их отсутствия в отечественной статистике. Во-вторых, полученные результаты в значительной степени зависят от качества как официальных статистических данных, так и субъективных, полученных на основе опросов населения. В-третьих, авторы отдают себе отчет в том, что раз-

работать идеальную, удовлетворяющую всех, методологию оценки деятельности системы здравоохранения и ранжирования регионов по деятельности системы здравоохранения невозможно. Методика открыта для обсуждения и корректив.

Несмотря на эти ограничения, включая то, что индексы деятельности системы здравоохранения могут рассматриваться как противоречивые (поскольку нет консенсуса по поводу того, что ее в принципе можно количественно оценить и сравнить в международном или региональном контексте), их построение имеет значительное влияние, так как может быть использовано для общей оценки направления развития системы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 26–34.
2. Кислицына О.А., Чубарова Т.В. Использование композитных индексов для измерения деятельности системы здравоохранения: международный опыт // Проблемы современной экономики. 2020. № 2 (74). С. 100–104.
3. Медвестник. Рейтинг эффективности здравоохранения регионов РФ. 19.04.2018. medvestnik.ru/content/articles/Reiting-effektivnosti-zdravookhraneniya-regionov-RF.html (дата обращения 10 июня 2021).
4. Нодельман В. Нескорая помощь: каждый десятый россиянин ждет медиков больше 40 минут. Дольше всего к пациентам врачи едут в небольших селах и крупных городах / Известия. 4.04.2019. iz.ru/864213/valeriia-nodelman/neskoraia-pomoshch-kazhdyi-desiati-rossiianin-zhdet-medikov-bolshe-40-minut (дата обращения 10 июня 2021).
5. Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2018 года в России. Часть II / Демоскоп Weekly. 2018. № 781–782. www.demoscope.ru/weekly/2018/0781/barometer781.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
6. Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б. Эффективность систем здравоохранения регионов России, 2019. Росконгресс. 26.02.2021. roscongress.org/materials/effektivnost-sistem-zdravookhraneniya-regionov-rossii-2019 (дата обращения 10 июня 2021).
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Итоги выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения 2017. gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html (дата обращения 10 июня 2021).
8. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения 10 июня 2021).
9. Alegana V.A., Wright J.A., Pentrina U., Noor A.M., Snow R.W., Atkinson P.M. Spatial modeling of healthcare utilization for treatment of fever in Namibia // Int J Health Geogr. 2012. № 11. P. 6–10.

10. Appleby J., Mulligan J. How well is the NHS performing? A composite performance indicator based on public consultation. London: King's Fund, 2000.
11. Astell-Burt T., Flowerdew R., Boyle P.J., Dillon J.F. Does geographic access to primary healthcare influence the detection of hepatitis C? // Soc Sci Med. 2011. № 72(9). P. 1472–1481.
12. Bem A., Ucieklak-Jeż P., Prędkiewicz P. Measurement of health care system efficiency // Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development. 2014. № 36(1). P. 25–33.
13. Björnberg A., Phang A.Y. Euro Health Consumer Index. Health Consumer Powerhouse. 25.02.2019. healthpowerhouse.com/media/EHCI-2018/EHCI-2018-report.pdf (дата обращения 10 Июня 2021).
14. Dolan P., Gudex C., Kind P., Williams A. (1996) Valuing health states: A comparison of methods // Journal of Health Economics. 1996. №15. P. 209–231.
15. Evans D.B., Tandon A., Murray C.J., Lauer J.A. The comparative efficiency of national health systems in producing health: an analysis of 191 countries. Geneva: World Health Organization, 2000. <https://www.who.int/healthinfo/paper29.pdf> (дата обращения 10 июня 2021).
16. Gabrysych S., Cousens S., Cox J., Campbell O.M. The influence of distance and level of care on delivery place in rural Zambia: a study of linked national data in a geographic information system // PLoS Med. 2011. №8(1): e1000394.
17. Goddard M., Jacobs R. Using composite indicators to measure performance in health care. In: Smith P., Mossialos E., Papanicolas I., Leatherman S. (Eds.) Performance Measurement for Health System Improvement: Experiences, Challenges and Prospects (Health Economics, Policy and Management. Pp. 339–368). Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
18. Hanlon M., Burstein R., Masters S.H., Zhang R. Exploring the relationship between population density and maternal health coverage // BMC Health Services Research. 2012. № 12: 416.
19. Jacobs R., Goddard M., Smith P. C. Public services: are composite measures a robust reflection of performance in the public sector? Working papers 016cherp. Centre for Health Economics. University of York, 2006.
20. Jacobs R., Smith P., Goddard M. Measuring performance: An examination of composite performance indicators. CHE Technical Paper Series 29, 2004. www.york.ac.uk/che/pdf/tp29.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
21. Jencks S.F., Cuerton T., Burwen D.R., Fleming B., Houck P.M., Kussmaul A.E., Nilasena D.S., Ordin D.L., Arday D.R. Quality of medical care delivered to Medicare beneficiaries: A profile at state and national levels // Journal of the American Medical Association. 2000. № 284(13). P. 1670–1676.
22. Miller L.J., Lu W. These Are the World's Healthiest Nations. Bloomberg 24.02.2019. www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips (дата обращения 10 июня 2021).
23. OECD. Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and user guide, 2008. www.oecd.org/std/42495745.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
24. Robert Wood Johnson Foundation and the University of Wisconsin Population Health Institute. 2018 County Health Rankings Key Findings Report. 2018. www.countyhealthrankings.org/explore-health-rankings/measures-data-sources (дата обращения 10 июня 2021).

25. *Ryan M., Farrar S.* Using conjoint analysis to elicit preferences for health care // *British Medical Journal*. 2000. № 320(7248). P. 1530–1533.
26. *Schneider E.C. et al.* Mirror, Mirror 2017: International Comparison Reflects Flaws and Opportunities for Better U.S. Health Care. Commonwealth Fund, 2017. www.commonwealthfund.org/sites/default/files/documents/___media_files_publications_fund_report_2017_jul_schneider_mirror_mirror_2017.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
27. *Smith P.* Developing composite indicators for assessing health system efficiency. In: *Smith P.C. (ed.) Measuring up: Improving the performance of health systems in OECD countries*, Paris: OECD, 2002.
28. *Stebbins S., Sauter M.B.* The Most (and Least) Healthy Countries in the World. The Wall St. 11.04.2018. 247wallst.com/special-report/2018/04/11/the-most-and-least-healthy-countries-in-the-world (дата обращения 10 июня 2021).
29. *Tandon A., Murray C.J., Lauer J.A., Evans D.* Measuring overall health system performance for 191 countries. World Health Organization. Geneva: WHO, 2000. www.who.int/healthinfo/paper30.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
30. United Health Foundation. America's Health Rankings Annual Report 2018. assets.americashealthrankings.org/app/uploads/2018ahrannual_020419.pdf (дата обращения 10 июня 2021).
31. World Health Organization. Creating a Master Health Facility List. Geneva: World Health Organization, 2013.
32. World Health Organization. Master Facility List Resource Package: guidance for countries wanting to strengthen their Master Facility List. Geneva: World Health Organization, 2017.

REFERENCES

1. *Andreev E.M.* On the accuracy of the results of Russian population censuses and the degree of trust in different sources of information // *Voprosy statistiki*. 2012. No. 11. Pp. 26–34. (In Russ.).
2. *Kislitsyna O.A., Chubarova T.V.* Using composite indices to measure the health care system: international experience // *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2020. No. 2 (74). P. 100–104. (In Russ.).
3. *Medvestnik*. Rating of the effectiveness of healthcare in the regions of the Russian Federation. 19.04.2018. medvestnik.ru/content/articles/Reiting-effektivnosti-zdravookhraneniya-regionov-RF.html (accessed 10.06.2021). (In Russ.).
4. *Nodelman V.* Ambulance: every tenth Russian waits for doctors for more than 40 minutes. Doctors go to their patients for the longest time in small villages and large cities. *Izvestiya*. 4.04.2019. iz.ru/864213/valeriia-nodelman/neskoraia-pomoshch-kazhdyi-desiatyi-rossiianin-zhdet-medikov-bolshe-40-minut (accessed 10.06.2021). (In Russ.).
5. *Shcherbakova E.* Demographic results of the first half of 2018 in Russia. Part II // *Demoscope Weekly*. 2018. No. 781–782. www.demoscope.ru/weekly/2018/0781/barometer781.pdf (accessed 10.06.2021). (In Russ.).
6. *Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B.* Efficiency of healthcare systems in Russian regions, 2019. Roscongress. 26.02.2021. roscongress.org/materials/effektivnost-sistem-zdravookhraneniya-regionov-rossii-2019 (accessed 10.06.2021). (In Russ.).

7. Federal State Statistics Service (Rosstat). Results of selective observation of the quality and availability of services in the spheres of education, health care and social services, promoting employment of the population 2017. gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html (accessed 10.06.2021). (In Russ.).
8. Federal State Statistics Service (Rosstat). Comprehensive observation of the living conditions of the population in 2018. gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (accessed 10.06.2021). (In Russ.).
9. Alegana V.A., Wright J.A., Pentrina U., Noor A.M., Snow R.W., Atkinson P.M. Spatial modeling of healthcare utilization for treatment of fever in Namibia // *Int J Health Geogr*. 2012. No. 11. Pp. 6–10.
10. Appleby J., Mulligan J. How well is the NHS performing? A composite performance indicator based on public consultation. London: King's Fund, 2000.
11. Astell-Burt T., Flowerdew R., Boyle P.J., Dillon J.F. Does geographic access to primary healthcare influence the detection of hepatitis C? // *Soc Sci Med*. 2011. No. 72(9). Pp. 1472–1481.
12. Bem A., Ucieklak-Jeż P., Prędkiewicz P. Measurement of health care system efficiency // *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*. 2014. No. 36 (1). Pp. 25–33.
13. Björnberg A., Phang A.Y. Euro Health Consumer Index. Health Consumer Powerhouse. 25.02.2019. healthpowerhouse.com/media/EHCI-2018/EHCI-2018-report.pdf (accessed 10.06.2021).
14. Dolan P., Gudex C., Kind P., Williams A. Valuing health states: A comparison of methods // *Journal of Health Economics*. 1996. № 15. Pp. 209–231.
15. Evans D.B., Tandon A., Murray C.J., Lauer J.A. The comparative efficiency of national health systems in producing health: an analysis of 191 countries. Geneva: World Health Organization, 2000. www.who.int/healthinfo/paper29.pdf (accessed 10.06.2021).
16. Gabrysch S., Cousens S., Cox J., Campbell O.M. The influence of distance and level of care on delivery place in rural Zambia: a study of linked national data in a geographic information system // *PLoS Med*. 2011. No. 8(1): e1000394.
17. Goddard M., Jacobs R. Using composite indicators to measure performance in health care. In P. Smith, E. Mossialos, I. Papanicolas, & S. Leatherman (Eds.) *Performance Measurement for Health System Improvement: Experiences, Challenges and Prospects* (Health Economics, Policy and Management. Pp. 339–368). Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
18. Hanlon M., Burstein R., Masters S.H., Zhang R. Exploring the relationship between population density and maternal health coverage // *BMC Health Services Research*. 2012. No. 12: 416.
19. Jacobs R., Goddard M., Smith P. C. Public services: are composite measures a robust reflection of performance in the public sector? Working papers 016cherp. Centre for Health Economics. University of York, 2006.
20. Jacobs R., Smith P., Goddard M. Measuring performance: An examination of composite performance indicators. CHE Technical Paper Series 29, 2004. www.york.ac.uk/che/pdf/tp29.pdf (accessed 10.06.2021).
21. Jencks S.F., Cuerton T., Burwen D.R., Fleming B., Houck P.M., Kussmaul A.E., Nilasena D.S., Ordin D.L., Arday D.R. Quality of medical care delivered to Medicare

- beneficiaries: A profile at state and national levels // Journal of the American Medical Association. 2000. No. 284(13). Pp. 1670–1676.
22. Miller L.J., Lu W. These Are the World's Healthiest Nations. Bloomberg 24.02.2019. www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips (accessed 10.06.2021).
 23. OECD. Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and user guide, 2008. www.oecd.org/std/42495745.pdf (accessed 10.06.2021).
 24. Robert Wood Johnson Foundation and the University of Wisconsin Population Health Institute. 2018 County Health Rankings Key Findings Report. 2018. www.countyhealthrankings.org/explore-health-rankings/measures-data-sources (accessed 10.06.2021).
 25. Ryan M., Farrar S. Using conjoint analysis to elicit preferences for health care // British Medical Journal. 2000. No. 320(7248). Pp. 1530–1533.
 26. Schneider E.C. et al. Mirror, Mirror 2017: International Comparison Reflects Flaws and Opportunities for Better U.S. Health Care. Commonwealth Fund, 2017. www.commonwealthfund.org/sites/default/files/documents/___media_files_publications_fund_report_2017_jul_schneider_mirror_mirror_2017.pdf (accessed 10.06.2021).
 27. Smith P. Developing composite indicators for assessing health system efficiency. In: Smith P.C. (ed.) Measuring up: Improving the performance of health systems in OECD countries, Paris: OECD, 2002.
 28. Stebbins S., Sauter M.B. The Most (and Least) Healthy Countries in the World. The Wall St. 11.04.2018. 247wallst.com/special-report/2018/04/11/the-most-and-least-healthy-countries-in-the-world (accessed 10.06.2021).
 29. Tandon A., Murray C.J., Lauer J.A., Evans D. Measuring overall health system performance for 191 countries. World Health Organization. Geneva: WHO, 2000. www.who.int/healthinfo/paper30.pdf (accessed 10.06.2021).
 30. United Health Foundation. America's Health Rankings Annual Report 2018. assets.americashealthrankings.org/app/uploads/2018ahrannual_020419.pdf (accessed 10.06.2021).
 31. World Health Organization. Creating a Master Health Facility List. Geneva: World Health Organization, 2013.
 32. World Health Organization. Master Facility List Resource Package: guidance for countries wanting to strengthen their Master Facility List. Geneva: World Health Organization, 2017.

ABOUT THE AUTHORS

Kislitsyna Olga Anatolievna – Doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
olga.kislitsyna@gmail.com

Chubarova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Head of the Center of the Economic Theory of the Social Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
t_chubarova@mail.ru

ESTIMATION OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN RUSSIA: EXPERIENCE IN BUILDING A REGIONAL RATING

Based on the previous analysis of the literature, the article proposed and tested a methodology for measuring the performance of the healthcare system in Russia in a regional context. The goal was to rank the regions of the Russian Federation by the performance of the health care system. The methodology was based on the construction of a composite index that is an integral indicator that aggregated three main aspects of the health care system (availability, quality and effectiveness).

Keywords: *health care system, health system performance measurement, composite indices, ranking, regions of Russia.*

JEL: I14, I15, C43, R58.

В.В. ДОРЖИЕВА

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

С.А. ИЛЬИНА

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКИХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В 2020 г. мир впервые столкнулся с таким вызовом, как пандемия COVID-19, которая вынудила правительственные структуры в срочном порядке вводить новые меры, призванные обеспечить стабилизацию обстановки. Одной из таких мер в России явилась реализация противоэпидемических государственных программ и проектов поддержки отечественных промышленных и инновационных компаний, направленных на изыскание резервных мощностей, диверсификацию производств и скорейший вывод на рынок продукции жизнеобеспечения. Их исполнение было возложено на финансовые институты развития как на инструменты государственной политики. В работе проведен критический обзор реализации Фондом развития промышленности, Российской венчурной компанией и Фондом «Сколково» проектов противодействия эпидемическим заболеваниям в 2020–2021 гг.

Ключевые слова: *финансовые институты развития, инструменты государственной политики, государственные программы, меры государственной поддержки, противоэпидемические проекты, COVID-19.*

JEL: G23, G28, E02.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_72_87.

Пандемия COVID-19 высветила системные проблемы государств в сфере обеспечения мер безопасности и своевременного предоставления медицинской помощи населению. Для правительств стала настоящим экзаменом необходимость принятия решений относительно внешне возникших проблем в условиях чрезвычайной ситуации. Впервые в таких обстоятельствах действовали и отечественные финансовые институты развития, которые, как инструменты государственной политики, должны были эффективно и в максимально сжатые сроки обеспечить поддержку отечественным промышленникам и разработчикам

системных решений в запуске резервных мощностей, диверсификации производств и в выводе на рынок аналогов продукции, доступ к которой из-за пандемии стал либо закрыт, либо ограничен, что, помимо прочего, сопровождалось существенным ростом цен на импортные товары первой необходимости в условиях повышенного спроса. В настоящее время, когда ситуация с коронавирусом в нашей стране по сравнению с относительно острым периодом весны 2020 г. стабилизировалась, возникает необходимость, а также появилась и возможность проанализировать на основе уже накопленных данных эффективность противоэпидемической деятельности институтов развития как первого опыта осуществления государственной политики в таком формате. Изложенное определило цель настоящей статьи, которая заключается в проведении критического обзора реализации институтами развития противоэпидемических проектов и их участия в государственных программах поддержки в условиях пандемии. Для анализа были использованы данные Фонда развития промышленности, Российской венчурной компании и Фонда «Сколково», размещенные на их официальных сайтах.

Фонд развития промышленности (ФРП) в конце марта 2020 г. в экстренном порядке был переориентирован на поддержку производителей продукции, направленной на борьбу с коронавирусной инфекцией. Данный институт развития запустил новую программу «Противодействие эпидемическим заболеваниям», на которую Правительством РФ изначально было выделено 10 млрд руб. Однако затем, с учетом высокого спроса и эффективной работы по доведению средств до промышленников, было принято решение о выделении дополнительного финансирования в объеме 30 млрд руб. В рамках программы предусматривается предоставление льготных займов от 50 до 500 млн руб. под 1% годовых сроком до 2-х лет. При этом заемщик в первый год работы освобожден от уплаты основного долга, сняты обязательства по софинансированию проектов, финансово устойчивые компании освобождены от предоставления «твердых» залогов, проекты рассматриваются в ускоренном режиме и по упрощенной форме, отсутствуют ограничения по числу поданных заявок¹.

Всего за 2020–2021 гг. ФРП в рамках программы «Противодействие эпидемическим заболеваниям» профинансировал 97 проектов российских промышленников шести отраслевых сегментов, из которых около 80% пришлось на медбиофарму и легкую промышленность (см. табл. 1). Общий объем предоставленных льготных займов составил почти 28 млрд руб. Суммарный объем выручки от реализации

¹ Фонд развития промышленности. frprf.ru/zaymy/protivoepidemicheskie-proekty/; frprf.ru/press-tsentr/novosti/frp-vydal-bolee-10-mlrd-rublej-proizvoditelyam-produktsii-napravlennoy-na-borbu-s-koronavirusom.

проектов превысит 166 млрд руб., налоговых поступлений в бюджеты различных уровней – 9 млрд руб., будет создано 838 новых высокопроизводительных рабочих мест и подано 44 заявки на интеллектуальную собственность. Производственные площадки расположатся на территориях 29 регионов: Москвы и Санкт-Петербурга, Белгородской, Владимирской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Кировской, Курганской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской областей, Алтайского, Пермского и Ставропольского краев, республик Коми, Мордовия, Татарстан и Кабардино-Балкарской.

Таблица 1

Отраслевая структура противоэпидемических проектов, поддержанных Фондом развития промышленности в 2020–2021 гг.

Отраслевые сегменты	Количество проектов	В % к итогу	Объем финансирования, млрд руб.
Медбиофарма	58	59,8	18,3
Легкая промышленность	19	19,6	4,0
Химия	8	8,2	2,6
Электрическое оборудование	5	5,2	1,2
Электроника	5	5,2	1,6
Машиностроение	2	2,0	0,3
Итого:	97	100	28,0

Источник: составлено и рассчитано авторами по: данные ФРП (по состоянию на 16.04.2021). frpf.ru/klienty.

Государственная поддержка и финансирование противоэпидемических проектов, примеры которых представлены в табл. 2 в разрезе отраслевых сегментов, была осуществлена следующим образом:

- «Медбиофарма». Сектору медбиофармы ФРП предоставил 58 льготных займов общим объемом 18 305,8 млн руб. В фокусе института развития находилась поддержка фармкомпаний, запускающих и расширяющих производства лекарственных препаратов и вакцин (включая субстанции и реагенты для них), предназначенных для лечения и профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также экспресс-тестов для диагностики заболеваний. Помимо вышеназванных в портфеле института развития значатся проекты по серийному производству оборудования и различных изделий медицинского назначения. Итогом реа-

лизации проектов сектора медбиофармы должно стать достижение следующих заявленных показателей: создание высокопроизводительных рабочих мест – 501, объем выручки – 101049,7 млн руб., объем будущих налоговых поступлений – 6157,8 млн руб., число поданных заявок на интеллектуальную собственность – 35.

- «*Легкая промышленность*». В 2020 г. наша страна столкнулась с серьезным дефицитом средств индивидуальной защиты и одноразовых медицинских изделий. С целью импортозамещения и выведения на новый уровень отечественного производства ФРП профинансировал 19 проектов предприятий легкой промышленности на общую сумму 4 016,7 млн руб., предусматривающих закупку сырья, материалов и оборудования, а также оплату дополнительно привлеченного персонала для расширения и освоения серийных производств защитной медицинской одежды и тканей для ее изготовления, средств индивидуальной защиты органов дыхания и медицинских расходных материалов. Исполнителями проектов заявлено создание 200 новых рабочих мест, получение выручки в объеме 33236,7 млн руб. и перечисление в бюджеты различных уровней 1954,0 млн руб. налогов.
- «*Химия*». ФРП профинансировал 8 проектов предприятий химической промышленности на общую сумму 2585,2 млн руб. Средства займов были направлены на приобретение оборудования, модернизацию производственных мощностей, закупку сырья и материалов для расширения и освоения серийных производств антисептических и дезинфицирующих средств, а также медицинских стерильных перчаток. По результатам реализации проектов ожидается получение выручки в объеме 10523,1 млн руб., поступление в бюджет 717,2 млн руб. налоговых платежей и 3 заявки на интеллектуальную собственность.
- «*Электрическое оборудование*». В рамках решения задачи по импортозамещению приборов медицинского и бытового назначения ФРП поддержал 5 проектов по направлению «Электрическое оборудование» на сумму 1163,7 млн руб. Средства были направлены на закупку материалов, комплектующих и оборудования для организации и расширения продуктовой линейки, и на увеличение объема серийного производства приборов для очистки и обеззараживания воздуха. При разработке приборов особое внимание уделялось соответствию стандартам безопасности их применения в присутствии людей и животных. Заявленный экономический эффект от реализации проектов: создание 67 новых рабочих мест, совокупный объем выручки – 8195,4 млн руб., будущие налоговые поступления – 267,9 млн руб., 6 заявок на интеллектуальную собственность.

Таблица 2

Примеры противоэпидемических проектов, поддержанных Фондом развития промышленности в 2020–2021 гг.

Отрасль	Компания	Проект	Сумма займа, млн руб.	Создание новых рабочих мест	Объем выручки, млн руб.	Объем будущих налоговых поступлений млн руб.	Заявок на интегра- цию в лектуальную собственность будет подано
Медбиофарма	ЗАВОД МЕД- СИНТЕЗ (Сверд- ловская область)	Организация производства вакцины «Спутник-V» объемом до 1,2 млн доз в год	135	—	2 000	31,5	—
Медбиофарма	ИИХР (Московская область)	Расширение производства препарата «Авифа- вир» для лечения и профилактики коронави- русной инфекции с 2 млн до 3,5 млн таблеток в год	300	8	494	9,9	—
Медбиофарма	ФАРММЕДПО- ЛИС РТ (Респу- блика Татарстан)	Запуск производства высокотехнологичных медицинских зондов для забора биоматериала из носоглотки и ротоглотки: в 2020 г. – 5,2 млн, 2021 г. – 42 млн, 2022 г. – 35 млн шт.	75	6	1 100	84,2	1
Легкая про- мышленность	ВДФ АКЦЕПТ (Республика Коми)	Запуск производства одноразовых медицин- ских бахил – 7,5 млн пар (в т. ч. в 2020 г. – 3 млн пар) и шапок-шарлотта – 28 млн шт. (в т. ч. в 2020 г. – 7 млн пар)	50	4	48,4	7,1	—
Легкая про- мышленность	КИМРСКАЯ ФАБРИКА им. ГОРЬКОГО (Тверская область)	Запуск крупнейшей в России линии по выпу- ску медицинских и промышленных респира- торов, позволяющей производить 180 тыс. шт. изделий в сутки	81	15	932,4	249,3	—

Окончание табл. 2

Отрасль	Компания	Проект	Сумма займа, ман руб.	Создание новых рабочих мест	Объем выручки, ман руб.	Объем будущих налоговых поступлений ман руб.	Заявок на интегра- цию в интел- лектуальную собственность будет подано
Химия	АВЗ С-П (Московская область)	Организация производственной площадки для выпуска кожных антисептиков и средств для обработки поверхности и воздуха поме- щений. Заявленный на 2020 г. объем выпуска продукции составляет 272 тыс. л	200	—	400	30	3
Химия	ЭВТЕКС (Ивановская область)	Организация выпуска медицинских перчаток	51,2	2	288	7,5	—
Электрическое оборудование	РПЗ (Московская область)	Увеличение производства воздухоочистителей до 43 тыс. шт. в 2020 г.	400	35	2 100	128,2	—
Электрическое оборудование	ТД ХИММЕД (Московская область)	Освоение производства ультрафиолетовых ламп (21 тыс. шт.) и фонариков (36 тыс. шт.) для обеззараживания помещений и ран	250	32	498,8	69,9	6
Электроника	РОМЗ (Ярославская область)	Разработка и освоение серийного производ- ства линейки тепловизионных приборов для бесконтактного измерения температуры – 10,6 тыс. шт., из них 1,7 тыс. в 2020 г.	103,3	33	1 100	136,8	—
Машиностро- ение	КАМПО (Московская область)	Дооснащение производства для увеличения выпуска ингаляторов (3,5 тыс. шт.), аппаратов ИВ/1 (1 тыс. шт.) и противовирусных масок (100 тыс. шт.)	94	15	1 000	186,1	—

Источник: составлено и рассчитано авторами по: данные ФРП (по состоянию на 16.04.2021). fprf.ru/klienty.

- «Электроника». ФРП профинансировал 5 проектов предприятий электронной промышленности на общую сумму 1653,3 млн руб., что позволило обеспечить разработку высокотехнологичных тепловизионных систем для бесконтактного измерения температуры и освоение их серийного производства, в т. ч. в кооперации с рядом российских предприятий, с использованием отечественных комплектующих и программного обеспечения. Вся линейка приборов приспособлена для работы в автоматическом режиме в местах массового скопления или прохождения большого потока людей. По условиям выполнения проектов предусмотрено создание 53 высокопроизводительных рабочих мест, получение совокупной выручки в объеме 11600,0 млн руб., а объем налоговых поступлений должен составить 449,1 млн руб.
- «Машиностроение». В сфере машиностроения ФРП поддержал 2 проекта на общую сумму 254,0 млн руб., в рамках которых были развернуты дополнительные мощности для производства медицинских кислородных концентраторов АКС для аппаратов ИВЛ, позволяющих получать медицинский кислород из атмосферного воздуха и обеспечивать независимость от закупок кислорода. Также был увеличен объем выпуска ингаляторов и портативных аппаратов ИВЛ, предназначенных для оказания скорой медицинской помощи, противовирусных масок в виде противогазов и респираторов. Исполнителями проектов планируется создание 15 высокопроизводительных рабочих мест, получение совокупной выручки в объеме 1657,0 млн руб. и перечисление налогов в бюджет в размере 234,8 млн руб.

Впоследствии регионы растиражировали практику ФРП на своем уровне и запустили собственные программы, аналогичные по условиям предоставления займов Федеральным институтом развития, но направленные на поддержку проектов со значительно меньшими бюджетами². Например, в рамках реализации региональных программ «Противодействие эпидемическим заболеваниям» Фондом развития промышленности Республики Башкортостан осуществляется льготное финансирование в диапазоне от 1 до 15 млн руб.³, а Фондом развития промышленности Челябинской области – от 5 до 50 млн руб.⁴

² Фонд развития промышленности. frprf.ru/press-tsentr/novosti/14-regionalnykh-frp-zapustili-sobstvennye-programmy-finansirovaniya-protivoepidemicheskikh-proektov/?sphrase_id=32087.

³ Фонд развития промышленности Республики Башкортостан. frprb.ru/programma-protivodejstvie-jepidemicheskim-zabolevanijam.

⁴ Фонд развития промышленности Челябинской области. frp74.ru/news/nachala-deystvovat-regionalnaya-programma-protivodeystvie-epidemicheskim-zabolevaniyam.

Российская венчурная компания (РВК) в мае 2020 г. запустила антикризисную программу грантовой поддержки технологических проектов, соответствующих «дорожным картам» Национальной технологической инициативы (НТИ) и направленных на борьбу с пандемией COVID-19 и ее последствиями. В рамках данной программы предоставлялись гранты (на безвозмездной и невозвратной основе) в размере до 50 млн руб. при условии наличия заказчика, готового предоставить 30% софинансирования, заказа на пилотное внедрение, готовности выйти на пилотные испытания и рынок не позднее 6 месяцев с момента получения финансирования (стадия – прототип и выше). Заявки рассматривались в ускоренном порядке (до 8 недель). Помимо этого, институт развития оказывал грантополучателям поддержку в преодолении административных барьеров⁵. Программа была закрыта в сентябре 2020 г.

На момент написания данной статьи Российской венчурной компанией не была опубликована статистика по количеству поддержанных проектов и объему финансирования рассматриваемой программы. В числе представленных фондом проектов для борьбы с коронавирусом в рамках проектов НТИ значатся только 7, которые могли быть реализованы в соответствии с льготной программой (РВК этот момент не уточняет) (см. табл. 3). Помимо этого, РВК по иным программам было поддержано еще 20 разработок, которые, по мнению института развития, смогут внести свой вклад в борьбу с пандемией⁶.

Фонд «Сколково» в сентябре 2020 г. запустил конкурсный отбор проектов внедрения отечественных цифровых решений, направленных на преодоление последствий пандемии COVID-19. На грантовую поддержку в размере от 20 до 80 млн руб. могли претендовать проекты, имеющие характер пилотного внедрения инновационного технологического решения, обладающие возможностью тиражирования продукта для иных заказчиков, сроком реализации до 3-х лет, обеспеченные 20% внебюджетного софинансирования. Комплексная экспертиза заявок осуществлялась в течение 20 дней (в общем случае). В настоящее время конкурсный отбор завершен⁷. В табл. 4 представлены промежуточные итоги конкурса. Фондом «Сколково» представлены также еще 194 разработки компаний-резидентов, которые, хотя и выполнялись за рамками специализированных программ, могут быть востребованы в условиях распространения пандемии COVID-19⁸.

⁵ Российская венчурная компания. www.rvc.ru/eco/support_and_acceleration/nti_vs_covid_19.

⁶ Российская венчурная компания. www.rvc.ru/rvc_vs_covid19.

⁷ Сколково. dtech.sk.ru.

⁸ Сколково. sk.ru/covid-19.

Таблица 3

**Примеры противоэпидемических проектов, поддержанных
Российской венчурной компанией в 2020 г.**

Область применения	Компания	Проект
Сервисы и решения для диагностики заболеваний или мониторинга здоровья	ХИЛБИ	Решение для дистанционного, непрерывного мониторинга параметров здоровья человека и автоматизированного выявления рисков на базе браслета HEALBE
	ДАТА МАТРИКС	Решение (SaaS платформа MATRIX Cloud EDC и цифровой биомаркер ePRO) для дистанционного мониторинга состояния здоровья людей, находящихся на карантине
Лечение пациентов с COVID-19 и хроническими или сопутствующими заболеваниями в условиях стационара или домашних условиях	PM&NM	Ингаляторы инновационного аэрозольного типа, с цифровым контролем введения препарата
	ИНЕРТГАЗ МЕДИКАЛ	Гелий-кислородные газовые смеси ГелиОкс, применяемые для уменьшения нагрузки на дыхательные мышцы, и медицинское оборудование для их применения
	ТЕЛЕПАТ	Облачная платформа COVID REHAB для дистанционной реабилитации переболевших COVID-19 с различными осложнениями
Сервисы и решения для медицинских центров и работников	ТЕЛЕПАТ	Медицинский мессенджер MedSenger для дистанционного общения пациента с лечащим врачом
Сервисы для населения	НЕЙРОБО-ТИКС	Антропоморфный робот Betsy с функцией консультирования людей о симптомах коронавируса

Источник: составлено авторами по: данные РВК (по состоянию на 16.04.2021). www.rvc.ru/rvc_vs_covid19.

Таблица 4

Промежуточные итоги конкурсного отбора проектов внедрения отечественных продуктов, сервисов и платформенных решений, проведенного Фондом «Сколково» (по состоянию на 29.12.2020)

Компания-победитель	Проект	Разработчик
Созданные на базе сквозных цифровых технологий		
РЖД-ТЕХНОЛОГИИ	Облачная фабрика программных роботов	РОБИН
КАМАЗ	Внедрение системы динамического управления сборочными производственными процессами при производстве автомобильной техники	БФГ ГРУПП
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА РЖД-МЕДИЦИНА	Электронный клинический фармаколог с системой контроля оборота лекарственных средств как инструмент адаптации ЛПУ к работе в условиях пандемии COVID-19	СОЦМЕДИКА
СЕТЕВАЯ КОМПАНИЯ АЛТАЙКРАЙ-ЭНЕРГО	Внедрение системы интеллектуальной диагностики энергообъектов	ДИБИЭЙ
ПОЧТА РОССИИ	Гиперлокальная доставка отправок роботом-курьером	ЯНДЕКС БЕСПЛОТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
СЕВЕРСКИЙ ТРУБНЫЙ ЗАВОД	Цифровой двойник производства	СКЗ, САЙБЕРФИЗИКС, СИГНУМ, СКОЛКОВСКИЙ ИНСТИТУТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
ЕВРОХИМ – УКК	Цифровая платформа автоматизации поточно-транспортных систем	ПРОМТЕХ
РУССКИЙ ПРОДУКТ	Цифровая платформа производственного предприятия	РТК АВТОМАТИКА

Компания-победитель	Проект	Разработчик
БАШКИРСКАЯ МЯСНАЯ КОМПА- НИЯ	Цифровой свинокомплекс	БАШИНФОРМ- СВЯЗЬ
Направленные на развитие дистанционных сервисов		
ЛИМ	Центр интеллектуального анализа медицинских изобра- жений	ИНТЕЛЛОДЖИК
ПЕРВЫЙ МГМУ ИМ. СЕЧЕНОВА МИНЗДРАВА РОССИИ	XR-центр обучения противодей- ствию особо опасным инфек- циям	ВИАРСИМ
МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК	Дистанционный мониторинг, ведение и консультирование пациентов их лечащими вра- чами	ТЕЛЕПАТ

Источник: составлено авторами по: данные Фонда «Сколково» (по состоянию на 16.04.2021). dtech.sk.ru.

Проведенный обзор реализации противоэпидемических государственных программ поддержки, осуществляемых финансовыми институтами развития, оставляет неоднозначное впечатление. Если рассматривать вопрос с точки зрения страны в целом, то поддержка отечественного бизнеса, несомненно, оказала не только положительное влияние на развитие сектора промышленного производства и инноваций, на восстановление экономики, но и стимулировала процесс импортозамещения. Застарелые проблемы, связанные с недостаточным развитием или полным отсутствием отечественных производств и технологий, обеспечивающих выпуск жизненно необходимой продукции, и представляющие собой угрозу национальной безопасности, наконец, оказались в фокусе внимания властей. Стоит отдать должное правительству РФ, которое в сжатые сроки смогло саккумулировать дополнительные ресурсы и довести их в срочном порядке до институтов развития. Если же вникать в суть процедур поддержки и полученных на выходе результатов, то обращает на себя внимание ряд спорных моментов.

Первый из них – своевременность мер государственной поддержки (удовлетворения потребностей населения и медицинского сообщества). Например, проблема нехватки одноразовых средств защиты, ингаляторов и аппаратов ИВЛ возникла с самого начала пандемии –

весной 2020 г. Антиковидные программы поддержки были запущены институтами развития в марте (ФРП), мае (РВК) и сентябре (Фондом «Сколково») 2020 г. Если к этим датам добавить временной интервал прохождения конкурсных процедур (даже с учетом ускоренных порядков их прохождения), период оснащения или переформатирования производств/технологических процессов предприятий, а также учесть установленные сроки реализации проектов – до 6 мес. (РВК), до 2-х (ФРП) и 3-х (Фонд «Сколково») лет, то поставку первой партии продукции (готовых к запуску решений) стоило ожидать в лучшем случае во второй половине или даже ближе к концу 2020 г., а последующие – в течение 2021–2022 гг. (см. табл. 2). В этой связи возникает ряд вопросов: будет ли востребована продукция, поддержанная институтами развития и произведенная в заявленных объемах по прошествии времени, тем более через 2 года? Ставилась ли задача проведения маркетингового анализа рынка как основа для одобрения конкурсных заявок? Есть ли потенциал экспорта в данном секторе? Как Правительство РФ в случае возникновения переизбытка однотипных товаров на рынке планирует решать эту проблему?

Вопросы эти возникают не на пустом месте. Например, проблема нехватки медицинских расходных материалов, в частности масок, остро стояла несколько первых месяцев пандемии. Начиная с весны 2020 г. отмечалось практически полное отсутствие средств защиты на отечественном рынке, что, помимо прочего, сопровождалось многократным ростом цен. В первых числах апреля 2020 г. Минпромторг России поручил регионам организовать производство медицинских масок, подключив к этому местные предприятия, чтобы покрыть образовавшийся дефицит изделий⁹. Местные власти с поставленной задачей справились – практически ежедневно запускались новые мощности. Но уже к концу лета можно было наблюдать избыточное предложение данного товара. В начале ноября 2020 г. Минпромторг России инициировал запрет госзакупок импортных медицинских масок в связи с тем, что некоторые предприятия уже были вынуждены прекратить их производство из-за отсутствия спроса¹⁰. К 1 декабря 2020 г. объемы производства медицинских масок выросли с начала пандемии более чем в 20 раз (с 600 тыс. до 19 млн шт. в сутки), а созданный резерв мощностей позволял обеспечить выпуск более 30 млн шт.¹¹ При этом

⁹ Письмо Министерства промышленности и торговли РФ от 30.03.2020 № ЦС-22040/15 «О производстве и реализации масок гигиенических». Гарант. internet.garant.ru.

¹⁰ Манукян Е., Ментюкова С. Защита на лицо // Российская газета. Федеральный выпуск № 275 (8329). 2020. 7 дек. rg.ru/2020/12/07/obem-proizvodstva-masok-v-rossii-vyros-v-20-raz.html.

¹¹ Минпромторг России. minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!1_dekabrya_otechestvennye_proizvoditeli_vypustili_dvuhmilliardnuyu_medicinskuyu_masku.

суточная потребность населения в данном средстве защиты составляла всего 10,89 млн шт.¹² Вовлеченный в преодоление дефицита защитных масок малый и средний бизнес (например, в Татарстане насчитывалось более 70 таких предприятий и несколько десятков тысяч предпринимателей), взявший на себя либо кредитные обязательства, либо вложивший дополнительно собственные средства, оказался на грани банкротства в связи с тем, что крупный бизнес, который, в т. ч. благодаря господдержке, приобрел современные автоматические линии по серийному производству средств защиты и, естественно, фактически полностью вытеснил из этой ниши малые предприятия. Аналогичная ситуация сейчас наблюдается и в сфере производства бактерицидных рециркуляторов¹³.

Из вышесказанного вытекает и *второй момент* – отсутствие системного подхода в реализации мер государственной поддержки. Во-первых, это проявляется как несоблюдение баланса интересов участников экономической деятельности. Весной 2020 г. Правительством РФ был принят ряд мер, направленных на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в период пандемии, которые довольно подробно рассмотрены в экономической литературе (например, [2; 3]), ориентированных по большей части на реализацию малым и средним бизнесом социальной функции – удержание роста открытой безработицы, а не на стимулирование проявления гибкости и скорости адаптации к возникшим потребностям рынка, что, собственно, и является основным предназначением МСП в экономике. Например, выпуск некоторых медицинских расходников вполне мог быть передан на откуп малому бизнесу, который, вполне вероятно, мог бы с этим справиться даже без господдержки. Кто-нибудь просчитал существовавший весной 2020 г. резерв мощностей в этой сфере до предоставления государственной помощи? Теперь же мы наблюдаем очередное вытеснение с рынка производственного сектора МСП. Во-вторых, это реализация институтами развития противоэпидемических программ с дополнительным финансированием, в то время как аналогичная продукция разрабатывается в рамках других программ поддержки (неспециализированных). И в-третьих, это финансирование институтами развития с разной целевой ориентацией (специализацией) выпуска однотипной продукции.

¹² Минпромторг предложил ограничить госзакупки импортных масок // Ведомости. 2020, 02 ноя. www.vedomosti.ru/economics/news/2020/11/02/845523-minpromtorg-predlozhit-ogranichit-goszakupki-importnih-masok.

¹³ Легковерие подвело: отечественные производители антиковидных средств считают убытки // Новые известия. 2021. 1 апр. newizv.ru/article/general/01-04-2021/legkoverie-podvelo-otechestvennye-proizvoditeli-antikovidnyh-sredstv-schitayut-ubytki.

Следующим моментом, касающимся самих институтов развития в целом, являются уже многократно отмеченные ранее их хронические проблемы в части системности решаемых задач и закрытости данных [4; 6, с. 155–156]. Как видно из приведенного обзора, в открытом доступе отсутствует большая часть важных показателей (например, стоимость профинансированного проекта, экономический эффект от его реализации и др.), не принят единый формат представления отчетности, что затрудняет проведение сравнительного анализа и т. д.

Пандемия COVID-19, создав экстремальные условия жизнедеятельности, высветила «белые пятна» в сферах национальной безопасности всех стран. Стоит отдать должное Правительству РФ, которому за счет оперативных мер удалось в кратчайшие сроки хотя бы относительно стабилизировать обстановку в стране. Однако ситуация в экономике, сложившаяся до пандемии в большинстве развитых и части развивающихся стран и определяемая как «новая нормальность», осталась в прошлом [1]. Сейчас пришло время проанализировать результаты правительственных инициатив и, с одной стороны, взять на вооружение эффективные практики, с другой – проделать работу над ошибками.

Проведенное исследование показало, что реализуемые через институты развития противоэпидемические меры государственной поддержки достигли определенного положительного эффекта, доведя в максимально сжатые сроки финансирование до предпринимательского сектора и обеспечив запуск новых и диверсификацию действующих производств, резервных мощностей, что позволило вывести на отечественный рынок специализированные препараты и вакцины для лечения и профилактики COVID-19, а также различные изделия медицинского назначения в условиях их дефицита. Стоит отметить, что это стало возможно во многом благодаря уже имеющемуся технологическому заделу. Однако при этом наблюдались и проблемные моменты, возникающие в процессе практического осуществления помощи, вызванные по большей части отсутствием системного подхода в реализации мер государственной поддержки.

Применение системного подхода в отношении организации государственных программ поддержки в чрезвычайных ситуациях представляется наиболее эффективным. Уже сегодня имеет смысл создать реестр отечественных предприятий, выпускающих продукцию повышенного спроса (обеспечения жизнедеятельности) в период кризисных ситуаций, выявить их производственный потенциал и возможности диверсификации. В чрезвычайных ситуациях необходимо создание специального экспертного совета, в который входили бы видные специалисты таких областей, как медицина, экономика, юриспруденция, а также ряда отраслей промышленности, который коллегиально будет распределять (квотировать) доступное финансирование по отраслям

и заниматься одобрением проектов [5]. Весь кризисный период необходимо проводить мониторинг ситуации в целом по стране, чтобы оперативно регулировать возникающие дисбалансы (через госзаказы, поддержку экспорта и др.). Следует ввести единые требования к формированию институтами развития отчетности по специальным программам (таким как противоэпидемические) и обеспечить полную прозрачность данных – их публикацию в открытом доступе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахипкин Н.Ю. Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 52–65. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10069.
2. Бухвальд Е.М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1319–1336. DOI: 10.18334/epp.10.5.110134.
3. Виленский А.В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 46–57. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10041.
4. Вологова Ю.В. Финансовые институты инновационного развития в стратегии перехода России к технологическому лидерству // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 168–181. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10039.
5. Доржиева В.В., Ильина С.А. Финансовые институты развития как фактор структурной модернизации экономики: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020.
6. Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития / Под ред. И.Н. Рыковой Научный доклад. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. nifi.ru/images/FILES/Reports/doklad_DI.pdf.

REFERENCES

1. Akhupkin N.Yu. Russian labor market in the context of the COVID-19 pandemic: dynamics and structural changes // Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk. 2020. No. 6. Pp. 52–65. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10069.
2. Bukhvald E.M. Will Russia's small business survive the shock of 2020? // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10. No. 5. Pp. 1319–1336. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.10.5.110134.
3. Vilenskiy A.V. Russian small and medium-sized businesses at the beginning of the coronavirus crisis: federal and regional aspects // Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk. 2020. No. 4. Pp. 46–57. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10041.
4. Vologova Yu.V. Financial institutions of innovative development in the strategy of Russia's transition to technological leadership // Vestnik Instituta Ekonomiki

Rossiyskoy Akademii Nauk. 2019. No. 3. Pp. 168–181. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10039.

5. *Dorzhieva V.V., Ilyina S.A.* Development financial institutions as a factor of the structural modernization of economy: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russ.).
6. Evaluation of the effectiveness of the activities of Russian and foreign development institutions: Scientific report / Edited by I.N. Rykova. Moscow: Financial Research Institute, 2016. (In Russ.). URL: https://nifi.ru/images/FILES/Reports/doklad_DI.pdf.

ABOUT THE AUTHORS

Dorzhieva Valentina Vasilyevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
vvdorzhieva@inecon.ru

Ilyina Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
sailyina@inecon.ru

ANTI-EPIDEMIC PROJECTS OF RUSSIAN FINANCIAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS: DIRECTIONS AND EFFECTS OF IMPLEMENTATION

In 2020, the world for the first time faced such a challenge as the COVID-19 pandemic, which forced government agencies to urgently introduce new measures to ensure the stabilization of the situation. One of such measures in Russia was the implementation of anti-epidemic state programs and projects to support domestic industrial and innovative companies, aimed at finding reserve capacities, diversifying production and bringing life-support products to the market as soon as possible. Their implementation was entrusted to the financial development institutions as instruments of state policy. The paper provides a critical review of the implementation of projects to combat epidemic diseases in 2020–2021 by the Industrial Development Fund, the Russian Venture Company and the Skolkovo Foundation.

Keywords: *financial development institutions, state policy instruments, state programs, state support measures, anti-epidemic projects, COVID-19.*

JEL: G23, G28, E02.

С.А. БРАТЧЕНКО

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра исследования проблем государственного управления
ФГБУН Институт экономики Российской академии наук

**К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРОГРАММАМИ
(на примере государственной программы
«Развитие промышленности и повышение
ее конкурентоспособности»)**

Объектом исследования данной работы является Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (прежде всего часть Подпрограммы 1, посвященная автомобилестроению). На примере данной Государственной программы (ГП) в работе проверяется гипотеза о том, что неудовлетворительные результаты выполнения государственных программ в значительной степени обуславливаются недостаточным качеством их разработки, а неудовлетворительные народно-хозяйственные результаты реализации ГП в определенной степени уже «запрограммированы» в текстах самих государственных программ. В работе было показано, что шесть из семи мер (и 99,8% выделяемых средств), по сути, являются стимулированием продаж уже производимых моделей и марок автомобилей, что никак не связано с повышением конкурентоспособности отечественного автомобилестроения. О необходимости воссоздания отечественной легковой автомобильной промышленности в данной государственной программе даже не упоминается. Выбор индикаторов, мероприятий и контрольных событий Подпрограммы был таков, что их выполнение не могло повысить конкурентоспособность российского транспортного машиностроения. То есть во многом низкая эффективность госпрограмм заложена изначально, на стадии их составления. Корни этого лежат в методической плоскости: эффективность реализации государственных программ оценивается на основании достижения плановых значений индикаторов программы и наступления запланированных мероприятий и контрольных событий государственной программы и никак не связана с достижением целей программы.

Ключевые слова: *качество государственного управления, государственная программа, конкурентоспособность промышленности, автомобилестроение.*

JEL: B41, D73, E60, H50, H83, L52, L62, O25.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_88_108.

1. Введение

Государственные программы являются одним из важнейших инструментов, используемых для достижения целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации¹. В настоящее время реализуется 46 государственных программ (ГП)². На их реализацию в 2021 г. правительство намерено направить более 14 трлн руб., что, по предварительным расчетам, составит порядка 66% расходной части Федерального бюджета³.

Между тем результаты реализации государственных программ отнюдь не бесспорны и неоднократно подвергались критике как со стороны политиков и общества, так и со стороны ученых. В качестве примера можно назвать доклад Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета 2019 г., в котором отмечен ряд системных проблем, возникающих уже на стадии формирования госпрограмм, а также в процессе их реализации [1]. Эти проблемы активно обсуждаются в Государственной Думе⁴. На необходимость реформирования управления государственными программами указывали Председатель Счетной палаты РФ А.Л. Кудрин [2] и заместитель директора ГНИИ системного анализа Счетной палаты РФ Е.С. Кутукова [3].

По мнению автора настоящей работы, неудовлетворительные результаты выполнения государственных программ в значительной степени обуславливаются недостаточным качеством разработки государственных программ, то есть неудовлетворительные народнохозяйственные результаты реализации ГП в определенной степени изначально «запрограммированы» в текстах самих государственных программ. Для проверки этой гипотезы в данном исследовании анализируется одна из государственных программ. В качестве объекта исследования была выбрана Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Государственные программы всегда разрабатываются для решения самых актуальных социальных и экономических проблем. Но проблема повышения конкурентоспособности, на наш взгляд, относится к ключевым, потому что от уровня конкурентоспособности

¹ Согласно п. 31 ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

² programs.gov.ru/Portal.

³ Согласно Федеральному закону от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».

⁴ В ГД обсудили госпрограммы в сфере экономического и энергетического развития. duma.gov.ru/news/49825.

отечественной промышленности зависит решение значительного числа иных вопросов – экономического роста, импортозамещения, национальной и экономической безопасности, социальной защищенности и др. В силу обширности материалов данной государственной программы и ограниченности объема статьи будет сделан лишь выборочный анализ. По той же причине автор намерен сосредоточить внимание преимущественно на одной подпрограмме вышеуказанной ГП – на Подпрограмме 1 «Развитие транспортного и специального машиностроения» и проанализирует содержание основных целевых параметров этой подпрограммы, относящейся к транспортному машиностроению, – той ее части, которая посвящена автомобилестроению, а также взаимосвязь целевых параметров между собой.

2. Две основные стратегии повышения конкурентоспособности

Для того чтобы квалифицированно судить о качестве государственной программы, целью которой является повышение конкурентоспособности российской промышленности, вспомним содержание категории «конкурентоспособность», а также основные стратегии повышения конкурентоспособности компании на рынке.

Прежде всего следует отметить, что понятие «конкурентоспособность» относится к товарам и товарным рынкам, а конкурентоспособность отдельных предприятий или в целом промышленности означает их способность производить конкурентоспособные товары. Конкуренция – внутриотраслевое явление, относящееся к конкретному товарному рынку. Межотраслевые отношения содержательно описываются конкуренцией капиталов и регулируются посредством перелива капитала между отраслями для выравнивания нормы прибыли различных отраслей [4, с. 198].

Внутриотраслевое преимущество (конкурентоспособность) компании (предприятия) в условиях рыночной экономики зиждется на двух основных стратегиях.

1. *Стратегия повышения операционной эффективности (или стратегия лидерства в издержках)*: компания (для определенности назовем ее компания А) производит и продает товар, идентичный (аналогичный) по качеству товарам, производимым компаниями конкурентов. Однако благодаря лучшей организации бизнеса (более высокой операционной эффективности) издержки компании А оказываются ниже, чем у конкурентов. Вследствие этого компания А при той же рентабельности, что у конкурентов, может продавать идентичный по качеству товар дешевле, чем конкуренты. Таким образом, благодаря лидерству

в издержках компания А оказывается более конкурентоспособной по ценам по сравнению со своими конкурентами.

2. *Стратегия улучшения качеств товара (или стратегия дифференциации)*: компания А производит и продает товар аналогичного назначения, однако производимый ею товар по некоторым параметрам качественно превосходит товар, производимый конкурентами, – он оказывается или более долговечным, или более производительным, или более удобным в использовании или в обслуживании, или более вкусным и др. Благодаря этому потребитель делает выбор в пользу товара компании А, даже если товар компании А продается несколько дороже, чем аналогичные, но худшие по качеству товары компаний-конкурентов. Это означает, что благодаря улучшению качеств (дифференциации) своего товара компания А оказывается более конкурентоспособной по качеству по сравнению со своими конкурентами. При этом стратегия дифференциации ослабляет для компании А остроту проблемы издержек, поскольку повышает лояльность покупателей к бренду и снижает чувствительность к цене товара [5, с. 73–76].

Стратегия дифференциации, по своей сути, заключается не в постепенном улучшении отдельных качеств товара, не в стремлении быть на один шагжок впереди конкурента, но, прежде всего – в кардинальном переосмыслении ситуации в целом, в реализации радикальных прорывных идей. Перефразируя знаменитую фразу, приписываемую Генри Форду, «если бы Ford Company чрезмерно концентрировалась на конкурентах, она бы предложила покупателям в 1908 г. не знаменитую Model T, а более быструю лошадь» [6, с. 66].

Стратегия дифференциации дает более устойчивые и долгосрочные конкурентные преимущества по сравнению со стратегией повышения операционной эффективности (особенно в случае прорывных принципиально новых решений), поскольку компаниям несравненно легче перенять друг у друга лучшие практики операционного менеджмента, чем разработать и выпустить товар принципиально лучшего качества [7, с. 69–72].

3. Цели и объект Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»

В пояснительной записке к Постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»» говорится, что «Стратегической целью Программы является создание в Российской Федерации конкурентоспособной (здесь и далее – курсив автора данной статьи), устойчивой, струк-

турно сбалансированной промышленности. ...В результате реализации Программы в гражданских отраслях промышленности ведущую роль станут играть предприятия, конкурентоспособные на российском и мировом рынках, оснащенные современными производственными технологиями. ...Существенным образом сократится зависимость экономики Российской Федерации от импорта критически важных для устойчивого развития продуктов, оборудования и технологий, а также будет обеспечено выполнение планов по импортозамещению в отраслях промышленности»⁵. В частности, приоритеты государственной программы должны обеспечивать «Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности..., высокопроизводительных экспортноориентированных секторов, развивающихся на основе современных технологий, ...увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации... Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира»⁶. «Меры, направленные на решение задач Программы, призваны сделать продукцию российских промышленных предприятий конкурентоспособной и востребованной на российском рынке и обеспечить расширение присутствия на мировых рынках»⁷.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что авторы программы имели в виду повышение конкурентоспособности отечественной промышленности прежде всего посредством дифференциации, выпуска товаров лучшего качества, а также разработку новых для российской промышленности видов продукции (или новых производственных технологий), – иначе невозможно говорить об импортозамещении, об успешной долгосрочной конкуренции на мировых рынках и о вхождении России в пятерку крупнейших экономик мира.

Кроме того, одним из акцентов государственной программы совершенно справедливо является акцент на локализации производства: чтобы как можно больше используемых сырья, материалов и комплектующих также было произведено в России, то есть чтобы импортозамещение имело место не только в отношении готовой продукции, но и в отношении сырья, материалов и комплектующих.

Что касается объекта данной Государственной программы, то ее авторы оперируют такими терминами, как «отечественная промышленность», «российская промышленность» и предполагают эффективно решать «задачи обеспечения экономического развития и повы-

⁵ См. Раздел I. «Приоритеты и цели государственной политики, включая направления развития приоритетных территорий» вышеуказанного Постановления Правительства.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

шения обороноспособности страны»⁸. Таким образом, объектом данной Государственной программы должна являться российская промышленность: совокупность юридических и физических лиц, зарегистрированных в российской юрисдикции российскими же физическими или юридическими лицами и производящих продукцию, права на производство которой принадлежат также российским юридическим или физическим лицам. В противном случае, если владельцы предприятий являются иностранцами (или контрольный пакет акций компании принадлежит иностранным юридическим или физическим лицам), то невозможно будет говорить о повышении и даже просто об обеспечении обороноспособности страны, также как и в случае производства продукции, права на которую принадлежат иностранным компаниям. Товары иностранных брендов в данном случае являются конкурентами российских торговых марок. Иностранные компании, торгующие на территории РФ своей продукцией, а также выпускающие на территории РФ свою продукцию, являются в данном случае конкурентами российской промышленности, в том числе и тогда, когда товары иностранных брендов выпускаются на предприятиях, владельцами которых являются российские физические и юридические лица.

Мы не отрицаем положительные социально-экономические следствия от размещения иностранных (с точки зрения состава учредителей) предприятий на территории России, к которым, безусловно, относятся и повышение занятости, и рост спроса на российские комплектующие, сырье, материалы и энергию, и повышение доходов госбюджета. Но эти следствия не означают развитие российской промышленности и повышение ее конкурентоспособности.

4. Краткий обзор состояния современной российской автомобильной промышленности

Как отмечалось выше, в силу обширности материалов Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» и ограниченности объема статьи данное исследование будет сосредоточено преимущественно (но не исключительно) на одной подпрограмме вышеуказанной ГП – Подпрограмме 1 «Развитие транспортного и специального машиностроения», на той ее части, которая относится к транспортному машиностроению (конкретно – к автомобилестроению). Для того чтобы квалифицированно анализировать проблему повышения конкурентоспособности отечественного автомобилестроения, предусмотренного в вышеупомянутой

⁸ Там же.

государственной программе, необходимо хотя бы в общих чертах представлять себе состояние объекта – российского автомобилестроения.

Прежде всего отметим, что российское автомобилестроение переживает сложные времена, и поддержка отрасли со стороны государства весьма уместна. В 2020 г. на территории Российской Федерации было произведено 1434 тыс. автомашин (1247 тыс. легковых, 153 тыс. грузовых и 34 тыс. автобусов)⁹. Для сравнения: 30 лет назад, в 1990 г., в СССР было произведено 1820 тыс. автомобилей, то есть на 27% больше.

Однако прямое сравнение цифр не совсем корректно: в 1990 г. автомобили производились на государственных заводах, принадлежащих СССР. В настоящее время структура собственности в автомобильной промышленности существенно изменилась: значительная доля автоборочных предприятий принадлежит иностранным компаниям (ЗАО «Рено-Россия», ООО «Фольксваген Груп Рус», ООО «Ниссан Мэнү-фэкчуринг Рус» и др.), и на них собираются автомобили иностранных марок. Строго говоря, эти заводы не имеют отношения к российской автомобильной промышленности, а еще точнее, – это заводы, принадлежащие компаниям – конкурентам российской автомобильной промышленности.

Ряд крупных российских компаний, то есть компаний, принадлежащих российским физическим и юридическим лицам (ООО «Авто-тор-холдинг», ПАО «Соллерс», ПАО «Группа ГАЗ» и др.), заключили контракты с иностранными автомобильными концернами (или создали совместные предприятия) и на своих заводах также выпускают (собирают) автомобили иностранных марок.

АО «АВТОВАЗ», продолжающий производить автомашины под брендом Лада, юридически является дочерней компанией голландской Alliance Rostec Auto B.V., в которой доля российского участника (СП «Ростех») составляет только 32%, а контрольным пакетом акций (68%) владеет Renault Group¹⁰. Поэтому самый массовый российский автобренд с 2014 г. является российским только по названию.

Таким образом, тот факт, что на территории РФ в 2020 г. произведено 1434 тыс. автомобилей, не означает, что эти машины являются продуктом российской автомобильной промышленности в полном смысле слова.

Компаний, которые представляют собственно российскую автомобильную промышленность и производят автомобили российских марок, немного (и довольно часто они занимают узкоспециализированные ниши рынка).

⁹ Источник: Автопром в России. Итоги 2020 года, перспективы. www.autostat.ru/research/product/396.

¹⁰ www.interfax.ru/business/752340.

Кратко охарактеризуем основные из них.

1. ПАО «Группа ГАЗ» (контролируется ООО «Русские машины») производит 50% легковых автомобилей (включая легкие коммерческие машины), 80% автобусов и 33% тяжелых грузовиков в России¹¹. При этом все собираемые ПАО легковые автомобили – модели иностранных марок (в настоящее время марки Škoda: в 2020 г. было выпущено 58 тыс. машин¹²). Собственные российские автобренды представлены малотоннажными коммерческими и грузовыми машинами и микроавтобусами под марками «ГАЗЕЛЬ», «Соболь», «ГАЗон», «Садко», «Валдай», автосамосвалами, а также автобусами марок ПАЗ, КАВЗ, ЛиАЗ, ГолАЗ. Кроме того, производится целый ряд разнообразных автомобилей для армии. В 2020 г. компанией было произведено 44,5 тыс. легких коммерческих и 6,8 тыс. грузовых автомобилей.
2. ПАО «Соллерс» помимо сборки иномарок (в настоящее время производятся автомашины марок Mazda (27 тыс. машин в 2020 г.¹³) и Ford (14 тыс. машин в 2020 г.¹⁴)) производит УАЗы на Ульяновском автомобильном заводе (порядка 55 тыс. в год); в 2020 г. начато производство автомобилей Аurus на заводе Соллерс-Елабуга.
3. ПАО «КАМАЗ» сотрудничает с Daimler Truck AG (которая входит в число его акционеров с долей 15%), продолжая разрабатывать и выпускать все новые модели Камазов, вполне конкурентоспособных на мировых рынках. В 2020 г. на российском рынке реализовано 32,7 тыс. грузовиков, экспортировано 4,4 тыс. грузовых автомобилей¹⁵. Чистая прибыль «КАМАЗа» по итогам 2020 г. составила 3,1 млрд руб.¹⁶ О конкурентоспособности его продукции свидетельствуют многочисленные победы команды КАМАЗа на ралли «Париж-Дакар». КАМАЗ производит также автобусы (в том числе работающие на сжиженном газе), электробусы и троллейбусы; часть моделей – это продукт совместной разработки и производства с иностранными компаниями.
4. ООО МЗ «Тонар», помимо разнообразных прицепов и полуприцепов производит карьерные самосвалы и автопоезда повышенной грузоподъемности. Примечательно, что датой основания завода является 30 ноября 1990 г., т. е. это полностью постсоветский проект.

¹¹ www.forbes.ru/profile/gruppa-gaz.

¹² www.autostat.ru/news/47220.

¹³ primamedia.ru/news/1051140.

¹⁴ www.autostat.ru/news/46937.

¹⁵ www.autostat.ru/news/47510.

¹⁶ www.vedomosti.ru/business/news/2021/04/19/866557-kamaz-poluchil-31-mlrd-rub-pribili.

5. Автобусы и троллейбусы российских и зарубежных марок производятся еще рядом российских компаний: Вологодским механическим заводом, Bakulin Motors Group, Уфимским трамвайно-троллейбусным заводом и др. ПК «Транспортные системы» производит электробусы и троллейбусы (а также трамваи) отечественной конструкции, являя собой образец перспективного производства: трамваи производства этой компании успешно экспонировались и вызвали интерес на выставке InnoTrans в Берлине в 2018 г.¹⁷

Подводя итог, выделим самое основное.

- Производство грузовиков представлено как отечественными машинами (такими, как КАМАЗ, Тонар), так и рядом иностранных брендов (Scania, Man, Volvo и др.). Среди производимых малотоннажных коммерческих автомобилей заметно преобладают российские бренды (ГАЗЕЛЬ, Соболь и др.). Оба класса машин имеют неплохой экспортный потенциал, прежде всего в страны СНГ, Турцию, Африку, Латинскую Америку, Восточную Европу. Среди перспективных направлений поддержки, способных повысить конкурентоспособность этого класса машин, в первую очередь представляется усиление работы конструкторских бюро, реализующих новые, все более современные конкурентоспособные идеи. Фактором, сдерживающим их экспорт, в настоящее время является проблема соответствия двигателей требованиям Евро-4 и Евро-5, однако это фактор не опережающий, а «догоняющий».
- Автобусы и троллейбусы представлены рядом российских брендов и производятся на заводах, сумевших выжить с советских времен (некоторая часть из моделей – плоды разработки совместных предприятий). Автобусы иностранных брендов на российской территории не собираются. Это отчасти объясняется более низкими требованиями к качеству машин, предъявляемыми покупателями, которыми обычно выступают региональные власти и которых устраивает качество российских автобусов. В условиях дефицита средств у регионов конкурентами по отношению к российским пассажирским машинам часто выступают не современные иностранные автобусы, троллейбусы и трамваи, а иностранные машины, отслужившие свой срок и списываемые по истечении срока амортизации у себя на родине. Наличие множества производителей создает конкурентную среду и содействует разработке новых, более современных и более конкурентоспособных моделей, хотя речь здесь идет преимущественно о конкурентоспособности на внутреннем, а не на мировом рынке. Текущая реалистичная задача для производителей пассажирского автотран-

¹⁷ <https://pk-ts.org/novosti/furor-otechestvennogo-proizvoditelya-tramvaev-na-innotrans>.

спорта – вытеснить «second hand» иностранных марок с российских маршрутов, особенно в глубинке, что, конечно, не мешает развивать перспективные экспортные проекты, как это делается в ПК «Транспортные системы». Именно конструкторская работа и экспортные проекты могут быть предметом первоочередной государственной поддержки в производстве пассажирского автотранспорта.

- Качественно иная картина наблюдается на рынке легковых автомобилей. Отечественные легковые машины представлены здесь автомобилями-внедорожниками, производимыми Ульяновским автомобильным заводом (марки УАЗ, Патриот, Хантер). В 2020 г. их было произведено 55 тыс. шт. (из 1247 тыс. легковых автомобилей, то есть 4,4%). Внедорожники УАЗа занимают отдельную нишу рынка легковых автомобилей. В базовой комплектации они стоят порядка 1 млн руб., в то время как цена на внедорожники иностранных марок начинается с 2,5 млн руб. Они конкурентоспособны в своей ценовой категории, но неконкурентоспособны по отношению к машинам иностранных марок, поскольку их цена соответствует их качеству. Поэтому одной из ключевых задач, решение которых необходимо для повышения конкурентоспособности машин УАЗа, является значительное улучшение качества машин, что предполагает как серьезную инженерно-конструкторскую работу (включая работу над качеством комплектующих), так и улучшение качества сборки.
- Остальные легковые автомобили, произведенные на территории Российской Федерации, – иностранных брендов (включая Ладу, поскольку АВТОВАЗ контролируется Renault Group). Это означает, что с продажей АО «АВТОВАЗ» в 2014 г. производство российских легковых автомобилей прекратилось и российская легковая автомобильная промышленность перестала существовать (за исключением производства внедорожников). Поэтому задача повышения конкурентоспособности российской легковой автомобильной промышленности является эвфемизмом – российскую легковую автомобильную промышленность нужно создавать с нуля, начиная с конструкции автомобиля и включая полный цикл производства.

Кроме того, весьма острой проблемой (для всех классов машин), особенно в виду угрозы расширения санкций, остается зависимость от импорта целого ряда компонентов (тормозных, рулевых, компонентов трансмиссии, ряда резинотехнических изделий, современных подшипников и др.)¹⁸. Как ни парадоксально, эта зависимость усугубилась

¹⁸ www.gazeta.ru/business/2020/10/30/13340707.shtml.

с привлечением в Россию иностранных производителей, в результате чего произошло вытеснение с рынка российских платформ, а из-за этого, в свою очередь, пострадала отечественная отрасль компонентного производства. Например, у ПАО «Группа ГАЗ» порядка 370 иностранных поставщиков. При этом ситуация такова, что прекращение отгрузок только одного поставщика может полностью парализовать работу «Группы ГАЗа»¹⁹. Именно поэтому вопрос локализации рассматривается как один из приоритетных и включен в государственную программу.

5. Анализ целевых параметров государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», предусматривающих повышение конкурентоспособности отечественного автомобилестроения (Подпрограмма 1)

5.1. Первое, что мы видим, открыв Паспорт Подпрограммы 1 Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», нацеленной на развитие транспортного и специального машиностроения, – амбициозные и весьма актуальные цели как для развития российской промышленности в целом, так и для автомобилестроения в частности. Ключевыми здесь представляются пять моментов: развитие *высокотехнологичного* (1) и *конкурентоспособного на внутреннем* (2) и *на внешних* (3) рынках производства *российской техники* (4) транспортного и специального машиностроения с высоким уровнем добавленной стоимости и *локализацией* на территории России (5) наиболее критически важных технологий и компонентов (краткое содержание целевых параметров Подпрограммы 1 применительно к автомобилестроению приведено в табл. 1).

Действительно, цели чрезвычайно актуальны. Далее попытаемся понять, каким образом предполагается достичь вышеуказанных целей. Основные инструменты, используемые для оценки выполнения государственных программ, – индикаторы и так называемые структурные элементы госпрограммы (к ним относятся мероприятия и контрольные события)²⁰. Именно достижение запланированных значений индикаторов и осуществление запланированных «структурных элементов» являются критериями оценки выполнения госу-

¹⁹ www.gazeta.ru/auto/2020/11/13_a_13359337.shtml.

²⁰ Согласно Правилам формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 года № 903. docs.cntd.ru/document/560662721?marker=7DS0KE.

Таблица 1

Целевые параметры государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (применительно к Подпрограмме 1)

Цели	Задачи	Ожидаемые результаты	Индикаторы
Развитие высокотехнологичного и конкурентоспособного на внутреннем и внешних рынках производства российской техники транспортного и специального машиностроения с высоким уровнем добавленной стоимости и локализацией наиболее критически важных технологий и компонентов	1. Обеспечение удовлетворения российскими производителями спроса транспортного комплекса России, включая потребности граждан и нужды национальной обороны, на конкурентоспособную технику, соответствующую современному уровню международных требований по безопасности, экологичности и экономичности. 2. Развитие глубокой локализации и унификации производств на территории России с целью освоения российскими производителями перспективных технологий и соответствующих компетенций, а также увеличения масштабов выпуска российской конкурентоспособной техники транспортного и специального машиностроения и ее компонентов.	1. Повышение доли на внутреннем рынке продукции транспортного и специального машиностроения, производимой в Российской Федерации, в общем объеме рынка, в том числе в части автомобильной промышленности – поддержание на уровне 85%. 2. Повышение вклада продукции транспортного и специального машиностроения в ВВП, в том числе в части автомобильной промышленности до уровня 1%. 3. Увеличение объемов и доли экспорта продукции транспортного и специального машиностроения российского производства в общем объеме производства.	Индекс производства по отношению к предыдущему году (для производства автомобилей, прицепов и полуприцепов).

Окончание табл. 1

Цели	Задачи	Ожидаемые результаты	Индикаторы
	3. Создание условий для реализации и развития экспортного потенциала российских производителей техники транспортного и специального машиностроения и ее компонентов. 4. Развитие научно-технологического потенциала за счет развития национальных научных и инженеринговых компетенций и внедрения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. 5. Развитие кадрового потенциала и повышение производительности труда в отраслях транспортного и специального машиностроения.	4. Увеличение инвестиционной и инновационной активности предприятий отраслей транспортного и специального машиностроения. 5. Повышение уровня обновления основных фондов. 6. Развитие высокотехнологичного инновационного производства в РФ с высоким уровнем унификации и локализацией критически важных технологий и компонентов. 7. Повышение эффективности и производительности труда работников, занятых в отраслях транспортного и специального машиностроения. 8. Улучшение экологической обстановки в регионах за счет обновления парка общественного транспорта и транспортного дорожно-коммунальных служб, а также расширение использования природного газа в качестве моторного топлива.	

Источник: составлено автором по: Паспорт государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». government.ru/rugovclassifier/862/about.

государственной программы. Достигнуты запланированные значения индикаторов и реализованы запланированные мероприятия – значит программа выполнена. Если они осуществлены на 90%, то считается, что программа выполнена на 90%. Достижение (или недостижение) изначально сформулированных целей на оценку выполнения госпрограммы никак не влияет. Это означает, что критерием выполнения государственной программы является результативность, а не качество управления [8, с. 84; 9, с. 15–16]. В этих условиях особую важность приобретает выбор таких индикаторов, контрольных событий и мероприятий, достижение заданных значений которых или наступление контрольных событий и осуществление запланированных мероприятий обеспечивало бы достижение целей программы [10, с. 111–112].

В Подпрограмме 1, посвященной повышению конкурентоспособности транспортного машиностроения, к автомобилестроению относится единственный индикатор – индекс производства автомобилей, прицепов и полуприцепов по отношению к предыдущему году. Очевидно, что увеличение количества произведенных автомобилей (а также прицепов и полуприцепов) на территории Российской Федерации совершенно не означает, что:

- это будут автомобили, которые можно отнести к российскому автомобилестроению, а не автомобили иностранных брендов, собранные на заводах, расположенных на российской территории (см. п. 4 выше);
- российское автомобилестроение станет при этом более высокотехнологичным и конкурентоспособным на внутреннем и внешних рынках, а также возрастет степень его локализации на территории РФ;
- из того что эти автомобили будут произведены, совсем не следует, что они будут проданы, а не останутся стоять на складе готовой продукции. Повышение конкурентоспособности ассоциируется с увеличением продаж; показатель увеличения производства никак не связан с конкурентоспособностью.

Таким образом, достижение запланированного значения индикатора (на 2021 г. – 115,7% по отношению к 2020 г.) весьма слабо связано с достижением намеченных целей.

Пытаясь понять логику авторов государственной программы, отметим, что повышение конкурентоспособности действительно обычно приводит к увеличению объема продаж. Однако обратное положение дел – не верно: увеличение объема продаж совсем не означает повышение конкурентоспособности, а может быть вызвано целым рядом иных причин – например, маркетинговыми мероприятиями по продвижению товара (рекламной кампанией или демпингом) или изменением общеэкономической ситуации (так, укрепление курса вну-

тренней валюты положительно сказывается на экспортных возможностях). Однако ни то, ни другое не влияет на конкурентоспособность промышленности (в точном смысле этого понятия), а в данной программе говорится о развитии более высокотехнологичного производства и производстве автомобилей мирового класса, как о конкурентоспособных на мировом рынке.

5.2. Для того чтобы понять, каким образом и за счет чего авторы госпрограммы предполагают достичь намеченных целей, кратко проанализируем контрольные события подпрограммы, то есть те конкретные действия, которые, по мнению авторов программы, должны привести к достижению цели – повышению конкурентоспособности российской автомобильной промышленности. На 2021–2023 гг. запланировано 19 контрольных событий²¹ (с учетом квартальной отчетности эти 19 событий «сворачиваются» в 7 мер), при помощи которых правительство предполагает повысить конкурентоспособность российского автопрома:

1) возмещение части затрат производителям российских колесных транспортных средств на содержание рабочих мест;

2) возмещение части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств по колесным транспортным средствам, соответствующим нормам Евро-4, Евро-5 и выше;

3) возмещение части затрат производителей колесных транспортных средств на использование энергоресурсов энергоемких предприятий автомобильной промышленности;

4) возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным российскими кредитными организациями в 2015–2023 гг. физическим лицам на приобретение автомобилей в 2021 г.;

5) возмещение доходов российских лизинговых организаций при предоставлении лизингополучателю скидки по уплате авансового платежа по договорам лизинга колесных транспортных средств, заключенным в 2018–2023 гг., в 2022 г.;

6) возмещение части затрат на выплату купонного дохода по облигациям размещенным и (или) уплату процентов по кредитам, привлеченным на цели развития заготовительных производств, обновления модельного ряда, модернизации производственных мощностей, в 2023 г.;

7) предоставление субсидии организациям автомобилестроения на перевозку автомобилей, произведенных на территории Дальневосточного федерального округа, в другие регионы страны в 2021 г.²²

Что можно сказать по этому поводу?

²¹ Согласно Постановлению Правительства России от 31 марта 2021 г. № 505-20.

²² government.ru/rugovclassifier/862/events.

1. Во-первых, из текста документа совершенно неясно, кто в действительности является получателем бюджетных средств, представляют ли они российскую автомобильную промышленность, в том смысле, о котором говорилось в п. 4 статьи, или для получения субсидии достаточно быть российским резидентом, независимо от государственной принадлежности учредителей и выпускаемого бренда.

Субсидия по компенсации перевозки автомобилей, произведенных в Дальневосточном федеральном округе и продаваемых в западных регионах страны, позволяет утверждать, что авторы программы используют расширительное понимание значения термина «российская автомобильная промышленность» или «российский производитель». Дело в том, что на Дальнем Востоке работает единственное автосборочное предприятие, принадлежащее ПАО «Соллерс», в настоящее время собирающее во Владивостоке автомашины марки Мазда. Таким образом, правительство, субсидируя перевозку Мазд из средств Федерального бюджета, фактически стимулирует продажи машин Мазда, то есть поддерживает конкурента российской автомобильной промышленности – японский автомобилестроительный концерн. Возникает риск того, что вместо повышения конкурентоспособности российского автопрома государственная программа в части этой меры действует в противоположном направлении.

Субсидии по другим статьям также могут выплачиваться компаниям, производящим иностранные бренды. Так, в 2020 г. АО «АВТОВАЗ», контролируемый Renault Group, получил от Минпромторга около 40 млрд руб. субсидий, завод ООО «Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус» в Санкт-Петербурге – около 30 млрд руб., калужский завод «Фольксваген Групп Рус» – порядка 22,7 млрд руб.²³ В отсутствие производства собственных легковых автомобилей России выгодней иметь сборочные заводы на своей территории, чем ввозить готовые автомобили, и выплата субсидий является одним из средств привлечения иностранных компаний. Только зачем при этом называть черное белым? Целью государственной программы декларируется повышение конкурентоспособности российской промышленности. И средства госбюджета выделяются для решения этой важной проблемы. А на деле получателями средств опять становятся иностранные автомобильные концерны – конкуренты отечественной автомобильной промышленности. Вместо того чтобы развивать российское автомобилестроение.

2. Из семи мер, используемых в госпрограмме, результатом шести мер является стимулирование продаж, что положительно сказывается на значении основного индикатора подпрограммы (индекса производства к предыдущему году), но никак не влияет на уровень конкурентоспособ-

²³ www.gazeta.ru/business/2021/04/23/13570388.shtml.

ности, поскольку не имеет отношения ни к модернизации производства или модельного ряда, ни к повышению операционной эффективности.

Одна из мер (субсидии по Евро-4 и Евро-5) повышает возможности экспорта, что также предусмотрено в основной части программы. Однако основными получателями этой субсидии являются компании, производящие иностранные бренды. Отметим, что в общей структуре расходов по подпрограмме развития автомобилестроения (см. табл. 2) выплаты по субсидии по Евро-4 и Евро-5 составляют 72% от всех расходов подпрограммы (в 2021 г.).

Таблица 2

Субсидирование повышения конкурентоспособности российской автомобильной промышленности в 2021–2023 гг. (план, млрд руб.²⁴)

	2021	2022	2023
Возмещение части затрат производителям российских колесных транспортных средств на содержание рабочих мест	70,5	70,7	70,7
Возмещение российским производителям части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств по колесным транспортным средствам, соответствующим нормам Евро-4, Евро-5 и выше	237,6	250,4	271,2
Возмещение части затрат производителей колесных транспортных средств на использование энергоресурсов энергоемких предприятий автомобильной промышленности	5,4	5,4	5,4
Возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным российскими кредитными организациями в 2015–2023 гг. физическим лицам на приобретение автомобилей в 2021 г.	8,9	10,3	11,9
Возмещение доходов российских лизинговых организаций при предоставлении лизингополучателю скидки по уплате авансового платежа по договорам лизинга колесных транспортных средств, заключенным в 2018–2023 гг., в 2022 г.	3,9	4,9	5,1
Возмещение российским производителям грузовых колесных транспортных средств части затрат на выплату купонного дохода по облигациям размещенным и (или) уплату процентов по кредитам, привлеченным на цели развития заготовительных производств, обновления модельного ряда, модернизации производственных мощностей, в 2023 г.	0,7	0,7	0,7

²⁴ Согласно Федеральному закону от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».

	2021	2022	2023
Предоставление субсидии организациям автомобилестроения на перевозку автомобилей, произведенных на территории Дальневосточного федерального округа, в другие регионы страны в 2021 г.	0,25		
Всего	330	342	365

6. Заключение

В свете вышесказанного абсолютно неудивительно, что, согласно существующей методике оценки эффективности выполнения государственных программ²⁵, большая часть программ у нас довольно неплохо выполняется: так, например, в 2018 г. государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» была выполнена на 97,2%²⁶. Все семь мер, предусмотренных в подпрограмме по повышению конкурентоспособности транспортного машиностроения на 2021–2023 гг., представляют собой выплаты (субсидии) из государственного бюджета. Похоже, что намеренно выбираются контрольные события, которые находятся в сфере компетенции чиновников. Как будто бы сам факт осуществления платежа означает немедленное и гарантированное изменение состояния объекта управления – повышение конкурентоспособности российского автомобилестроения.

Кроме того, шесть из семи мер (и 99,8% выделяемых средств), по сути, являются стимулированием продаж, а стимулирование продаж (уже производимых моделей и марок автомобилей) никак не связано с технологическими инновациями, с переходом к высокотехнологичному производству, передовым конструкторским разработкам, с выпуском качественно лучших товаров, то есть с повышением конкурентоспособности отечественного автомобилестроения. Программа *de facto* не нацелена на решение стратегических задач развития отечественного автопрома. О необходимости воссоздания отечественной легковой автомобильной промышленности в программе даже не упоминается.

²⁵ Согласно Приказу от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации», а также «Правилам формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903.

²⁶ См.: Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2018 г. С. 721. programs.gov.ru/Portal/analytics/quarter_report_to_government.

Неудивительно, что по итогам выполнения госпрограммы конкурентоспособность российской автомобильной промышленности существенно не повысилась. Между тем объем бюджетного финансирования Программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» за период действия программы (с 2013 по 2030 гг.) должен составить 7,145 трлн руб., а на выполнение Программы уже было направлено около 1,7 трлн руб. бюджетных средств²⁷. Можно выделить две основные причины такого положения дел.

С одной стороны, пример анализа индикаторов, а также состава мероприятий и контрольных событий части подпрограммы 1, посвященной повышению конкурентоспособности отечественного автомобилестроения, показал, что выбор индикаторов, мероприятий и контрольных событий подпрограммы был таков, что их выполнение не могло повысить конкурентоспособность российского транспортного машиностроения. То есть вопрос низкой эффективности реализации государственных программ не сводится к их выполнению – во многом низкая эффективность госпрограмм заложена изначально, на стадии их составления.

С другой стороны, такая ситуация стала возможной благодаря тому, что, согласно методике²⁸, эффективность реализации государственных программ оценивается на основании достижения плановых значений индикаторов программы и наступления запланированных мероприятий и контрольных событий государственной программы и никак не соотносится с достижением целей программы. До тех пор пока критерием успешности выполнения государственных программ будут оставаться результативность без учета качества управления, можно ожидать подобных результатов государственного управления.

Текущая практика составления и управления государственными программами настоятельно требует кардинального пересмотра.

²⁷ government.ru/rugovclassifier/862/events.

²⁸ Методика оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903. docs.cntd.ru/document/560662721?marker=7DS0KE.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2019 год. М.: Счетная палата, 2020. ach.gov.ru/audit/zaklyuchenie-na-2019.
2. Шохина Е. Алексей Кудрин предложил реформировать госпрограммы // Ведомости. 27.10.2020.
3. Кутукова Е.С. Об основных проблемах и недостатках государственных программ // Журнал Бюджет. 2017. № 11. bujet.ru/article/332064.php.
4. Маркс К. Капитал. Т. 3. М.: Политиздат, 1988.
5. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
6. Бирюлин С. Б. Как все испортить и разорить бизнес. М.: Манн, Иванов, Фарбер, 2019.
7. Портер М. Конкуренция. М.: ИД Вильямс, 2005.
8. Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 80–94.
9. Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2021.
10. Козлова С.В. Развитие земельно-имущественных отношений в городах. М.: ИЭ РАН, Наука, 2007. (Экономическая теория и стратегия развития).

REFERENCES

1. Conclusion of the Accounting Chamber of the Russian Federation on the report on the implementation of the federal budget for 2019. M.: Accounting Chamber Publ., 2020. (In Russ.)
2. Shokhina E. Alexey Kudrin proposed to reform state programs // Vedomosti. 27.10.2020. (In Russ.)
3. Kutukova E.S. About the main problems and shortcomings of state programs // Budget Journal. 2017. № 11. (In Russ.)
4. Marx K. Capital. Vol. 3. M.: Politizdat, 1988. (In Russ.)
5. Porter M. Competitive strategy: Methods of analyzing industries and competitors. M.: Alpina Business Books, 2005. (In Russ.)
6. Biryulin S. B. How to ruin everything and bankrupt business. M.: Mann, Ivanov, Farber. 2019. (In Russ.)
7. Porter M. Competition. M.: Williams Publ., 2005. (In Russ.)
8. Bratchenko S. A. Quality of public administration: the content of the concept // Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk. 2020. No. 6. Pp. 80–94. (In Russ.)
9. Bratchenko. S.A. Quality of state governance: theoretical, methodological and institutional aspects. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russ.)
10. Kozlova S.V. Development of land and property relations in cities. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Nauka. 2007. (Economic theory and development strategy). (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Bratchenko Svetlana Anatolievna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
svetlana.bratchenko@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE ADMINISTRATION OF STATE PROGRAMS (ON THE EXAMPLE OF THE STATE PROGRAM “DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND INCREASING ITS COMPETITIVENESS”)

The object of research of this paper is the state program “Development of industry and increase of its competitiveness” (first of all, the part of subprogram 1 dedicated to the automotive industry). The hypothesis of the work is the unsatisfactory results of state programs are substantially caused by the insufficient quality of the development of state programs. That is, the unsatisfactory national economic results of the programs implementation are initially “programmed” in the texts of the state programs themselves. It was shown that six of the seven measures (and 99.8% of the allocated funds) are in fact stimulating sales of already produced models and brands of cars and not related to improving the competitiveness of the domestic automotive industry. The program even mentions doesn’t mention the need to recreate the domestic passenger car industry. The choice of indicators, measures and control events of the subprogram was such that their implementation could not increase the competitiveness of the Russian transport engineering industry. That is, in many respects, the low effectiveness of state programs was “programmed” initially, at the stage of the development of the program. The reasons are in the methodological plane: the effectiveness of the implementation of state programs is evaluated depending on the achievement of the program indicators of the state program and is not related to the achievement of the program goals.

Key words: *quality of state governance, state program, industry competitiveness, automotive industry*

JEL: B41, D73, E60, H50, H83, L52, L62, O25.

Г.Х. БАТОВ

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СУБЪЕКТОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

В статье проведен анализ эволюции экономического пространства семи субъектов Северо-Кавказского федерального округа за определенный временной период (10 лет). Выявлены проблемы, связанные с его функционированием и качественными изменениями. На основе системообразующих идентификаторов определены состояние и качество экономического пространства каждого субъекта округа, проведена оценка и сравнение нынешнего его состояния с базовым периодом, рассчитан интегральный показатель каждого из них, вычислены их рейтинги. Предложены меры, способствующие нивелированию дисгармонии функционирования экономического пространства. Результаты исследования могут быть использованы субъектами разных регионов в ходе разработки мероприятий по реализации положений Стратегии¹.

Ключевые слова: макрорегион, пространственное развитие, экономическое пространство, качество, индекс, интегральный показатель, СКФО.

JEL: C43, O18, R12.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_109_120.

Введение

Кардинальные географо-территориальные изменения, фундаментальные экономические преобразования, социальная стратификация, переход к реальному федерализму и другие перемены, которые произошли в конце XX и начале XXI в., внесли существенные коррективы в пространственную организацию страны. Инверсионные процессы вызвали глубокие внутренние сдвиги в территориальных структурах расселения населения, способствовали образованию центров экономической активности, углублению диспропорции развития городских

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Правительством Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

и сельских территорий, резкому размежеванию и дифференциации регионов по использованию природной ренты.

Возникшие проблемы требовали и продолжают требовать своего разрешения. Нельзя сказать, что научная общественность и правительственные круги не понимают существующих проблем и не предпринимают определенных действий. В экономической литературе достаточно источников для ознакомления с проблемами пространственного развития и методами их решения на региональном и страновом уровнях, которые предлагаются научными школами, группами исследователей, отдельными учеными, экспертами.

В начале реформ наивно предполагалось, что рынок решит все социально-экономические проблемы, в том числе будет способствовать сближению регионов по уровню развития. Но они не оправдались, наоборот, региональные различия расширяются и углубляются. Рынок «поощряет» экономическую активность в местах концентрации ресурсов, но оставляет «без внимания» регионы, в которых их мало или они отсутствуют. По мнению Н. Аврамчиковой и М. Чувашевой, «экономическая жизнь за годы рыночной трансформации стала больше концентрироваться на небольшой части российской территории – в крупных городах и городских агломерациях. Рост межрегиональной дифференциации – это одна из закономерностей рыночной трансформации, отражающая появление выигрывающих и проигрывающих территорий» [1, с. 31–32].

В новейшей истории России предпринимались неоднократные попытки по снижению существующей дифференциации между регионами. В перечень этих мероприятий входили различные проекты, программы, рекомендации и, как отмечает А. Котов, «в российской региональной политике были использованы практически все известные в мировой практике инструменты с пространственной проекцией (государственные и целевые программы, специальные (особые) экономические зоны, кластеры, технопарки и т. д.)» [2, с. 353]. Однако, констатирует автор, эти инструменты не принесли нужных результатов.

Е. Бухвальд провел тщательный анализ существовавших и существующих программ, касающихся регионального пространственного развития, слабые и сильные стороны этих программ, как они выполнены, что помешало полной реализации намеченных планов. Уважаемый исследователь приходит к выводу о том, что в принятых концепциях и стратегиях «не удалось добиться системности и взаимодействия институтов и инструментов этой политики (*пространственного развития*, прим. автора), их целевой ориентированности на решение конкретных задач пространственного регулирования и пр.» [3, с. 75].

Пространственные отношения проявляются в разных отраслях и сферах жизнедеятельности человека и природы, нас в большей сте-

пени интересует взаимодействие пространства и экономики, вернее их симбиотическое сосуществование, в процессе чего формируется экономическое пространство. Данное понятие имеет свои особенности, связанные как с диверсификацией наук, так и с ее эволюцией. Кроме того, «пространственный аспект анализа экономического развития имеет существенное преимущество над территориальным или отраслевым, которое заключается в том, что территория в хозяйственной деятельности играет роль пассивного объекта, и именно на этот объект направлена деятельность человека. Пространственный анализ является наиболее полным отражением действительности, способствует углублению знаний о взаимодействии объектов, их пространственно-временных отношениях» [4].

При исследовании экономического пространства желательно придерживаться определенных методологических принципов, которые позволяют изучить объект исследования с использованием различных способов. В наибольшей степени можно использовать системный подход, подкрепив его статистическими инструментами. В данной статье объектом исследования выступает Северо-Кавказский федеральный округ, а непосредственными объектами изучения – семь субъектов СКФО: Республика Дагестан (РД), Республика Ингушетия (РИ), Кабардино-Балкарская Республика (КБР), Карачаево-Черкесская Республика (КЧР), Республика Северная Осетия – Алания (РСО-А), Чеченская Республика (ЧР), Ставропольский край (СК). В ходе трансформационных процессов в этих субъектах произошли изменения, которые привели к дисгармонии в пространственном развитии. Округ в целом является слабым звеном в экономике страны и по рейтинговым показателям пока занимает нижнюю строку среди округов. Научный и практический интерес представляют определение качества экономического пространства исследуемых субъектов, возможности межрегиональной интеграции, использование выравнивающих и/или стимулирующих средств устранения существующей дифференциации в пространственном развитии регионов.

Общая характеристика экономического пространства

Экономическое пространство можно представить как сетевую структуру. Группа авторов отмечает, что «пространство не является статичным, оно изменяется в зависимости от развития техники и технологий в таких сферах, как промышленность, строительство, транспорт, информационно-коммуникационные технологии и другие. Поэтому можно сделать вывод о том, что категория «экономическое пространство» включает не только территорию, на которой располагаются хозяйствующие субъекты и проживающее на ней население,

но и их экономические взаимосвязи, то есть по своему содержанию гораздо шире категории территории [5, с. 145].

Формирование экономического пространства происходит в результате социально-экономических процессов, происходящих на территории определенного субъекта (региона, страны). Оно выполняет комплекс функций, которые определяют его существование и функционирование. О. Бияков выделил эти функции и к ним относил:

- институциональную, которая состоит из создания, поддержания и развития институциональной среды;
- регулирующую, которая состоит из организации и координации взаимодействия экономических процессов;
- синхронизирующую, которая состоит в организации связи и параллельности действий;
- корректирующую – организации согласования своих действий и интересов с действиями и интересами других субъектов;
- оптимизирующую – участие в экономическом процессе экономического пространства ведет к тому, что у субъекта снижаются транзакционные издержки;
- информационную – аккумуляция информации и передача ее субъектам хозяйствования [6].

По поводу формирования экономического пространства существуют различные взгляды и подходы. И несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных экономическому пространству, данный вопрос остается предметом дискуссий. При этом большинство исследователей выделяют четыре сложившихся подхода интерпретации экономического пространства: «территориальный», «ресурсный», «информационный» и «процессный». Эти подходы стали классическими и являются главами или параграфами учебников экономических специальностей.

В последнее время исследователи обращаются и к информационно-цифровому подходу, который обосновывает формирование экономического пространства «информационными потоками, циркулирующими между хозяйствующими субъектами и сетями, которые создаются информационно-цифровыми технологиями» [7, с. 135–136].

Большинство исследователей экономического пространства прямо или косвенно имеют в виду, что оно представляет собой сетевую структуру. Это очень важно в связи с тем, что в наступающей цифровой экономике характерной особенностью является формирование платформ и экосистем, которые являются основными проводниками цифровой экономики, а для них, в свою очередь, основной формой существования и организации деятельности является создание сетей.

На основе вышеизложенного, а также существующих, но не приведенных в данном исследовании других мнений и взглядов, можно

констатировать, что экономическое пространство представляет собой холистическую структуру, которая состоит из географической территории, системы акторов, осуществляющих экономические процессы, населения, домохозяйств и социума, для которых характерно наличие институтов и сетевая организация взаимосвязи. Исследование экономического пространства предполагает системный подход, который противоречит редукционизму, когда из системы выделяют один элемент или часть объекта и на основании их свойств судят об объекте или системе в целом. Экономическое пространство возможно изучить только во взаимодействии и взаимосвязи элементов, которые входят в его состав.

Оценка качества экономического пространства макрорегиона

Для оценки состояния экономического пространства субъектов СКФО воспользуемся методикой, которая предлагается в источнике [5]. При этом статистические показатели разбиваются на три блока: входные, процессные и выходные. Параметры рассчитаны как относительные величины (индексы) к соответствующим среднероссийским показателям. Расчеты представлены в табл. 1.

К первой группе индексов относятся факторы инвестиционной и бюджетной обеспеченности, они дают представление о выпуске продукции, инвестиционной, ресурсной и бюджетной обеспеченности региона. Сравнительный анализ представленных индексов за исследуемый период показывает, что в целом по СКФО они увеличились. Однако в Республике Ингушетия и Чеченской Республике показатели оказались ниже, чем в базовом периоде. Основной причиной явилась снижение уровня бюджетной обеспеченности.

Вторая группа индексов характеризует условия жизнедеятельности субъектов округа и информирует о состоянии занятости, рынка труда и динамики заработной платы, индекса Джини и развитии социальной и производственной инфраструктуры. По этим показателям в округе в целом также произошли положительные изменения. Но Кабардино-Балкарская Республика и Ставропольский край не смогли улучшить свое положение по сравнению со значениями индексов базового периода из-за низких значений показателей по уровню безопасности и индекса Джини.

Третья группа индексов характеризует результаты деятельности экономического пространства как системы, состоящей из разных акторов, институтов и элементов, и осуществляющих различные процессы и взаимодействия между ними. Суммарное значение по показателям этой группы индексов в 2010 г. составило 10,329 балла,

Таблица 1

Мониторинг состояния пространственного развития СКФО, 2010–2019 гг.

	РД		РИ		КБР		КЧР		РСО_А		ЧР		СК	
	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019
Индексы, характеризующие факторы инвестиционной и бюджетной обеспеченности (входные)														
объема инвестиций в основной капитал	0,012	0,012	0,001	0,001	0,002	0,002	0,001	0,001	0,002	0,002	0,004	0,004	0,010	0,009
объема инвестиций в человеческий капитал	0,005	0,007	0,002	0,004	0,001	0,004	0,001	0,001	0,002	0,002	0,014	0,016	0,007	0,015
расчетной бюджетной обеспеченности	0,576	0,655	0,700	0,636	0,600	0,643	0,580	0,684	0,589	0,640	0,777	0,629	0,630	0,688
Итого	0,593	0,674	0,703	0,641	0,603	0,649	0,582	0,687	0,593	0,648	0,795	0,649	0,647	0,712
Индексы, характеризующие условия жизнедеятельности (процессные)														
занятости	0,773	0,802	0,294	0,725	0,768	0,825	0,816	0,825	0,804	0,878	0,332	0,854	0,906	0,907
сравнительной заработной платы	0,488	0,560	0,613	0,572	0,556	0,573	0,541	0,563	0,564	0,600	0,675	0,579	0,665	0,665
безопасности	0,213	0,244	0,255	0,275	0,599	0,545	0,494	0,533	0,536	0,562	0,197	0,210	0,705	0,512
Индекс Джини	0,395	0,394	0,358	0,334	0,375	0,338	0,364	0,343	0,367	0,365	0,374	0,374	0,388	0,373
Итого	2,869	3,000	2,520	2,906	3,298	3,281	3,215	3,264	3,271	3,405	2,578	3,017	3,664	3,457

Окончание табл. 1

	РД		РИ		КБР		КЧР		РСО_А		ЧР		СК	
	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019
Индексы, характеризующие функционирование экономического пространства (выходные)														
ВРП на душу населения	0,376	0,351	0,199	0,194	0,337	0,290	0,347	0,285	0,401	0,320	0,210	0,230	0,435	0,441
объема розничного товарооборота на душу населения	0,927	0,835	0,176	0,225	0,635	0,677	0,501	0,378	0,662	0,745	0,387	0,524	0,855	0,836
предоставления товаров и услуг на душу населения	0,607	0,610	0,523	0,316	0,501	0,553	0,513	0,477	0,663	0,552	0,241	0,566	0,836	0,853
Итого	1,910	1,796	0,898	0,735	1,473	1,520	1,361	1,140	1,726	1,617	0,835	1,320	2,126	2,130
Всего	5,372	5,470	4,121	4,282	5,374	5,450	5,158	5,091	5,590	5,670	4,208	4,986	6,437	6,299
Интегральный показатель	0,407	0,430	0,330	0,284	0,380	0,402	0,361	0,368	0,400	0,412	0,339	0,375	0,454	0,476

Источник: рассчитано автором по: «Регионы России: социально-экономические показатели, 2011, 2020 гг».

в 2019 г. произошло некоторое снижение показателя и оно составило 10,258 балла. Это означает, что уровень функционирования экономического пространства остается без больших изменений, хотя наблюдается некоторое его снижение. Наибольшее уменьшение суммарного показателя допустили республики Дагестан, Ингушетия и Северная Осетия-Алания.

Состояние экономического пространства за исследуемый период можно характеризовать как период застоя или некоторого регресса. За это время ВРП на душу населения СКФО по отношению к среднероссийскому показателю остался на низком уровне, в 2010 г. он составил 36,0%, в 2018 г. показатель уменьшился и составил 34,0%. Объем платных услуг на душу населения увеличился и составил в 2010 г. 59,2%, в 2019 г. – 64,2%. Важным показателем формирования и функционирования экономического пространства является розничный товарооборот, этот показатель также снизился: в 2010 г. он составил 73,6%, а, в 2019 – 71,6%.

Итоговые показатели по трем группам индексов в целом по СКФО составили в 2010 г. – 36,260, в 2019 г. – 37,248 баллов. Рост качества экономического пространства составил 2,72%. По субъектам СКФО они выглядят следующим образом: Республика Дагестан – 1,82%; Республика Ингушетия – 3,90%; Кабардино-Балкарская Республика – 1,41%; Карачаево-Черкесская Республика – (–0,98%); Республика Северная Осетия – Алания – 1,43%; Чеченская Республика –18,4%; Ставропольский край – (–0,97%).

Для того, чтобы привести параметры к единому знаменателю, были рассчитаны интегральные показатели по предлагаемой формуле:

$$I_{\text{кэп}} = \sqrt[3]{\alpha I_{\text{вх}} \cdot \beta I_{\text{пр}} \cdot \gamma I_{\text{вых}}},$$

где α , β , γ – весовые значения интегральных коэффициентов, которые определяются экспертным путем. В работе коэффициенты приняты за единицу, во-первых, чтобы исключить субъективный подход, во-вторых, исследуемые субъекты располагаются на одной территории, в одном округе и между ними, по большому счету, резких отличий нет. [5, с. 149]. Расчеты представлены в табл. 2.

Оценочным индикатором выступает интегральный показатель, который находится в диапазоне от 0 до 1. В целом экономическое пространство субъектов СКФО находится на низком уровне и находится в диапазоне от 0,284 (Республика Ингушетия) до 0,476 (Ставропольский край).

В тоже время надо отметить, что за исследуемый период для субъектов округа характерными были некоторое упрочнение и маломасштабный рост уровня функционирования их экономического про-

Таблица 2

Динамика изменений интегрального показателя по субъектам СКФО

	Интегральный показатель		Изменение, +; –	Место или рейтинг	
	2010 г.	2019 г.		2010 г.	2019 г.
Республика Дагестан	0,407	0,430	+0,023	2	2
Республика Ингушетия	0,330	0,284	–0,046	7	7
Кабардино-Балкарская Республика	0,380	0,402	+0,027	4	4
Карачаево-Черкесская Республика	0,361	0,368	+0,007	5	6
Республика Северная Осетия-Алания	0,400	0,412	+0,012	3	3
Чеченская Республика	0,339	0,375	+0,036	6	5
Ставропольский край	0,454	0,476	+0,022	1	1

Источник: рассчитано автором.

странства. Исключение составила Республика Ингушетия, (в данном случае сказались низкие объемы предоставляемых услуг на одного жителя, которые оказались в 2010 г. на 40% ниже показателя 2019 г.).

Положительными изменениями отмечена Чеченская Республика, которая прибавила 0,036 балла или 36% по сравнению с предыдущим периодом, что является наиболее высоким показателем среди субъектов СКФО. Отсюда можно сделать вывод о том, что республика оправилась от негативных явлений прошлого и находится на подъеме своего развития.

В целом низкое качество экономического пространства участников исследуемого округа приводит к необходимости выбора определенного подхода для нивелирования и устранения существующих проблем неравномерного развития. Во многих странах и регионах используется модель «Центр – периферия», когда за счет агломерационных принципов ресурсы сосредотачиваются в определенных точках роста, а затем этот рост проецируется на периферию. Эта модель имеет как положительные, так и отрицательные стороны и порой невозможно установить ее (модели) эффект. Все зависит под каким углом и с каких позиций (центра или периферии) рассматривается данный эффект.

В исследуемых субъектах, исходя из социально-экономического состояния и финансово-бюджетной обеспеченности региона, возможно проведение стимулирующей или выравнивающей политики.

Н. Зубаревич дает предпочтение стимулирующему подходу, она отмечает, «еще один ракурс региональной политики – соотношение стимулирующего и выравнивающего приоритетов. Стимулирующая политика нацелена в первую очередь на снижение институциональных барьеров для развития территорий с конкурентными преимуществами, чтобы за счет их ускоренного роста быстрее развивалась вся страна. Стимулирующая региональная политика доминирует в странах догоняющего развития» [8, с. 49].

Субъекты округа относятся к слабо развитым и депрессивным регионам. С учетом сложившихся обстоятельств, государство вынуждено использовать выравнивающий подход. Но это не означает, что игнорируются аспекты стимулирующего подхода, его арсенал тоже применяется, но он используется в меньшей степени.

Как это часто бывает, наиболее правильным является сочетание этих подходов, и при этом без участия государства вряд возможно обойтись, но оно (участие) не должно быть на постоянной основе. Его следует осуществлять по принципу: «участие государства в экономике возможно и необходимо, при этом сама степень его участия – есть величина переменная» [9, с. 100].

Заключение

Исследование показывает, что для субъектов, входящих в макрорегион Северо-Кавказского федерального округа, характерна неравномерность развития, она (неравномерность) усугубляется неравномерным размещением производительных сил. Экономическое пространство развивается инерционно-стабильно, простой формой воспроизводства. Решение проблем, связанных с эффективным функционированием экономических пространств, входящих в макрорегион видится в технологическом перевооружении отраслей экономики, проведении рещоринга (переноса различных производств из перенасыщенных агломерационных центров в субъекты), развитии социальных аспектов.

Повысить качество экономического пространства возможно также за счет повышения инвестиций в основной капитал, расширения масштабов применения информационных и цифровых технологий, создания оптимальной институциональной среды. Основной акцент надо сделать на развитие факторов «второй природы» [10].

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года отмечается необходимость развития межрегиональной интеграции. Данный подход востребован для исследуемого округа, так как здесь нет крупных проектов, где участвовали бы два-три и более субъектов, хотя имеется такая востребованность.

В условиях ограниченности финансовых ресурсов, недостаточного доступа к технологиям и других проблем, необходимо сочетать стимулирующий и выравнивающий подходы, что позволит максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества исследуемых субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамчикова Н.Т., Чувашева М.Н. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 28. С. 29–39.
2. Котов А.В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 352–362.
3. Бухвальд Е.М. Пространственные аспекты «Концепции-2020» и реализация целевых установок политики регионального развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 67–83.
4. Серебренникова А.В. Пространственная экономика: перспективы развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 4 (64). Номер статьи: 6409. eee-region.ru/article/6409.
5. Урунов А.А., Левина Л.Ф., Остапенко В.А. Качество экономического пространства: проблемы измерения на мезоуровне // Вестник университета. 2020. № 4. С. 144–151. doi 10.26425/1816-4277-2020-4-144-151.
6. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: Издательство Томского университета, 2004.
7. Черкасов П.С. Сущность и структура экономического и социального пространств региона // Проблемы современной экономики. 2017. №4 (64). С. 135–137.
8. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 11(2). С. 46–57.
9. Козлова С.В. Государственно-корпоративный сегмент российской экономики: проблемы управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 95–111.
10. Krugman P. Complex landscapes in economic geography // American Economic Association. Papers and Proceeding. 1994. №. 84.

REFERENCES

1. Avramchikova N.T., Chuvashcheva M.N. Instruments for Evaluation of the Quality of the Economic Space of a Resource-Oriented Region // Regional Economy: theory and Practice. 2015. No. 28. Pp. 29–39.
2. Kotov A.V. Evaluation of the Effectiveness of Regional Policy Instruments // The Economy of the Region. 2020. Vol. 16. Issue. 2. Pp. 352–362/
3. Buchwald E. M. Spatial Aspects of the "Concept-2020" and the Implementation of the Target Settings of the Regional Development Policy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 2. Pp. 67.–83.
4. Serebrennikova A.V. Spatial Economy: Development Prospects// Regional Economics and Management: an Electronic Scientific Journal. 2020. № 4 (64). Article number: 6409. eee-region.ru/article/6409.

5. *Urunov A.A., Levina L.F., Ostapenko V.A.* The Quality of Economic Space: Problems of Measurement at the Meso-Level//Bulletin of the University. 2020. No. 4. Pp. 144–151. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-4-144-151.
6. *Biyakov O.A.* Theory of Economic Space: Methodological and Regional Aspects. Tomsk: Tomsk University Press, 2004.
7. *Cherkasov P.S.* The Essence and Structure of the Economic and Social Spaces of the Region // Problems of Modern Economy. 2017. No. 4 (64). Pp. 135–137.
8. *Zubarevich N.V.* Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities of Regional Policy. The World of the New Economy. 2017. No. 11(2). Pp. 46–57.
9. *Kozlova S.V.* State-Corporate Segment of the Russian Economy: Management Problems. // Vestnik Instituta Ekonomiky Rossijskoj Akademii Nauk.. 2020. No. 6. Pp. 95–111.
10. *Krugman P.* Complex Landscapes In Economic Geography // American Economic Association. Documents and Materials. 1994. No. 84.

ABOUT OF AUTHOR

Batov Gumar Khasanovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate of the Department of Knowledge Economy and Advancing Regional Development of the State Budgetary Institution of Science – Institute of Informatics and Problems of Regional Management of Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS (RAS KBSC IIPRO), Nalchik, Russia.
gumarbatov@mail.ru

ANALYSIS OF THE ECONOMIC SPACE OF THE SUBJECTS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT AND PROSPECTS FOR THEIR DEVELOPMENT

The article analyzes the evolution of the economic space of seven subjects of the North-Caucasus federal district for 10 years. The problems associated with its functioning and qualitative changes have been identified. On the base of the system-forming identifiers the state and quality of the economic space of each subject was determined, the current state was estimated and compared with the base period, the integral indicator of each of them was calculated, and their ratings were determined. There were suggested measures to smooth the disharmony in the functioning of the economic space. The research results can be used in the subjects of different regions in developing measures to implement the Strategy.

Key words: *macroregion, spatial development, economic space, quality, index, integral indicator, North Caucasus Federal District.*

JEL: C43, O18, R12.

И.А. КВАШНИНА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития особых экономических зон (ОЭЗ) в свете изменений в мировой экономике, в том числе и под влиянием пандемии COVID-19. Отмечается, что в России действует сложная структура особых экономических зон с разными преференциальными режимами. Несмотря на то, что иностранные инвесторы играют существенную роль в отдельных проектах, способствуют росту производительности труда и выручки на территориях особых экономических зон, их общий вклад в привлечение ПИИ остается весьма скромным. Делается вывод, что ОЭЗ как в мировой, так и в российской экономике следует рассматривать в качестве важного, но дополнительного механизма притока инвестиций и повышения эффективности их использования.

Ключевые слова: особые экономические зоны, иностранные инвестиции, преференциальные режимы.

JEL: F21, F34.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_121_132.

Современные особенности развития ОЭЗ

Одним из инструментов привлечения иностранных инвестиций являются особые экономические зоны (ОЭЗ) – ограниченные (иногда условно) территории с собственными органами управления, предоставляющие своим резидентам финансовые льготы и преференциальный доступ к инфраструктуре для осуществления определенной производственной деятельности и оказания услуг.

Стремительный рост числа ОЭЗ во всем мире явился отражением усилий государств по борьбе за инвестиции. Согласно данным ЮНКТАД, их число за 5 лет увеличилось примерно на четверть и составило в 2018 г. 5383 (до развития пандемии COVID-19 прогнозировался дальнейший рост ОЭЗ и предполагалось, что их количество за ближайшие несколько лет приблизится к 6000) [1, р. 129]. Практически половина всех зон расположена в Китае. Вслед за ним идут

Филиппины, Индия, США (70% всех зон стран с развитой экономикой) и замыкает пятерку стран – лидеров по количеству созданных территорий со специальными режимами Российская Федерация [1, р. 138].

Заинтересованность государственных органов в создании ОЭЗ обусловлена тремя основными причинами. Во-первых, отпадает необходимость в одновременном развитии всей экономики и всех отраслей, что существенно для стран с большой и разнородной территорией. Во-вторых, определенный правовой и административный режим проще установить в пределах замкнутого пространства. В-третьих, проще информационное обеспечение. Легче донести до инвесторов (национальных и иностранных) сведения о наличии анклавов с особыми условиями ведения бизнеса [2, с. 301]. В свою очередь инвестора привлекает возможность снизить издержки за счет предоставляемых льгот, получить доступ к инфраструктуре и рынкам сбыта, потеснить потенциальных конкурентов.

Одной из главных задач, поставленных перед ОЭЗ, на которую указывают многочисленные аналитические материалы международных экономических организаций, нормативные документы и научные статьи, является привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Они, в свою очередь, призваны содействовать развитию технологий производства и управления в принимающей экономике, стимулировать и диверсифицировать экспорт в стране-получателе. Опыт многих развивающихся стран показывает, что ОЭЗ в целом позитивно влияют на приток ПИИ. В Китае на ОЭЗ приходится больше 80% накопленных инвестиций. Во Вьетнаме от 60 до 70% всех ПИИ размещены в ОЭЗ. В Малайзии 90% капитала ОЭЗ принадлежит иностранцам. В то же время есть государства (например, Колумбия), где резидентами особых экономических зон стали преимущественно национальные малые и средние предприятия [1, р.179–180]. Условия, которые существовали в конце прошлого столетия, например, в КНР, вряд ли могут быть воспроизведены в других странах. И сам Китай, и другие развивающиеся страны, и государства с переходной экономикой сталкиваются с проблемой несоответствия между ожиданиями от ОЭЗ и реальной экономической ситуацией. Зачастую имеет место дисбаланс между промышленно развитыми и ориентированными на экспорт ОЭЗ, с одной стороны, и отсталыми и направленными на внутренний рынок соседними районами – с другой.

Особые экономические зоны могут стимулировать приток инвестиций, создание рабочих мест и увеличение экспорта. При этом они не являются ни необходимым условием, ни гарантией увеличения поступлений ПИИ. Этот тезис подтверждается результатами опросов, опубликованными ЮНКТАД. Менее половины респондентов уверены, что ОЭЗ существенно увеличили ПИИ в их стране, а треть считает, что фор-

мирование свободных зон никак не отразилось на притоке инвестиций из-за рубежа. Часть опрошенных считает, что проекты могли бы быть реализованы и за пределами ОЭЗ. В качестве причин, препятствующих успешному приходу инвесторов, называются высокая конкуренция за инвестиции с соседними странами, недостаточно развитая инфраструктура и проблемы с местными поставщиками [1, р. 179, 191].

Помимо обостряющейся конкурентной борьбы в современных условиях развитие ОЭЗ сталкивается и с другими вызовами. Во-первых, новая промышленная революция с ее цифровыми технологиями меняет обрабатывающие отрасли и модели организации производства. Происходит торможение оборотов в рамках глобальных цепочек создания стоимости, сокращение длины таких цепочек, их децентрализация и в существенной степени дематериализация. Компании получают возможность продавать товары и услуги без наращивания зарубежных капиталовложений, а традиционные ОЭЗ в этих условиях становятся не столь привлекательными. Во-вторых, приоритет устойчивого развития все в большей степени влияет на принятие инвестиционных решений многонациональными корпорациями. В этих условиях смягчение экологических, социальных норм и мер контроля перестает быть долгосрочным конкурентным преимуществом для привлечения инвестиций в зоны. Наоборот, негативный имидж в плане использования природных ресурсов, нарушения трудовых прав и прав человека может привести к провалу проекта ОЭЗ [3, с. 98]. В-третьих, на конкурентоспособности особых экономических зон сказывается усиление протекционистских тенденций в отношении торговли и инвестиций, прежде всего со стороны развитых стран. Тарифные ограничения и ужесточение контроля за инвестициями заставляют промышленных инвесторов постоянно переоценивать стратегические возможности организации производства в той или иной стране или же менять планы развития в уже существующих ОЭЗ.

Перечисленные вызовы усугубляются экономическими последствиями продолжающейся пандемии COVID-19. Помимо мгновенного отрицательного воздействия на инвестиции кризис будет иметь продолжительные негативные последствия для капиталовложений. Падение спроса во время пандемии окажет существенное влияние на сокращение потока иностранных инвестиций, причем со значительным временным лагом восстановления их притока [4, с. 35–36].

В новых условиях многонациональные корпорации вынуждены выстраивать более упругие и прочные цепи поставок с безопасным доступом к критически важным продуктам и услугам. Такая политика, вероятнее всего, приведет к усилению национализации и регионализации производства жизненно необходимых товаров, ускорит наметившиеся ранее тенденции к ослаблению глобальных цепочек

создания стоимости, к уменьшению числа их звеньев. Изменение экономического ландшафта потребует корректировки программ развития ОЭЗ в сторону усиления регионального сотрудничества, создания устойчивой диверсифицированной и имеющей резервы базы поставщиков, предоставления услуг, в том числе инновационного характера, обеспечения квалифицированными кадрами и др.

ОЭЗ в России и иностранные инвестиции

В Российской Федерации, как и в мире, число ОЭЗ растет. Если, в начале 2019 г. их было больше 130 [1, р. 164], то к началу 2021 г., как следует из приведенного ниже перечня, число таких территорий уже почти достигло 160. В стране одновременно функционирует несколько типов зон, их деятельность регламентируется различными законами, а полномочия по управлению рассредоточены между разными ведомствами.

1. Особые экономические зоны, границы которых совпадают с границами региона, – Магаданская область¹ и Калининградская область², а также свободная экономическая зона в Крыму и Севастополе³.

2. ОЭЗ, созданные на основании Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», представляют собой территории от 4 до 50 квадратных километров в зависимости от назначения (в случае туристско-рекреационной деятельности ограничений по площади не налагается). К началу 2021 г., по данным Минэкономразвития, в РФ зарегистрировано 38 таких территорий⁴.

3. Инновационный центр Сколково⁵, на который распространяются преимущества ОЭЗ. Позже на участников проекта было нало-

¹ Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области».

² Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

⁴ Министерство экономического развития РФ. www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony (дата обращения: 20 марта 2021 г.).

⁵ Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково».

жено обязательство осуществлять не только исследовательскую деятельность в «Сколково», но и коммерциализацию ее результатов⁶

4. Свободный порт Владивосток (СПВ), который включает в себя 22 портовые зоны, размещенные в 5 разных районах⁷.

5. Территории опережающего развития (ТОР), созданные на основании Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ. 22 такие территории расположены на Дальнем Востоке и одна в Мурманской области (управляются Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики) Еще 92 ТОР созданы в моногородах и Закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) (находятся под управлением местных властей)⁸.

6. Специальные административные районы (САР) – две территории (в Калининградской области и Приморской крае) с гибким режимом налогового и валютного регулирования для компаний, принявших решение о переводе из иностранной юрисдикции в российскую⁹.

Общим для всех особых зон является наличие преференциальных режимов (льготы по налоговым и страховым платежам, ускоренная амортизация, возможность приобретение земельных участков по более низкой цене, льготы по коммунальным платежам и пр.). Принципиальное различие заключается в том, может ли этот режим распространяться на таможенные платежи. Для территорий опережающего развития (самой многочисленной группы) такие преференции не предусмотрены. В любом случае все типы особых территорий открыты как для российских, так и для иностранных компаний, отвечающих определенным требованиям.

Тематика особых экономических зон в РФ, их влияния на экономику страны и регионов широко представлена в научной литературе. В то же время, связь между развитием ОЭЗ разных типов и притоком иностранного капитала изучена мало¹⁰. Оценить роль, которую иностранные инвестиции (в том числе прямые) играют в деятельности

⁶ Федеральный закон от 02.08.2019 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток».

⁸ По данным Министерства экономического развития РФ на 19.02.2021. www.economy.gov.ru/material/news/sergey_galkin_prinyal_uchastie_v_zasedanii_rabochey_gruppy_po_tor_i_oez.html (дата обращения: 20 марта 2021 г.).

⁹ Деятельность САР регулируется специально принятым пакетом законов от 03.08.2018 г. № 290-ФЗ, № 291-ФЗ, № 292-ФЗ, № 293-ФЗ, № 294-ФЗ, № 295-ФЗ.

¹⁰ Одна из первых работ по этой теме была выполнена финским исследователем Liihto K. (2009) [5], отдельные аспекты проблемы затрагивались в работах А. Кузнецова и О. Кузнецовой (2019) [7], К. Калотай (2019) [2], Л. Козлова (2018) [8] и др.

ОЭЗ, сложно из-за отсутствия соответствующей статистики. В качестве косвенного показателя влияния ОЭЗ на экономику, к примеру, используется сопоставление численности зон и доли накопленных прямых инвестиций в ВВП. Согласно рейтингу ЮНКТАД, Россия, имея десятикратный перевес в количестве преференциальных территорий, значительно уступает другим странам с переходными экономиками по соотношению ПИИ/ВВП (см. табл. 1). В то же время у Китая, чей опыт использования ПИИ через специально созданные экономические зоны признан достаточно успешным, показатели еще хуже. В связи с этим напрашивается вывод об отсутствии корреляции между численностью действующих в стране ОЭЗ и долей накопленных ПИИ в ВВП [1, р.182–183], особенно когда речь идет о крупных странах, к числу которых относится Китай и Россия.

Таблица 1

Привлечение прямых иностранных инвестиций

Переходные экономики			Развивающиеся экономики		
Страна	ПИИ, % ВВП	ОЭЗ, количество	Страна	ПИИ, % ВВП	ОЭЗ, количество
Грузия	115	4	Сингапур	397	10
Казахстан	92	10	Мозамбик	301	2
Туркменистан	90	7	Монголия	162	3
Сербия	86	14	Ямайка	108	17
Азербайджан	73	6	Камбоджа	94	31
Российская Федерация	28	130	Китай	12	2543

Источник: составлено автором по: World Investment Report 2019 – Special Economic Zones. N.Y. and Geneva: UNCTAD, 2019. P. 182, 183.

В последние годы накоплены некоторые статистические данные в отношении российских ОЭЗ, образованных на основе Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации.»

Данный тип преференциальных зон был создан как один из масштабных федеральных проектов, направленных на развитие экономики регионов путем привлечения прямых российских и иностранных инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности [6, с. 23]. К числу таких видов деятельности относится промышленно-производственная, технико-внедренческая, туристско-рекреационная, а также портовая (включая складирование и хранение товаров, биржевую и оптовую торговлю, ремонт судов и др.).

Как видно из табл. 2, количество компаний – резидентов ОЭЗ неуклонно росло, в том числе и за счет иностранных инвесторов. Доля последних стабилизировалась на уровне 18–19%. При этом данные о накопленных инвестициях свидетельствуют о более весомом вкладе иностранных инвесторов, на них приходится больше половины совокупных частных капиталовложений (см. табл. 2). Как правило, иностранные компании создают в промышленно-производственных зонах крупные предприятия, ориентированные – на производство продукции для внутреннего российского рынка. Что касается ПИИ в технико-внедренческих зонах, то такие проекты есть, но они не типичны для РФ и в основном представлены несколькими крупными компаниями, также нацеленными на масштабный внутренний рынок [7, р. 126]. В туристических и портовых зонах значимых частных инвестиций не прослеживается.

Таблица 2

**Показатели деятельности иностранных компаний
в российских ОЭЗ (конец года, нарастающим итогом)**

	2012 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество компаний-резидентов	246	525	656	707	796
Количество иностранных компаний	38	95	125	131	146
Доля иностранных компаний (%)	15,5	18,1	19	18,5	18,3
Накопленные инвестиции (млрд руб.)	н.д.	220	291	369	448
Иностранные инвестиции (млрд руб.)	н.д.	138	175	191	244
Доля иностранных инвестиций (%)	н.д.	63	60	51,8	54,5

Источник: рассчитано авторами по: данные Ассоциации кластеров и технопарков России. www.akitrf.ru (дата обращения: 20.02.2021).

Увеличение числа ОЭЗ сопровождалось ростом (начиная с 2012 г.) их выручки, а также количества созданных рабочих мест. Производительность труда, за исключением кризисного 2015 г., была в анклавах выше, чем по экономике в целом. Более выигрышно, чем в целом по РФ, выглядит и география поступающих в ОЭЗ инвестиций [2, с. 305]. В рейтинге крупнейших стран-инвесторов (Нидерланды, Кипр, США, Германия, Турция, Швейцария, Япония, Бельгия, Дания, Италия) представлены преимущественно государства, осуществляющие реальные капиталовложения. Исключение составляет Кипр – льготная налоговая юрисдикция, через которую циркулирует российский капитал [7, р. 126].

Согласно оценкам Минэкономки и Ассоциации кластеров и технопарков (АКИТ), наиболее привлекательными для инвесторов (в 2020 г.) оказались старые промышленные зоны «Алабуга» (Татарстан) и «Липецк», а также ОЭЗ «Тольятти», после включения ее в границы городского округа, дающего преимущества ТОРа в моногородах. Среди технико-внедренческих зон традиционно лидирует по количеству инвесторов с иностранным капиталом ОЭЗ «Дубна», вслед за которой идут технополисы «Москва» и «Санкт-Петербург». На эти зоны приходится около 2/3 всех совокупных инвестиций. В этих же зонах размер средств, вложенных резидентами, как правило, превышал объем бюджетных инвестиций¹¹.

Неэффективность использования бюджетных средств – основная претензия к ОЭЗ со стороны Счетной палаты (СП). После критического доклада СП (2016 г.) были ликвидированы 8 неэффективно функционирующих ОЭЗ и введен временный (до 2018 г.) мораторий на создание новых экономических зон. Полномочия по управлению ОЭЗ были переданы от Минэкономразвития России органам исполнительной власти субъектов РФ, на региональный уровень перераспределяется и финансирование инфраструктурного развития вновь создаваемых зон. В планах правительства РФ – уменьшить количество типов ОЭЗ за счет объединения промышленно-производственных и технико-внедренческих зон, ввести более четкие критерии отбора инвестиционных проектов.

При создании ТОР предполагалось, что они составят конкуренцию ОЭЗ как институт привлечения иностранных инвестиций. Формально условия ведения бизнеса в ТОРах выгоднее, чем в ОЭЗ: нулевая ставка налога на прибыль, на землю и имущество в течение первых пяти лет; срок существования территории в полтора раза дольше и может быть продлен; более простая процедура создания и управления; льготы по социальному налогу и др. Но для многих региональных руководителей более предпочтительной формой оказались особые экономические зоны, о чем свидетельствует стремительный рост заявок на их создание после снятия моратория. Причина в том, что деятельность ТОР более регламентирована, а нормативно-правовая база на порядок больше, чем у ОЭЗ [9, с. 385].

Для потенциальных иностранных инвесторов дополнительным и существенным недостатком ТОРов является отсутствие таможенных преференций, а при осуществлении проектов на Дальнем Востоке ограничителями называются слаборазвитая транспортная и социальная инфраструктура и проблемы с привлечением рабочей силы. В отличие от ОЭЗ ТОРы учреждаются по результатам соглашения

¹¹ www.akitr.ru/oez/analiticheskie-materialy (дата обращения: 15.02.2021).

между конкретным крупным инвестором и уполномоченным органом власти и объективно в большей степени ориентированы на отечественные капиталовложения. Доля иностранного капитала в них существенно ниже, чем в ОЭЗ, и составляет, по разным оценкам, 20% [10].

Резидентом (САР) на острове Русский в Приморском крае или на острове Октябрьский в Калининградской области может стать исключительно иностранная компания. В зависимости от типа международной компании резидентам предоставляются различные налоговые льготы и приоритет международного права до 2029 г. Специальные районы, которые называют «российскими офшорами», были созданы в 2018 г. в ответ на санкции со стороны иностранных государств. В них могут регистрироваться как компании, в отношении которых были введены «меры ограничительного характера», так и те, кто не пострадал от санкций и собирается воспользоваться налоговой оптимизацией. Условием переезда в САР является инвестирование как минимум 50 млн руб. в течение 6 месяцев. В начале 2021 г. насчитывалось 40 резидентов на острове Октябрьский (по данным Корпорации развития Калининградской области они инвестировали 50,2 млрд руб. [11]) и 2 – на острове Русский.

Следует отметить, что из всех типов особых территорий максимальное количество накопленных иностранных капиталовложений сосредоточено в ОЭЗ и составляет 3,4 млрд долл. (ноябрь 2020 г.) [6, с. 19]. Около 1,4 млрд долл., было вложено к концу 2019 г. в ТОРы и свободный порт Владивосток [10], еще 0,5 млрд долл. прямых иностранных инвестиций накоплено в Калининградской области (объем ПИИ в Магаданской области и Крыму с Севастополем статистически крайне мал) [12]. В итоге, примерный совокупный объем накопленных ПИИ в российских преференциальных территориях составляет 5,3 млрд долл., или чуть больше 9% от всех вложенных в РФ зарубежных прямых инвестиций [12]. Этот показатель возрастает до 16%, если из суммарного объема ПИИ в российской экономике вычесть инвестиции в добывающую промышленность и финансовый сектор. На данные виды деятельности не распространяется законодательство о преференциальных территориях.

Таким образом, несмотря на то что иностранные инвесторы играют существенную роль в отдельных проектах на территориях особых экономических зон, их общий вклад в привлечение ПИИ остается весьма скромным. Отчасти такая ситуация объясняется тем, что исторически для иностранного капитала в России более привлекательным был добывающий сектор экономики, в то время как особые зоны создавались с расчетом на развитие производств с высокой добавленной стоимостью. Существует также мнение, что официальная статистика не дает полной картины иностранных инвестиций в РФ и их реальный

объем выше [13, с. 14]. Многие типы преференциальных режимов действуют всего несколько лет (ТОР, Свободный порт Владивосток, САР), и давать им оценку с точки зрения их инвестиционной привлекательности пока преждевременно.

Несмотря на предпринятые меры по усовершенствованию режима всех типов особых зон, система поддержки инвестора остается крайне сложной и запутанной. Достаточно отметить, что льготы различаются не только по перечисленным выше типам зон, но и внутри групп. Каждая из 38 ОЭЗ имеет свой индивидуальный набор преференций, а на территории Калининградской области действует одновременно режим особой зоны, свободной таможенной зоны, ТОР в моногороде Янтарный и САР на острове Октябрьский. В свою очередь сами особые зоны в широком смысле – это один из многих преференциальных режимов. Складывается парадоксальная ситуация, когда, по признанию заместителя главы Минэкономки В. Живулина, начинают конкурировать не резиденты между собой за возможность оказаться на той или иной площадке и работать в том или ином регионе, районе, территории, а сами режимы, что приводит к тому, что имеющиеся льготы становятся еще более обширными [14].

В целом особые экономические зоны как в мировой, так и в российской экономике следует рассматривать в качестве важного, но дополнительного инструмента притока инвестиций и повышения эффективности их использования. В изменяющейся глобальной экономике они должны обладать достаточной гибкостью и потенциалом инновационного развития. Проблема России заключается в том, что на фоне низких темпов роста экономики, неблагоприятного инвестиционного климата и повышенных геополитических рисков привлекать как российский, так и иностранный капитал в экономику в целом становится все сложнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Investment Report 2019 – Special Economic Zones. N.Y. and Geneva: UNCTAD, 2019.
2. Калотай К. Особые экономические зоны и стимулирование инвестиций: международный опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 218. 2019. № 4. С. 297–306.
3. Кравченко Ю.Б. Особые экономические зоны в развитии мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 1. С. 93–103.
4. Головин М.Ю., Никитина С.А. Сценарии развития мировой экономики в краткой и среднесрочной перспективе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 30–40.
5. Liuhito K. Special economic zones in Russia – What do the zones offer for foreign firms? // Electronic Publications of Pan-European Institute, 2009. №2.

6. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России, 2020. Вып. 4 // Ассоциация развития кластеров и технопарков России. М.: АКИТ РФ, 2020.
7. Kuznetsov A. and Kuznetsova O. Russian SEZs: from failed projects to successful industrial sites // Transional Corporations. 2019. Vol. 26. P. 117–140.
8. Козлов Л. Влияние международной политики на привлечение иностранных инвестиций в ОЭЗ // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 16–30.
9. Виленский А.В. Особые экономические зоны России: разворот к регионам // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. Вып. 8А. С. 381–387.
10. Едовина Т. ТОП подтянули инвесторов. www.kommersant.ru/doc/4096470 (дата обращения: 17.01.2021).
11. Корпорация развития Калининградской области. www.kgd-rdc.ru (дата обращения: 14.03.2021).
12. Банк России. Статистика внешнего сектора. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 25.02.2021).
13. Оптимизация инвестиционных связей современной России / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
14. Восточный экономический форум. forumvostok.ru/outcomes-of-the-eef-2019 (дата обращения: 11.03.2021).

REFERENCES

1. World Investment Report 2019 – Special Economic Zones. N.Y. and Geneva: UNCTAD, 2019.
2. Kalotay K. Special Economic Zones and Investment Promotion: International Experience // Nauchnyje Trudy Voljnogo Ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Vol. 218. 2019. No. 4. Pp. 297–306. (In Russ.).
3. Kravchenko Y. Special Economic Zones in the World Economy Development // Rossijskij Vneshneekonomicheskij Vestnik. 2020. No. 1. P. 93–103. (In Russ.).
4. Golovnin M., Nikitina S. Scenarios for the Development of the Global Economy in the Short and Medium Term // Vestnik Instituta Ekonomiky Rossijskoj Akademii Nauk. 2020. No. 6. Pp. 30–40. (In Russ.).
5. Liuhto, K. Special Economic Zones in Russia –What do the Zones Offer for Foreign Firms?//Electronic Publications of Pan-European Institute. 2009. No. 2.
6. Business Navigator for Special Economic Zones of Russia. 2010. Issue 4 // Association for the Development of Clusters and Technoparks of Russia. М.: AKIT RF, 2020. (In Russ.).
7. Kuznetsov A. and Kuznetsova O. Russian SEZs: from Failed Projects to Successful Industrial Sites //Transional Corporations. Volume 26. 2019. Pp. 117–140.
8. Kozlov L. Impact of International Politics on Attracting Foreign Investment in the SEZ // Rossija I ATR. 2018. No 3 (101). Pp. 16–30. (In Russ.).
9. Vilensky A. Special Economic Zones of Russia: a Turn towards the Regions //Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2020. Vol. 10, Is. 8A. Pp. 381–387. (In Russ.).
10. Jedovina T. TOP Pulled up Investors. www.kommersant.ru/doc/4096470 (accessed: 17.01.2021). (In Russ.).
11. Corporation for the Development of the Kaliningrad Region. www.kgd-rtc.ru (accessed: 14.03.2021). (In Russ.).
12. Bank of Russia. External Sector Statistics. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (accessed: 25.02.2021). (In Russ.).

13. Optimization of Investment Ties in Modern Russia / Ed. by A.V. Kuznetsov. M.: IMEMO RAS, 2016. P. 120. (In Russ.).
14. Eastern Economic Forum. forumvostok.ru/outcomes-of-the-eef-2019 (accessed: 11.03.2021). (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Kvashnina Irina Anatolyevna – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irina.kvashnina@gmail.com

SPECIAL ECONOMIC ZONES AS A TOOL TO ATTRACT FOREIGN INVESTMENTS

The article examines the problems and prospects for the development of special economic zones as a tool for attracting foreign investments in the light of changes in the global economy, including the influence of the COVID-19 pandemic. It is noted that a complex system of a large number of special economic zones with different preferential regimes has developed in Russia. Despite the fact that foreign investors play a significant role in some projects in the territories of special economic zones, their overall contribution to attracting FDI remains very modest. It is concluded that both in the world and in the Russian economy SEZs should be considered as an important, but additional mechanism for investments inflow and increasing their efficiency.

Keywords: *special economic zones, foreign investments, preferential regimes.*

JEL: F21, F34.

Е.Н. КОРЕПАНОВ

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научно-технический потенциал определяется в статье как совокупность ресурсов, используемых при выполнении научных исследований и разработок и осуществлении технических инноваций. Основное внимание уделено его финансовой составляющей. Установлено, что при существующих объемах чистой прибыли даже ведущие отрасли промышленности в большинстве своем не располагают ресурсами для увеличения расходов на научно-техническое развитие, хотя в целом промышленность (а тем более экономика) имеет финансовые средства в избытке. Обосновывается необходимость выравнивания уровней рентабельности продукции по отраслям промышленности. Показаны последствия недофинансирования науки на примере организационной, кадровой и материально-технической составляющих научного потенциала.

Ключевые слова: научно-технический потенциал, научные исследования и разработки, технологические инновации, промышленность, машиностроение, рентабельность, чистая прибыль.

JEL: O30, O31, O32, O33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_133_145.

Следуя «ресурсному» подходу, используемому ЮНЕСКО в конце 1960-х годов при определении научного потенциала, мы понимаем под научно-техническим потенциалом (НТПл) совокупность ресурсов, которыми располагает общество для выполнения научных исследований и разработок (ИР) и осуществления инновационной деятельности. В эту совокупность входят: научные организации, их персонал; организации инфраструктуры науки; научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения предприятий, их персонал; финансовые ресурсы; материально-техническая база; накопленные научно-технические знания. Каждый из этих элементов обладает специфическими характеристиками воспроизводства и потому заслуживает особого рассмотрения. В предлагаемой статье автор ограничился анализом финансовых ресурсов, которые были вложены в развитие научно-технического потенциала, оценкой влияния их дина-

мики на воспроизводство организационной, кадровой и материально-технической составляющих НТПЛ в Российской Федерации в период 2010–2019 гг. При этом основное внимание уделено ИР и техническим инновациям (ТИ), направленным на развитие промышленности.

Введение

Прежде чем приступать к анализу процессов воспроизводства НТПЛ, следует определить, приложимо ли к науке и инновациям традиционное деление воспроизводства на простое, расширенное и суженное.

В познавательном плане функцией науки является снятие неопределенности в наших представлениях о природе и обществе с последующим ее восстановлением на новом уровне. Такова сущность познания: чем больше мы познаем, тем шире горизонты непознанного. Этим и определяются имманентные свойства научной деятельности: неповторяемость работ, неопределенность длительности их выполнения, расходуемых ресурсов и результатов. По мере движения от фундаментальных исследований к разработкам неопределенность работ, затрат и результатов снижается, но не исчезает, поскольку повторно добытые знания и научно-технические решения не получают общественного признания. Имеющее место дублирование работ носит вынужденный характер, определяемый теми или иными ограничениями свободного доступа к результатам ИР. Для тех же организаций, которые выполняют эти дублирующие ИР, последние не являются повторением пройденного.

Каждый новый этап научных исследований, особенно при переходе к новому уровню структурной организации материи, в силу изложенного, требует использования более качественных ресурсов – более квалифицированных кадров, более мощных и совершенных технических средств, больших массивов информации и, как следствие, больших затрат.

Потребность в обновлении ресурсов ИР может нарастать постепенно (при проведении исследований на неизменном уровне структурной организации материи) или скачкообразно, при переходе к новому, более сложному уровню. Такие переходы требуют и организационных преобразований – создания междисциплинарных научных центров, комплексов «большой науки» (мегасайенс), временных проблемных коллективов и т. п.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что понятие «простое воспроизводство» неприменимо к НТПЛ. Ему свойственно расширенное воспроизводство интенсивного типа.

Эти внутринаучные императивы усиливаются жесткими условиями конкуренции на международном и внутреннем рынках, в свою

очередь требующими наращивания объемов ИР и все более полного и ускоренного освоения результатов ИР в производстве и, следовательно, относительного увеличения затрат на ТИ по сравнению с расходами на ИР. Но, с другой стороны, эти требования наталкиваются на ограниченность ресурсов, которыми располагает экономика страны и/или отдельные виды деятельности.

В российских условиях развитие НТПл сопряжено с дополнительными трудностями, прежде всего с непреодоленными последствиями кризиса 1990-х годов и с непрерывными преобразованиями отношений собственности, организационно-правовых форм, оплаты труда в науке и т. п. При этом составляющие НТПл изменяются не одновременно и порой разнонаправленно. Так, объемы финансирования ИР в постоянных ценах начали возрастать с 1996 г., техновооруженность исследователей – с 2003 г., а численность персонала, занятого ИР, сокращается до сих пор. Отечественная наука как особая сфера деятельности, в т. ч. ее форма и содержание, не обрела еще той определенности, которая позволяла бы в полной мере использовать понятие «воспроизводство» при ее характеристике. В дальнейшем, с учетом сказанного, мы будем использовать данное понятие условно.

Финансирование воспроизводства НТПл

Интегральными показателями величины ресурсов, используемых для развития НТПл, являются внутренние затраты на ИР и расходы на ТИ. По уровню затрат на ИР периодизация воспроизводственных процессов в науке может быть представлена в такой последовательности:

- 1991–1995 гг. – «суженное» воспроизводство, сокращение затрат на ИР (в постоянных ценах) в 4,4 раза, средняя доля этих расходов в ВВП – 0,93%;
- 1996–1999 гг. – «расширенное» воспроизводство, прирост затрат на ИР 33%, доля их в ВВП – 0,98%;
- 2000–2009 гг. – ускорение темпов «расширенного» воспроизводства, прирост затрат на ИР 77%, их доля в ВВП – 1,145%;
- 2010–2019 гг. – воспроизводство, близкое к «простому», прирост затрат на ИР 13,4%, их доля в ВВП – 1,06%.

В итоге внутренние затраты на ИР в постоянных ценах в 2019 г. были в 1,64 раза меньше, чем в 1990-м году. Таков внешний результат экономических реформ и научной политики по сокращению научного потенциала в соответствии с рекомендациями ОЭСР.

Данные за последние 20 лет позволяют также судить о приоритетах в распределении затрат на ИР по социально-экономическим целям (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение внутренних затрат на ИР
по социально-экономическим целям, %**

	2000 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2017 г.	2019 г.
Внутренние затраты на ИР, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленное производство, всего	31,2	27,7	32,5	30,4	33,4	31,8
Машиностроение	14,1	13,6	18,0	15,5	18,1	16,8
В том числе: Производство машин и оборудования, не включенных в другие группы	4,0	2,6	1,9	2,5	3,4	3,2
Общее развитие науки	30,1	19,9	17,4	16,1	13,7	17,2

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2007.; 2012.; 2016.; 2019.; 2021: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2007, 2012., 2016., 2019., 2021.

В табл. 1 обозначены две тенденции, негативно повлиявшие на развитие промышленности и науки, – более чем двукратное снижение доли в затратах на ИР в производстве машин и оборудования, не включенных в другие группы, за 2000–2013 гг., а также расходов на общее развитие науки за 2000–2017 гг. Указанная группа машин и оборудования, согласно ЛКСЭЦ¹, охватывает основные отрасли (назовем их традиционными) инвестиционного машиностроения, а также металлообработку и производство бытовой техники. Видимо, такое объединение отраслей машиностроения, находящихся в глубоком кризисе, позволяет придать их совокупности хоть какой-то вес, поскольку объемы производства машин и оборудования здесь за 2000–2019 гг. не только не выросли, но сократились на 3%.

К затратам на общее развитие науки, согласно ЛКСЭЦ, относятся расходы на ИР общей ориентации, способствующие развитию науки в целом – как в естествознании, так и в общественных и гуманитарных сферах. Сюда же включаются исследования в области экономики, политики и управления самой наукой. Такого рода исследования выполняются в основном в государственном секторе науки. Очевидно, уменьшение их доли в расходах на ИР ограничивает возможности теоретических исследований.

Затраты на ТИ непосредственно отражают уровень спроса на результаты ИР. В 2010–2019 гг. затраты на ТИ в целом росли быстрее, чем расходы на ИР, но одновременно шло их перераспределение между видами экономической деятельности.

¹ Локальный классификатор социально-экономических целей. См.: Приложение № 3 к форме федерального статистического наблюдения № 2 – наука.

Таблица 2

Распределение затрат на ТИ по видам экономической деятельности, %

	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2019 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленное производство	87,3	64,0	62,9	60,5	60,2	50,4
добыча полезных ископаемых	13,4	9,6	10,2	10,6	10,7	7,9
производство машин и оборудования, не включенных в другие группы	2,6	1,6	1,5	1,4	1,1	1,1
Сфера услуг	12,7	36,0	37,1	38,3	38,3	46,5
Сфера ИР	—	15,9	32,0	32,4	34,1	26,4

Источник: составлено автором по: Индикаторы инновационной деятельности: 2012.; 2016.; 2018.; 2021: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2012, 2016, 2018, 2021.

Данные табл. 2 также отражают две тенденции. Во-первых, снижение в 2,5 раза доли ТИ в производстве машин и оборудования, не включенных в другие группы. Во-вторых, рост доли сферы услуг – в основном благодаря увеличению удельного веса сферы ИР. Занятие последней все более прочных позиций в области ТИ является одним из парадоксов нашей экономики. Осуществление ТИ предполагает наличие, во-первых, развитой опытно-экспериментальной базы, во-вторых – резервных мощностей для масштабного внедрения новшеств. Если первое условие в научных учреждениях в какой-то мере выполняется, то второе – едва ли. В силу этого реализации ТИ в сфере ИР ограничиваются изготовлением макетов, опытных образцов и – в лучшем случае – малых серий новой техники.

Смещение инновационной активности в сферу услуг привело к снижению доли промышленного производства в ТИ. В силу этого при опережающем росте затрат на ТИ по отношению к расходам на ИР их соотношение в целом в экономике росло высокими темпами, но в промышленности оставалось практически неизменным (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение затрат на ТИ и расходов на ИР, раз

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.
Всего	0,77	1,20	1,29	1,48	1,32	1,43	1,72
Промышленность*	2,4	2,7	2,5	3,1	2,7	2,6	2,7

* указано соотношение затрат на ТИ в промышленности и расходов на ИР, направленных на развитие промышленности как одной из социально-экономических целей.

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2021: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2021; Индикаторы инновационной деятельности: 2021: стат.сб. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Последнее обстоятельство говорит о несущественном повышении уровня новизны внедренных технологий и о слабом росте масштабов коммерциализации результатов технических наук. В основе этих явлений лежит в конце концов низкий спрос на инновации со стороны промышленных предприятий. Далее мы попытаемся показать причины, определившие эту ситуацию.

Источники финансовых средств

Источники финансирования расходов на ИР и ТИ, указываемые в статистических изданиях, говорят о том, откуда поступают эти средства (бюджеты, собственные средства организаций, кредиты...), но не об их происхождении. Между тем воспроизводство НТПа обеспечивается за счет доходов от коммерциализации результатов ИР. Однако статистика, в отличие от дореформенных лет, таких данных не содержит. Проведенные же ранее расчеты не обнаружили положительной корреляции между затратами на ИР и показателями роста экономики. Более того, данные Федеральной службы мониторинга научных организаций свидетельствуют о падении доходности результатов интеллектуальной деятельности, полученных в основном в организациях государственного сектора науки и госкорпорациях. В расчете на одну разработку доходность снизилась за 2015–2018 гг. в целом в 4,3 раза, в том числе в Центральном федеральном округе – в 8,3 раза [1, с. 245; 2, с. 37]. По предпринимательскому сектору науки данных нет. Тем не менее ряд показателей свидетельствует о существенных эффектах ТИ: это и заметный рост производительности труда в промышленности и снижение энерго- и материалоемкости продукции в некоторых отраслях, и увеличение глубины переработки нефтяного сырья (за 2010–2019 гг. с 71,2 до 82,8%). Но остался открытым вопрос: эти результаты получены посредством коммерциализации отечественных ИР или благодаря закупке технологий и оборудования за рубежом? Импорт машин и оборудования сохраняется в последние годы на уровне 112 млрд долл. и в пересчете по курсу доллара составляет более 80% от их внутреннего производства. Отечественные традиционные отрасли инвестиционного машиностроения стагнируют, блокируя тем самым реализацию программ импортозамещения.

Не углубляясь более в анализ причин этой ситуации, попытаемся определить возможности, которыми располагает промышленность и ее ведущие отрасли для финансирования ИР и ТИ. Если судить по заявлению министра финансов А. Силуанова, эти возможности не ограничены: в 2019 г. предприятия имели на счетах около 30 трлн руб.² Но

² См.: Эксперт, 21–29 октября 2019. № 43 (1139). С. 15.

если обратиться к данным о доходах и затратах на ИР и ТИ отраслей промышленности, картина будет менее радужной. В нашем распоряжении данные о рентабельности продукции, норме чистой прибыли и расходах на ИР и ТИ в 11 отраслевых комплексах и ведущих отраслях. Наиболее полные из них относятся к 2017 г. (см. табл. 4). Мы полагаем, что по соотношению затрат на ИР и ТИ и чистой прибыли можно судить о возможности интенсификации инновационной деятельности в той или иной отрасли, а по структуре источников финансирования расходов на ТИ – об уровне финансовой самостоятельности отраслей. Конечно, корректнее было бы сопоставлять затраты с объемами фондов развития, образуемых из части чистой прибыли, но таких данных нет.

Таблица 4

Рентабельность продукции, чистая прибыль, соотношение затрат на ИР и ТИ и чистой прибыли, 2017 г., %

Вид деятельности	Рентабельность продукции	Норма чистой прибыли	Отношение затрат на ИР* и ТИ к чистой прибыли
1. Добыча полезных ископаемых	24,6	3,6	38,9
2. Производство кокса и нефтепродуктов	8,0	1,7	94,1
3. Производство химических веществ и химических продуктов	19,0	2,3	89,6
4. Производство лекарств и материалов, применяемых в медицинских целях	25,0	3,3	61,4
5. Производство металлургическое	20,8	1,4	83,0
6. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	10,7	1,8	286,4
7. Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	15,0	4,4	164,0
8. Производство электрического оборудования	7,9	2,2	60,2
9. Производство машин и оборудования, не включенных в другие группы	7,6	2,1	64,0
10. Производство автотранспортных средств и оборудования	2,6	1,7	92,6
11. Производство прочих транспортных средств и оборудования	11,6	2,4	171,8

* имеются в виду затраты на ИР в организациях промышленного производства
 Источники: составлено автором по: Статистика науки и образования. Вып. 6. Затраты и источники финансирования научных исследований и разработок. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018; Финансовые показатели отраслей Российской Федерации: полный справочник. www.testfirm.ru/otrasli.

Прежде всего отметим, что жесткая налоговая система выравнивает нормы чистой прибыли отдельных отраслей: если показатели рентабельности продукции разнятся многократно, то нормы чистой прибыли укладываются в диапазон 1,4–4,4%. Если же объединить в две группы высокорентабельные отрасли и машиностроение и металлообработку, то результаты будут еще показательней (см. табл. 5).

Таблица 5

**Рентабельность продукции и норма чистой прибыли
по группам отраслей, %**

	Средневзвешенная рентабельность продукции	Средневзвешенная норма чистой прибыли
Добыча полезных ископаемых, производство металлургического, лекарств, химических веществ	23,2	3,0
Машиностроение и металлообработка	5,5	2,4

Источники: составлено автором по: Стат. сб. Промышленное производство в России. 2019. М.: Росстат, 2019; Финансовые показатели отраслей Российской Федерации: полный справочник. www.testfirm.ru/otrasli.

Сопоставление затрат на ИР и ТИ в каждой отрасли с объемом чистой прибыли показывает, что лишь в добывающей промышленности такие затраты в 2017 г. составили приемлемую долю чистой прибыли (38,9%), а наименьшую – в добыче нефти и газа (25,1%). В трех отраслях этот показатель был около 60%, в четырех около 90%, а еще в трех превышал чистую прибыль. В 2018 г. ситуация была еще напряженней: в пяти отраслях только затраты на ТИ уже превосходили чистую прибыль. Дефицит средств восполнялся за счет бюджета, кредитов и др. К помощи бюджета прибегли прежде всего предприятия, производящие готовые металлические изделия, видимо, потому, что они изготавливают оружие. Доля госбюджетных средств здесь доходила до 55%. Кредиты использовались главным образом нефтеперерабатывающими предприятиями в силу их наибольшей обремененности ТИ, сопряженными с модернизацией нефтеперегонных заводов.

Таким образом, не считая накопленных 30 трлн руб., реально крупными доходами, которые можно дополнительно использовать для научно-технического развития, располагает только нефте- и газодобывающая промышленность. Остальные высокорентабельные отрасли получают такую возможность при ослаблении налогового пресса.

Прочие же производства не смогут обрести ресурсы без резкого увеличения рентабельности продукции, что предполагает, во-первых, перераспределение прибыли в их пользу, а во-вторых, чрезвычайные меры по их развитию или даже по их возрождению, как этого требует, например, отечественное станкостроение.

Воспроизводство отдельных элементов НТПл

Международные сопоставления говорят о большом отставании российской науки как по объемам финансирования, так и по темпам их роста. Особенно велики различия с КНР. Если в России в 2010–2019 гг. расходы на ИР (по ППС) выросли на 25%, то в КНР в 2,2 раза. Уровень этих затрат в КНР в 2018 г. был в 11,3 раза больше, чем в РФ. Недофинансирование науки можно оценивать по-разному. С точки зрения общих расходов оно, на первый взгляд, очевидно, а с точки зрения удельных затрат – нет, поскольку, например, расходы на одного занятого в ИР уже в 2007 г. превысили дореформенный уровень и продолжают увеличиваться в силу роста общих затрат на ИР и сокращения численности занятых в науке. Высокими темпами растет техновооруженность исследователей (см. табл. 6). С другой стороны, все эти положительные изменения не означают, что в реальности имеет место хотя бы простое воспроизводство организационной, кадровой и материально-технической составляющих НТПл.

Таблица 6

Обеспеченность ИР ресурсами (в ценах 2010 г.), тыс. руб.

	2010 г.	2014 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2010 гг., %
Внутренние затраты на ИР, млрд руб.	523,4	593,2	558,2	593,5	113,4
Внутренние затраты на ИР в расчете на одного занятого ИР	710,6	804,3	818,0	869,6	122,4
Среднемесячная заработная плата	25,0	27,6	28,9	29,8	119,0
Техновооруженность в расчете на одного исследователя	813,6	1062,0	1593,;	1753,7	215,5

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2021: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Повсюду мы обнаруживаем, в той или иной мере, признаки суженного воспроизводства, проявляющегося по-разному в каждой из составляющих. В организационной структуре науки наряду с падением спроса на результаты ИР и соответствующего снижения затрат

на ИР определяющее влияние оказывает преобразование отношений собственности и организационно-правовых форм научных учреждений. Эти изменения в пределах типов организаций носят различный характер. Если количество научно-исследовательских организаций сократилось за 1990–2019 гг. незначительно (на 8,9%), то число конструкторских, проектно-конструкторских и технологических организаций уменьшилось в 3,7 раза, а проектных и проектно-изыскательских – в 54,5 раза³. Напротив, количество вузов, выполняющих ИР, устойчиво увеличивалось, а в 2015 г. скачкообразно выросло с 702 до 1 040 единиц. Благодаря этому общее число организаций, проводящих ИР, сократилось незначительно (на 12%) при снижении численности их персонала в 2,84 раза.

Реформы в науке продолжаются, процессы разукрупнения сменились на обратные, создаются междисциплинарные центры, научно-образовательные центры, идет бюрократизация управления, ведомственное переподчинение организаций... В совокупности все упомянутые преобразования создают атмосферу неустойчивости, неопределенности, социальной напряженности, особенно ощутимых в предпринимательском секторе науки. За 2010–2018 гг. его персонал сократился на 18%, тогда как в других секторах, поддерживаемых государством, он вырос. Тем не менее реформа по оплате труда в науке, инициированная Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597, была направлена в соответствии с «дорожной картой»⁴ на повышение зарплаты научных сотрудников государственных организаций науки к 2018 г. до 200% от средней по региону. Указана даже численность этих работников (100 тыс. человек). По данным ВШЭ⁵, большинство субъектов РФ достигли искомого результата. Казалось бы, он должен заметно сказаться на общем уровне оплаты труда в науке, однако этого не произошло. Соотношение среднемесячной заработной платы персонала, занятого ИР, и заработной платы в экономике в целом практически не изменилось (см. табл. 7).

Можно только гадать, какие поступления средств неправомерно причислили к фондам оплаты труда (гранты, субсидии?), чтобы благополучно отчитаться о выполнении указа. Статистика же упрямо говорит о его невыполнении. Будем надеяться, что национальный проект «Наука» ждет другая судьба.

³ Напомним, что речь идет об организациях, выполняющих ИР. За пределами науки только проектных институтов насчитывается более 400.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 г. №722-р.

⁵ Информационный бюллетень №116. Среднемесячная начисленная заработная плата научных сотрудников: январь–сентябрь 2018 г. М.: НИУ ВШЭ, 16.01.2019.

Таблица 7

**Среднемесячная заработная плата персонала, занятого ИР,
в действующих ценах, тыс. руб.**

	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Средняя заработная плата, тыс. руб.	25,04	39,55	43,54	48,83	53,27	57,01
В процентах к заработной плате в экономике в целом	118,5	121,7	118,6	124,7	121,8	119,1

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2021: стат. сб.М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Что касается так называемой «заводской науки», призванной реализовать ТИ, то здесь ситуация иная. Растет число научно-исследовательских и проектно-конструкторских подразделений и численность их сотрудников. Их количество за 2010–2019 гг. увеличилось в равной мере (на 31%). Примечательно, что на долю традиционных инвестиционных отраслей приходится около 12% численности подразделений и научно-технического персонала. Видимо, предприятия этих отраслей стремятся собственными силами поддерживать еще и технический уровень производства.

Одной из главных причин внутренней и внешней эмиграции научных сотрудников является низкая техническая оснащенность организаций. Капитальные затраты на оборудование составляют около 4% от общих расходов на ИР и в последнее десятилетие практически не увеличивались (в постоянных ценах), как и затраты на спецоборудование, приобретаемое за счет текущих расходов на ИР. В результате, несмотря на рост техновооруженности исследователей, не обеспечивается даже простое воспроизводство технической базы науки. Ухудшается возрастная ее структура, в том числе и в центрах коллективного пользования оборудованием, где средний возраст приборов в 2019 г. достиг 9,8 года [3, с. 416] при нормативном сроке службы 5–7 лет. Коэффициент обновления научного оборудования в 2018 г. в среднем составил 6,3% при норме 15–20%.

Заключение

Анализ показал, что существующий уровень затрат на ИР и ТИ не обеспечивает даже простого воспроизводства основных составляющих НТПд, кроме научно-исследовательских и проектно-конструкторских подразделений промышленных предприятий. При этом затраты на ТИ все более перераспределяются в пользу сферы услуг, тогда как отрасли промышленности, кроме добывающих производств, не располагают финансовыми возможностями для форсирования разви-

тия НТПл. Эти последствия преждевременной деиндустриализации привели, в частности, к деградации традиционных инвестиционных отраслей машиностроения. Объемы их производства не растут, а доля в затратах на ТИ снизилась до ничтожно малой. Тем самым блокируются процессы импортозамещения. Контроль монополий над внутренними рынками как продавца, так и покупателя разрушил механизм выравнивания отраслевых норм прибыли, хотя еще в 1995 г. он действовал – рентабельность продукции машиностроения, топливной промышленности, черной металлургии, химических производств и др. укладывалась в диапазон 20–22% и была близка к средней по промышленности. Без возрождения этого механизма маловероятно и возрождение отечественного машиностроения.

В целом недофинансирование науки будет преодолено в случае доведения затрат на ИР до уровня развитых стран. Общество уже сегодня располагает необходимыми финансовыми ресурсами в виде накоплений на счетах предприятий и населения, средств пенсионных фондов и институтов развития и др. Создание соответствующих благоприятных условий для предпринимателей само по себе не обеспечит прорыва в научно-техническом развитии. Нужна еще и политическая воля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришакина Е.Г., Илиева С.Ю., Комаров Н.М., Вершинин И.В. Мониторинг результативности научной деятельности организаций, выполняющих исследования и разработки, на основе данных ФСМНО – БД РД НО // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. Вып. 2. С. 223–250.
2. Ильина И.Е., Броницкий Т.Л., Гришакина Е.Г. и др. Результативность научной деятельности организаций, выполняющих исследования и разработки (на основе данных ФСМНО – БД РД НО). М.: MGPrint, 2019.
3. Калужный К.А. Ресурсный потенциал и результативность использования центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок в 2019 году: результаты мониторинга // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. Вып. 3. С. 410–440.
4. Проблемы «запуска» инновационной модели развития в Российской Федерации. М.: ИЭ РАН, 2010.

REFERENCES

1. Grishakina E.G., Ilieva S.Y., Komarov, N.M., Vershinin V.I. Monitoring of the effectiveness of research activities of organizations performing research and development, based on data FSME – BD RD BUT Management science and scientometrics. 2020. Vol 15. Iss. 2. Pp. 223–250. (In Russ.).
2. Ilyina I.E., Bronnitskiy T.L., Grishakina E.G., and others. The effectiveness of the scientific activities of organizations that perform research and development (based on the data of the FSMNO-DB RD NO). M.: MG Print. 2019. (In Russ.).

3. *Kalyuzhny K.A.* Resource potential and the effectiveness of centers for collective use of scientific equipment and unique scientific installations in 2019: the results of the monitoring / Management science and scientometrics. 2020. Vol 15. Iss. 3. P. 410–440. (In Russ.).
4. The starting problems of an innovative development model in Russian Federation. M.: Institute of Economics of RAS, 2010. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Korepanov Evgeny Nikolaevich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
e.n.korepanov@mail.ru

REPRODUCTION OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article defines a scientific and technical potential and focuses on its financial component. It reveals that with the existing volumes of net profit, even leading industries face a shortage of resources for scientific and technological development, despite both industry as a whole, and especially the whole economy, has the excess resources. Article also justifies the necessity of equalizing the levels of profitability among industries. It shows the consequences of underfunding the science.

Keywords: *scientific and technical potential, research and development, technological innovations, industry, machine building industry, profitability, net profit.*

JEL: O30, O31, O32, O33.

М.Н. ФЕДОРОВА

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ВОЛОНТЕРСТВО КАК НЕРЫНОЧНАЯ ФОРМА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье рассматривается роль волонтерства как нерыночной формы функционирования и развития человеческого потенциала, сферы самореализации человека как субъекта общества. Исследуется процесс формирования системы институтов взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческих организаций в развитии волонтерской деятельности, предлагаются меры по ее дальнейшему совершенствованию.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, волонтерство, альтруизм, социально значимая деятельность, благотворительность, некоммерческие организации, корпоративная социальная ответственность.*

JEL: A13, D64.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_146_157.

Человеческий потенциал как скрытые, непроявленные возможности, которые могут реализовываться при определенных условиях, объединяет в себе различные способности, знания и умения человека как субъекта экономики и общества – профессиональные, физические, интеллектуальные, духовные, нравственные [9, с. 12]. Они воспроизводятся и реализуются человеком в процессе экономических и социальных отношений как в рыночных, так и нерыночных формах. Рыночные формы связаны с воспроизводством капитала, вознаграждением за труд и с прибылью. В этих отношениях человек выступает как субъект экономики. Нерыночные формы связаны с реализацией социальных функций государства, с корпоративной социальной ответственностью и многими другими видами деятельности, в которых человек выступает как субъект общества, участвуя в них на добровольных началах. Одним из видов такой деятельности, значимость которой особо проявилась в условиях пандемии коронавируса, является волонтерство. Оно предполагает взаимодействие людей, в процессе которого человек развивает свой личностный потенциал, и, оказывая социально значимые услуги, участвует в воспроизводстве социальных отноше-

ний в обществе, реализуя таким образом человеческий потенциал на уровне общества как ассоциации людей.

Волонтер – человек, который добровольно осуществляет какую-либо общественно полезную деятельность без вознаграждения. В литературе отмечаются главные признаки волонтерской деятельности – собственное желание человека, отсутствие денежного вознаграждения, социально значимый характер деятельности, ее польза для общества и отдельных его представителей. В основе волонтерства лежат нравственные принципы – альтруизм, свобода воли, добро, сострадание, бескорыстие [2, с. 63]. Это альтруистическая социально значимая деятельность ради помощи другим людям. Как показывают опросы, среди мотивов волонтерской деятельности преобладают нематериальные мотивы, не связанные с выгодой для себя. Так, 26% опрошенных готовы заниматься волонтерской деятельностью, если сама деятельность им интересна, 25% – если этим занимаются их родственники и друзья, 22% – если видят пользу людям от такой деятельности. Мотивы, связанные с профессией и карьерой, отмечают 11%, получение общественного признания – 5%, известность (напишут в СМИ, Интернете, покажут по ТВ) – 3%, преимущество при поступлении в ВУЗ – 2% [6, с. 36].

Волонтерство оказывает влияние на развитие человеческого потенциала как самих волонтеров, так и людей, которым они помогают. Волонтер развивает и приобретает новые способности, знания и умения, коммуникабельность, умение работать с людьми, получает возможность самореализовываться, проявляя свои альтруистические качества. Волонтеры оказывают помощь таким группам населения, которые физически и материально ограничены в получении необходимых им услуг за плату, – инвалидам, престарелым, многодетным и т. п. Люди, которым помогают волонтеры, сохраняют свое здоровье (особенно это важно для пожилых людей в условиях пандемии), а иной раз и жизнь (например, при поиске потерявшихся в лесу), получают новые знания, необходимую информацию и помощь (например, в результате работы волонтеров на патриотических, исторических, экологических, культурных, спортивных мероприятиях). На уровне общества в целом волонтерство укрепляет социальные связи, солидарность поколений и гуманистические духовные ценности, способствует социальной стабильности.

Направления волонтерской деятельности разнообразны, но ее материально-вещественной формой всегда выступает безвозмездное выполнение работ и (или) оказание услуг. Организационные формы различаются в зависимости от субъектов, которые организуют волонтерство. Это может быть деятельность добровольческих (волонтерских) некоммерческих организаций, религиозных организаций, корпоративное волонтерство, партнерство государственных, коммерче-

ских и некоммерческих организаций. Человек также может в индивидуальном порядке зарегистрироваться на соответствующем портале (например, в Москве это «Мосволонтер») или на неформальной основе заниматься волонтерской деятельностью – например, безвозмездно помочь заболевшему или пожилому соседу.

Волонтерская деятельность как безвозмездная помощь людям существует с давних времен. В организованном виде такая деятельность возникла в XIX в. Зарождение волонтерского движения в России исследователи связывают с монахинями Свято-Никольской обители Москвы, которые в качестве сестер милосердия поехали на фронт помогать раненым во время Крымской войны. В Российской империи волонтерство развивалось под патронажем государства. Например, во время Первой мировой войны организацией волонтерства занимался Комитет Ее Императорского Величества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Существовало множество различных местных добровольных обществ – например, по защите животных, борьбе с пьянством и т. п. Известно, что добровольцы участвовали в переписи населения Российской империи 1897 г. [2, с. 29, 77–79, 104]. В СССР волонтеры работали в ряде общественных организаций, например, во Всероссийском обществе охраны природы, Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры, ДОСААФ, в добровольных народных дружинах. В период Великой Отечественной войны более 2 млн человек участвовали в тимуровском движении [2, с. 22–23, 71, 59].

Волонтерские организации существуют в большинстве стран мира [4, с. 19–20]. В 1920 г. появилась организация Международная гражданская помощь, которая существует до сих пор. В ООН в составе ЮНЕСКО с 1948 г. существует Координационный комитет международных волонтерских организаций. В 1970 г. была учреждена Программа добровольцев ООН (ДООН; United Nations Volunteers programme). Она действует под эгидой Программы развития ООН и координирует деятельность волонтеров по всему миру. Добровольцы ООН вносят вклад в решение таких глобальных проблем, как нищета, голод, неграмотность, загрязнение окружающей среды, дискриминация в отношении женщин, помощь беженцам и др.

В литературе отмечается, что волонтерство может рассматриваться как разновидность благотворительной деятельности и как самостоятельное, самодостаточное явление [3, с. 49]. На наш взгляд, в этих подходах нет противоречия. Занимаясь волонтерством, человек творит благо для других, поэтому его деятельность можно считать благотворительной. В то же время у волонтерства есть свой отличительный признак – помощь оказывается в виде социально полезной деятельности, а не деньгами или имуществом. Волонтерство и благотворительность

могут быть взаимосвязаны. Например, волонтеры могут собирать благотворительные пожертвования и передавать их нуждающимся. В российском законодательстве благотворительность и волонтерство часто рассматриваются во взаимосвязи¹.

Исторически развитие волонтерства в значительной мере связано с религиозной верой и с деятельностью религиозных организаций. Например, в православной традиции выделяются бессеребренники – те, кто безвозмездно, не требуя вознаграждения, помогают другим людям. Так, Святые мученики бессеребренники братья Косма и Дамиан (III в. н. э.) были врачами, лечившими пациентов бесплатно. В Русской православной церкви существует Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. Работают добровольческие движения – «Даниловцы», «Православные добровольцы» и др., которые оказывают помощь ветеранам, инвалидам, бездомным, многодетным, детским домам и домам престарелых, людям, находящимся на самоизоляции в условиях пандемии коронавируса². Социологи отмечают, что верующие люди, а также те, чьи родители занимались благотворительностью и волонтерством, чаще делают благотворительные пожертвования и становятся волонтерами [6, с. 41; 7, с. 95–101].

В российском законодательстве волонтерство рассматривается как важное направление социально значимой деятельности и укрепления социальной стабильности общества. Цели деятельности волонтеров, их права и обязанности, организационно-правовые формы волонтерских организаций, взаимодействие волонтерских организаций с органами государственного и муниципального управления отражены в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ³. Особо выделяются вопросы молодежного волонтерства. Формирование системы его поддержки рассматривается как одна из приоритетных задач государства⁴.

В 2018 г. был принят Федеральный закон № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», в котором зафиксированы правовые основы социально-трудовых отношений для волонтеров.

¹ См.: Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995. № 135-ФЗ.

² См.: dobro.ru/organizations/10000151/info; www.danilovcy.ru/komu-my-pomogaem-onlajn.

³ В соответствии со ст. 1 данного закона под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в социально значимых целях, перечень которых охватывает широкий круг деятельности.

⁴ См.: Стратегия государственной молодежной политики РФ до 2025 г. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р.

В соответствии с этим законом волонтер имеет право заключить гражданско-правовой договор с благополучателем или с некоммерческой организацией – организатором волонтерской деятельности. В этом договоре может быть предусмотрено возмещение волонтеру затрат на питание, приобретение форменной или специальной одежды, оборудования, средств индивидуальной защиты, аренду помещения, оплату проезда до места назначения и обратно, уплату страховых взносов на добровольное медицинское страхование или на страхование жизни и здоровья.

Закон также определяет правовые основы социального партнерства некоммерческих организаций – организаторов волонтерской деятельности с федеральными органами государственной власти, с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Для поддержки некоммерческих организаций – организаторов волонтерской деятельности предусмотрены специальные программы на всех уровнях⁵.

В 2018 г. была утверждена Концепция развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.⁶, в соответствии с которой развитие добровольчества (волонтерства) основывается на взаимодействии человека, органов государственного и муниципального управления, некоммерческих организаций и бизнеса. В целях поддержки добровольческих (волонтерских) организаций Концепция предусматривает: предоставление субсидий добровольческим (волонтерским) организациям, а также социально ориентированным некоммерческим организациям, привлекающим добровольцев (волонтеров); установление решениями субъектов Российской Федерации льгот по налогу на прибыль организаций и налогу на имущество организаций для добровольческих (волонтерских) организаций и юридических лиц, осуществляющих пожертвования добровольческим (волонтерским) организациям; оказание добровольческим (волонтерским) организациям имущественной поддержки; содействие включению мероприятий по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности в программы предприятий в рамках реализации социальной ответственности бизнеса; содействие распространению информации о деятельности добровольцев (волонтеров) в средствах массовой информации и через социальную рекламу и т. д. Повышению статуса волонтера в обществе также способствует то, что в 2020 г. в ст. 114 Конституции РФ было внесено дополнение е.2, в соответствии с которым Правительство РФ «осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности».

⁵ См.: www.kremlin.ru/media/acts/files/0001.201802050041.pdf.

⁶ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. №2950-р.

Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом, свидетельствуют о росте доли взрослого населения России, являющегося членами общественных, добровольных и благотворительных организаций (движений), особенно людей в трудоспособном возрасте (см. табл.). В то же время, по данным опросов, участие в общественной, добровольной и благотворительной деятельности значительно шире. Так, по результатам мониторинга состояния гражданского общества, проведенного НИУ ВШЭ в 2018 г., 35% взрослого населения без вознаграждения добровольно участвовали в каком-либо общественно полезном деле (не для помощи членам семьи или близким родственникам). При этом 31% из них делали это через организации, а 69% самостоятельно [1, с. 9]. По данным ВЦИОМ, в 2020 г. 71% россиян делали какое-либо общественно полезное дело, помогали другим (вещами – 35%, деньгами – 32%, делами – 25%, продуктами – 20%). Каждый третий опрошенный (34%) отметил, что у него есть знакомые, которые занимаются волонтерством, а у 18–24-летних таких 56%. Среди причин, по которым люди занимаются волонтерской деятельностью, опрошенные чаще всего отмечали следующие: потому что хотят чувствовать себя полезными (45%), участвовать в решении общих проблем (31%), реализовать себя и свои инициативы (17%)⁷.

Таблица

**Участие в деятельности общественных, добровольных
и благотворительных организаций (движений), %**

	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Доля лиц в возрасте 15 лет и более, являющихся членами общественных, добровольных или благотворительных организаций (движений)	2,3	2,1	4,8	5,6
В том числе:				
– в трудоспособном возрасте	2,3	1,9	5,3	6,6
– из них молодежь (15–29 лет)	2,0	1,9	3,5	4,6
– старше трудоспособного возраста	2,4	2,5	3,7	3,5

Источник: составлено автором по: Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 249; Россия в цифрах. 2020. М.: Росстат, 2020. С. 178.

Существенный импульс к развитию волонтерства дало создание в 2014 г. Ассоциации волонтерских центров⁸, позволившее организовать экосистему волонтерских IT-сервисов на базе единой информа-

⁷ См.: Аналитический обзор «Солидарность на фоне пандемии». www.vciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obsor/volontery-pomogaut-postradavchim-ot-pandemii.

⁸ В 2020 г. она объединяла 1016 организаций и более 1 млн волонтеров. avc.pf/about.

ционной системы «Добровольцы России». Также в 2014 г. в Москве был создан Ресурсный центр «Мосволонтер», где обучают принципам и технологиям организации волонтерской деятельности, готовят координаторов, формируют лидерский актив. Волонтеры получают документы – волонтерские книжки, в которых отражается их деятельность⁹.

Организаторами корпоративного волонтерства выступают бизнес-структуры. В 2014 г. в России был создан Национальный совет по корпоративному волонтерству (НСКВ), в который входят более 30 крупнейших компаний России. По данным опросов, проведенных НСКВ, в 2016 г. 71% опрошенных сотрудников ответили, что участвовали в социальных мероприятиях своих компаний [5, с. 21]. Особую роль играют такие формы корпоративного волонтерства, как помощь воспитанникам детских домов, их профессиональная ориентация, помощь малоимущим, донорство крови, помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях, участие в экологических мероприятиях и т. д. [2, с. 273–274].

Для сотрудников компаний корпоративное волонтерство дает возможность самореализовываться, делать добро, развивать свои способности к общению с другими людьми, развивать внутрикорпоративные связи. Компаниям корпоративное волонтерство помогает развивать взаимосвязи с местным сообществом, укрепить свой бренд, получить дополнительную возможность рекламы и т. д. [5, с. 20]. При этом надо отметить, что, по данным НСКВ, экономический потенциал добровольного труда в некоммерческом секторе составлял в 2016 г. 16,4 млрд руб., а труд одного добровольца составлял 42,7 человеко-часов в месяц [5, с. 16].

Пандемия коронавируса дала новый толчок к развитию волонтерства в России, укреплению социального партнерства государства, бизнеса и некоммерческих организаций, привлекающих волонтеров. Волонтеры сыграли важную роль в оказании помощи пожилым людям и людям с хроническими заболеваниями в условиях пандемии коронавируса. Такую помощь оказывали 118 тыс. волонтеров. Их услугами воспользовались 3,5 млн человек. Волонтеры собрали 1,8 млрд руб. благотворительных пожертвований от частных лиц и бизнеса¹⁰. В марте–июле 2020 г. проводилась Всероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, организованная Общероссийским народным фронтом, Всероссийским общественным движением «Волонтеры-медики» и Ассоциацией волонтерских центров. Оператором

⁹ По данным на 2020 г. на сайте mosvolonter.ru зарегистрировались более 80 тыс. добровольцев. www.mosvolonter.ru/static/o-nas.

¹⁰ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 г. М.: Общественная палата РФ, 2020. С. 36. report2020.oprf.ru/0/index.html.

акции в Москве был Ресурсный центр «Мосволонтер» – крупнейший центр поддержки волонтерского движения в России. Например, в Москве добровольные помощники поддерживали москвичей старшего поколения во время режима самоизоляции. Волонтеры приносили им продукты, лекарства и другие необходимые вещи. По данным опросов ВЦИОМ, в 2020 г. в период пандемии коронавируса единство и солидарность между людьми усилились (по мнению 56% россиян). Более половины опрошенных (59%) отметили, что люди стали чаще заниматься волонтерской или добровольческой деятельностью¹¹.

В литературе положительно оцениваются тенденции развития волонтерства в России. Отмечается, что «политика российского государства в сфере волонтерства и благотворительности на современном этапе лежит в русле актуальных трендов межсекторного партнерства» [1, с. 51]. Вместе с тем необходимо отметить, что российская модель волонтерства характеризуется ведущей ролью государства. Это предопределено особенностями российской социально-экономической системы, исторически складывающейся «сверху вниз», с преобладанием «...централизованных, административных методов управления» [8, с. 21]. Поэтому именно государство играет определяющую роль при формировании среды и механизмов дальнейшего развития волонтерской деятельности.

Среди направлений совершенствования данных механизмов целесообразно особое внимание уделить расширению системы льгот для волонтеров, некоммерческих организаций, привлекающих волонтеров, и для коммерческих организаций, осуществляющих пожертвования. Например, в период пандемии коронавируса волонтерам устанавливались стимулирующие выплаты в размере 12130 руб. в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.05.2020 г. № 797 «Об утверждении Правил специальных выплат гражданам, принявшим на сопровождаемое или временное проживание (под временную опеку) инвалидов, престарелых граждан, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей». В этом документе отмечается, что данная выплата устанавливается волонтерам и другим гражданам Российской Федерации, которые взяли на себя выполнение этих функций добровольно.

Дополнительную поддержку волонтерам в период пандемии коронавируса оказывали власти субъектов РФ. Например, московские власти сделали бесплатными все парковки для автоволонтеров Всероссийской акции #МыВместе. Все пешие волонтеры получают от московского Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры бесплатные проездные (их выдано более 24 тыс.).

¹¹ См.: www.vciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obsor/volontery-pomogaut-postradavchim-ot-pandemii.

Волонтерам выдают форму, обеспечивают питанием во время смен. Они также получают бесплатные билеты в театры, на выставки и экскурсии. Волонтерам вручают благодарственные письма, что помогает школьникам при поступлении в ВУЗы: большинство ВУЗов в Москве дают дополнительные баллы при поступлении за наличие определенного количества часов волонтерской деятельности.

В условиях пандемии коронавируса были установлены дополнительные льготы и для благотворителей – юридических лиц. В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в часть вторую Налогового Кодекса Российской Федерации» № 172-ФЗ от 08.06.2020 г. налоговая база для расчета налога на прибыль уменьшается на сумму пожертвований на борьбу с коронавирусом в размере до 1% выручки от реализации товаров (работ, услуг) компании-благотворителя, с этих пожертвований также не уплачивается НДС. При этом пожертвования должны быть направлены некоммерческим медицинским организациям, органам государственного и муниципального управления, государственным и муниципальным учреждениям и унитарным предприятиям. Если же пожертвования были направлены социально ориентированным некоммерческим организациям, то льгота будет только по налогу на прибыль.

Позитивно оценивая эти новые льготы, необходимо отметить, что их целесообразно сохранить в период и после пандемии. В качестве дополнительных льгот можно было бы установить для людей, имеющих волонтерские книжки, скидки в магазинах, подобно тем, которые существуют по социальным картам. Что касается дополнительных льгот для благотворителей, то их имеет смысл предоставлять не только юридическим лицам, но и индивидуальным предпринимателям, применяющим упрощенную систему налогообложения, и установить льготу по НДС при передаче имущества социально ориентированным некоммерческим организациям.

Для развития волонтерства и его подъема на качественно новый уровень необходимо совершенствовать взаимодействие институтов гражданского партнерства государства, бизнеса и некоммерческих организаций, особенно это важно сделать на региональном уровне. Здесь требуется расширить практику предоставления грантов и льгот, а также распространения информации об удачном опыте регионов в развитии волонтерства по тем направлениям и в тех формах, которые соответствуют решению социальных проблем конкретного региона. При этом важно, чтобы региональные органы государственной власти нацеливали некоммерческие организации, привлекающие волонтеров, на участие в осуществлении национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура», «Экология». Это повысит шансы таких организаций на получение грантов. Для решения в регио-

нах проблемы информирования людей о возможностях волонтерской деятельности необходимо развивать волонтерские центры, создавать региональные порталы, на которых можно зарегистрироваться, чтобы стать волонтером. Особое значение имеет информирование молодежи, которое можно осуществлять в учебных заведениях.

Для усиления поддержки благотворительных и волонтерских организаций и движений, оказывающих помощь по доставке продуктов, лекарств и т. п. пожилым, инвалидам и другим незащищенным категориям граждан, целесообразно распространить на эти организации льготы, предусмотренные для некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг. Как известно, некоммерческие организации–исполнители общественно полезных услуг включаются в особый реестр и получают право на получение поддержки (льготы по налогам, аренде и т. д.) на федеральном, региональном и муниципальном уровнях¹².

В целях укрепления законодательных основ волонтерства и защиты трудовых прав волонтеров (на возмещение ряда затрат, безопасность труда и т. п.) необходимо, на наш взгляд, признать волонтерство разновидностью трудовых отношений. Для этого в Трудовой кодекс РФ необходимо внести дополнение в статью 15, в которой дается определение трудовых отношений, добавив в ее конце: «а также отношения между волонтерами и некоммерческими организациями, привлекающими волонтеров». Поскольку в статье 16 ТК РФ допускается признание «отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями»¹³ (а эта форма договора, как отмечено выше, используется волонтерами), то предлагаемое дополнение представляется обоснованным. Также целесообразно внести дополнение в статью 1 ТК РФ, в которой перечисляются трудовые отношения, регулируемые трудовым законодательством, добавив: «отношения по организации деятельности волонтеров».

¹² См.: «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса НКО – исполнителя общественно полезных услуг» № 287-ФЗ от 03.07.2016 г.

¹³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021 г.). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития // Под ред. И.В. Мерсияновой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
2. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Институт наследия, 2019.
3. Горлова Н.И. Современная историография волонтерства в России: тенденции и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2018. № 1. С. 49–59.
4. Дерикот О.В., Логачева И.В. Из истории волонтерского движения // Волонтер. 2020. № 3. С. 16–22.
5. Корпоративное волонтерство в России. От практик – к стандартам. Руководство для менеджера. М.: Один за всех, 2018.
6. Мерсиянова И.В. Участие россиян в волонтерской деятельности. М., 2019. Материалы Международной конференции «Добровольчество: совершенствуя общество, развиваем себя». 21–23 мая 2019 г. НИУ ВШЭ. grans.hse.ru/euv/materials.
7. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Малахов Д.И. Взаимосвязь между участием в волонтерстве и благотворительными пожертвованиями: межпоколенческий аспект // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 94–106.
8. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития // Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021.
9. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.

REFERENCES

1. Volunteering and philanthropy in Russia and tasks of national development // Ed. by I.V. Mersianova. M.: Publishing House of HSE, 2019. (In Russ.).
2. Gorlova N.I. Beginning and development of the institution of volunteering in Russia: history and present time. M.: Institute of Legacy, 2019. (In Russ.).
3. Gorlova N.I. Modern historiography of volunteering in Russia: tendencies and perspectives // Bulletin of Udmurtian University. Series of History and Philology. 2018. No 1. (In Russ.).
4. Derikot O.V., Logacheva I.V. From the history of volunteering // Volunteer. 2020. No. 3. (In Russ.).
5. Corporate volunteering in Russia. From the practices to the standards. Text-book for manager. M.: One for every one, 2018. (In Russ.).
6. Mersianova I.V. Participation of Russians in volunteering. M., 2019. Materials of the International Conference "Volunteerism: improving society, we develop ourselves". May 21–23. 2019 HSE. grans.hse.ru/euv/materials. (In Russ.).
7. Mersianova I.V., Ivanova N.V., Malahov D.I. Interconnection between volunteering and philanthropy donations: intergenerational aspect // Sociological Studies. 2019, No. 10. (In Russ.).
8. Russian social and economic System: reality and development vectors // Ed. by R.S. Grinberg, P.V. Savchenko. The 4-th edition. M.: INFRA-M, 2021. (In Russ.).

9. *Soboleva I.V.* Human potentiality in Russian economy: problems of maintaining and development. M.: Science, 2007. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Fedorova Maria Nikolaevna – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

maria-fedorova.n@yandex.ru

VOLUNTEERING AS A NON-MARKET FORM OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIALITY

The article considers the role of volunteering as a non-market form of functioning and development of human potentiality, as a sphere of the self-realization of the person as a subject of society in Russia. The process of the forming of the system of institutions of the interaction of state, business and non-profit organizations in the development of volunteering is investigated in the article, some measures for its improvement are proposed.

Keywords: *human potentiality, volunteering, altruism, social important work, philanthropy, non-profit organizations, corporate social responsibility.*

JEL: A13, D64.

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

И.Е. КАЛАБИХИНА

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Д.Д. ГОРБАЧЕВА

бакалавр экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

К.И. САХБЕТДИНОВА

аспирант экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

СВЯЗАНА ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ С ОБЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

Вопрос о связи демографической модернизации с модернизацией всего общества имеет важное теоретическое и практическое значение, однако эмпирическое доказательство такой связи на российских данных пока не выполнено. В статье проводится анализ демографических и социокультурных ценностей россиян, а также выявляются взаимосвязи между различными категориями ценностей с помощью эконометрических моделей, построенных на основе данных Всемирного обследования ценностей. В результате проведения эмпирического анализа выявлена связь между традиционными социокультурными ценностями и традиционными ценностями в репродуктивном поведении. И наоборот, сторонникам прогрессивных общественных, культурных и политических взглядов свойственны более модернизационные репродуктивные ценности. Полученные результаты позволяют сделать вывод о тесной связи демографической модернизации с модернизацией общественного развития в целом.

Ключевые слова: *социокультурные ценности, репродуктивное поведение, рождаемость, традиционные ценности, модернизационные ценности, демографическая модернизация.*

JEL: J13, J16, J11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_158_184.

Введение

Незавершенная демографическая модернизация в России в значительной степени опирается на незавершенную модернизацию всего общества [1]. Симпатии к традиционным консервативным семейным ценностям, развивающиеся в 2010-ые годы (см., например, Концепцию семейной политики 2014 года), видимо, не могут существовать без консервативных взглядов на общественное развитие.

Процесс модернизации идет постоянно от одних социальных инноваций к другим [1]. Однако существуют определенные ступени в таком развитии. Можно предположить, что в демографической модернизации в области репродуктивного поведения и семейной жизни каждый этап модернизации можно отмечать ростом свободы в принятии решений человеком и ростом вариативности исходов в демографической истории поколений. С каждым новым этапом уходит в прошлое общественное порицание людей, принимающих те или иные модернизационные формы поведения. Например, малодетность, планирование семьи, развод, аборт, секс до брака, рождение ребенка вне брака становятся вариантом нормального демографического поведения людей с точки зрения признания такого поведения обществом в качестве одного из признанных исходов. Дебюты демографических событий перестают быть последовательными (например, рождение ребенка после заключения официального брака у большинства представителей поколения), а линии демографических судеб похожими.

Но теоретически демографическая модернизация происходит только вместе с общей модернизацией общества [1]. Наша цель – эмпирически подтвердить этот тезис. *Основная гипотеза заключается в том, что сторонники модернизационных демографических ценностей будут прогрессивны и в социокультурных, политических взглядах; а традиционные взгляды на недемографические ценности совпадут с традиционными демографическими ценностями.*

Мы не ставим перед собой цель определить первенство демографических или недемографических ценностей и направление влияния связи между ними, утверждая наличие демографического или экономического детерминизма [2]. Наша задача – доказать существование связи между степенью консервативности демографических и социокультурных ценностей на примере репродуктивного поведения.

Напомним, что репродуктивное поведение включает в себя установки, ценности, намерения и фактические действия людей относительно рождения определенного количества детей [3]. В нашем случае мы рассматриваем демографические ценности в области репродуктивного поведения, используя Всемирное обследование ценностей, а именно: отношение людей к искусственному прерыванию беремен-

ности, к сексуальным отношениям до брака и к рождению определенного количества детей.

Под недемографическими ценностями в данном случае понимаются социокультурные установки по вопросам религии и науки, гендерного равенства, толерантности, уровня доверия и готовности помочь, политических предпочтений и отношения к свободе и ответственности, а также выбор более традиционного или модернизационного образа жизни (см. Таблицу 1).

Вклад данной работы в тему исследования связи социокультурных и демографических детерминант основан на комплексном подходе к исследованию данной связи, позволяющем изучать не только отдельные социокультурные факторы, но и целый комплекс социокультурных ценностей человека. Авторы проверяют наличие взаимосвязей между различными социокультурными характеристиками и репродуктивным поведением современных россиян, доказывая гипотезу о том, что традиционность или модернизационность свойственна всей системе ценностей человека.

Обзор литературы по социокультурным факторам репродуктивного поведения

В литературе по данному вопросу наиболее часто встречаются исследования таких социокультурных факторов, как религиозность, отношение к гендерному равенству, политические взгляды и различные культурные ценности. В качестве прокси-переменной социокультурных установок иногда рассматривают уровень образования, поскольку он является самым доступным для наблюдения.

Рост уровня образования женщин, как правило, приводит к снижению рождаемости [4]. Одной из причин этой взаимосвязи является то, что женщина вынуждена тратить время на получение новой ступени образования, в связи с чем она позднее выходит замуж и задумывается о семье. Еще одна сфера влияния образования – это просвещенность в области своего репродуктивного здоровья и методов контрацепции. Противозачаточные средства чаще применяются образованными женщинами, а также теми, кто знает о методах планирования семьи, и теми, кто сталкивался с половым воспитанием [5; 6]. Женщины с академическими и карьерными амбициями с большей вероятностью совершат аборт при внебрачной беременности [7].

Ранее гендерное равенство также отрицательно влияло на репродуктивное поведение (выраженное, например, в числе рожденных детей, в возрасте дебюта), а затем связь стала положительной. Почему это происходит? Гендерное равенство проявляет себя сначала в отношении получения образования и занятости, затем и в рамках инсти-

туда семьи. Имея возможность работать наравне с мужем, женщины стали разделять и домашние обязанности с партнером. Таким образом, происходит переход от традиционного, патриархального типа семьи к современному – эгалитарному (гендерный переход). Если в начале гендерного перехода связь между уровнем женской занятости, доходами, образованием и ценностями семьи и родительства была отрицательной, то в постмодернистских обществах ценности гендерного равенства могут положительно влиять на репродуктивные намерения, поскольку распространение гендерного равенства не только на рынке труда, но и в семье увеличивает свободу выбора жизненного пути для женщин и мужчин, улучшает баланс профессиональных и семейных обязанностей [8].

К настоящему времени снижается положительное влияние на рождаемость при традиционном гендерно-ролевом поведении и делении обязанностей между мужчинами и женщинами [9]. Несоответствие взглядов относительно распределения обязанностей пары заставляет женщин пересматривать свое отношение к рождению последующих детей в сторону отказа от них [10; 11]. В то же время результаты исследования, проведенного в Швеции и Венгрии, показали, что при распределении домашних обязанностей между обоими партнерами вероятность рождения второго ребенка в такой семье возрастает [12].

Согласно теории потребности в детях, описанной А.И. Антоновым, именно эта потребность и определяет характер репродуктивного поведения [13]. Тем не менее потребности могут меняться в зависимости от обстоятельств, к которым человек вынужден приспосабливаться, и сама ориентация репродуктивных установок трансформируется в процессе культурных изменений. Постепенный процесс модернизации общества спровоцировал усиление гендерного равенства [14] и пересмотр женщинами вопроса распределения времени между семьей и другими сторонами своей жизни [15]. У женщин появилось больше возможностей получить хорошее образование, построить карьеру, а также вариативность доступного досуга стала шире.

Смена ценностей может и вовсе подавить в человеке потребность в детях, делая людей приверженцами идеологии «чайлдфри», при которой они отказываются от рождения детей. Причем речь идет не о тех людях, которые не могут иметь детей по причине проблем с репродуктивным здоровьем, а о тех, кто решает быть бездетным в силу своих убеждений. Чаще всего эти убеждения связаны с ценностью собственного времени и комфорта, с нелюбовью к детям на психологическом уровне, с финансовой несостоятельностью или нежеланием вложения в детей [16], а также с боязнью родов как физического процесса и возможными изменениями в теле женщины, делающими его менее привлекательным [17]. Такие люди чаще всего отвергают

традиционные семейные ценности, и их действия в обществе более эгоистичны [18].

По мере своего развития общество пересматривает взгляды и в отношении сексуального поведения в целом – происходит процесс сексуальной либерализации [14]. Все чаще вступление в половой контакт не связано с намерением завести ребенка, а скорее выступает как самоцель или способствует установлению более близких отношений с партнером. В этом случае секс до брака перестает быть табуированным.

Гендерное неравенство влияет и на контрацептивно-абортное поведение. Это хорошо видно в развивающихся странах. В Индии, например, женщины, которые отмечают давление со стороны мужа, с меньшей вероятностью применяют противозачаточные средства, чтобы доказать свою плодovitость [6]. Гендерное неравенство и ущемление прав женщины на уровне семьи мешают самостоятельному принятию ею решения о проведении аборта и, как следствие, вредят репродуктивному здоровью [19].

Одним из наиболее значимых социокультурных факторов, влияющих на репродуктивное поведение, является религия. Причем это влияние рассматривается разными авторами и с точки зрения степени религиозности, и с точки зрения принадлежности к той или иной конфессии. Например, были сделаны выводы о том, что, религиозность семьи повышает вероятность появления еще одного ребенка [20]. Обследования среди молодого поколения показали, что религиозность задерживает начало половой жизни девушек–подростков, но слабо влияет на поведение юношей [21]. Также среди религиозных студентов отмечается низкий уровень знаний о сексуальном и репродуктивном здоровье, и они более консервативны в своем отношении к сексу [22].

При отсутствии моральных и религиозных установок, порицающих искусственное прерывание беременности, люди считают аборт и контрацепцию абсолютными субститутами и готовы в равной степени к ним прибегать при контролировании рождаемости [23; 24].

В то же время не все религии одинаково относятся к аспектам сексуальной либерализации и репродуктивному поведению. Например, в России среди всех религиозных групп самый высокий уровень рождаемости наблюдается у людей, исповедующих ислам, в то время как у представителей других конфессий рождаемость ниже [25].

Отношение к абортам также неодинаково для представителей разных религий. Женщины, принадлежащие к консервативной протестантской конфессии, с меньшей вероятностью прервут внебрачную беременность, чем женщины основной протестантской конфессии и католички [7]. В работе, написанной в 1964 г. было выявлено, что наиболее благосклонны к искусственному прерыванию беременности

представители иудаизма, а католики, наоборот, в большей степени выступают против аборт [26].

Степень религиозности оказывает большее влияние на репродуктивное поведение, чем принадлежность к той или иной религии. В частности, среди мусульман, обычно считающихся приверженцами более традиционных взглядов, аборт и секс до брака считаются более допустимыми, чем в религиозных христианских группах [27].

С традиционным отношением к совместному проживанию, семье и гендерным ролям связаны и консервативные политические убеждения [28].

В данной работе мы выявляем связь между репродуктивным поведением и демографическими ценностями, рассматривая влияние целого комплекса социокультурных ценностей на репродуктивное поведение.

Для изучения взаимосвязи репродуктивных установок и социокультурных ценностей мы поделили репродуктивные и демографические ценности на две большие группы – традиционные и модернизационные, следуя методологии Инглхарта [29; 30].

Методология классификации традиционных и модернизационных ценностей в решении вопроса о наличии связи между социокультурными и репродуктивными ценностями

Суть методологии Инглхарта заключается в рассмотрении изменения социокультурных ценностей общества в процессе его модернизации, которая проходит в два этапа и, соответственно, по двум направлениям. Первый этап связан с индустриализацией и рационализацией власти, при которых происходит постепенная смена традиционных ценностей светскими. На втором этапе происходит постиндустриальная трансформация экономики и «освобождение» от власти. В связи с этим ценности выживания сменяются ценностями самовыражения. Инглхарт с помощью факторного анализа выделяет блоки ценностей в рамках следующих направлений: «традиционные – секулярно-рациональные» и «ценности выживания – ценности самовыражений» и показывает, что в результате социально-экономического развития во всех странах наблюдается тенденция движения в одном общем направлении на карте ценностей несмотря на различия в культурном наследии каждой из них [30].

Поэтапность общественной модернизации по Р. Инглхарту созвучна с идеями постоянной демографической модернизации А.Г. Вишневого [1] и нашим предположением о росте свободы в принятии репродуктивных решений человеком и ростом вари-

тивности исходов в демографической истории поколений в процессе модернизации. Свобода и плюрализм определяют либеральный тип демографических ценностей, а также соответствуют толерантности, ответственности, либеральным политическим ценностям. Но демографические, как и социокультурные, инновации распространяются постепенно. Например, на первом этапе происходит снижение религиозности, на втором – поддержка гендерного равенства. Для демографической модернизации: на первом этапе происходит принятие малодетности и аборт, на втором – секса до брака.

Инглхарт на карте системы ценностей ставит Россию на относительно высокое место по распространению секулярно-рациональных ценностей, но на низкое место – по ценностям самовыражения¹.

Поскольку для России модернизация в настоящее время определяется секулярно-рациональными ценностями, мы объединили традиционные ценности и ценности выживания по Инглхарту в традиционные ценности, а секулярно-рациональные и ценности самовыражения – в модернизационные ценности. Такое объединение необходимо для дальнейшего эмпирического анализа. Если первый этап модернизации пройден и поддерживается большинством, а второй этап модернизации охватывает только некоторые социальные группы, мы имеем разнообразие, позволяющее изучать связи между разными типами ценностей. Опора только на ценности второго этапа существенно сокращает возможность изучения наиболее полной системы ценностей индивида.

Следовательно, мы не выделяем этапы демографической модернизации в данной работе, а рассматриваем два возможных типа демографических и общих ценностей человека – традиционный и модернизационный тип.

Основываясь на высказанных соображениях, мы распределяем репродуктивные ценности и социокультурные ценности по двум укрупненным группам – традиционные и модернизационные ценности. Для краткости изложения представим данное распределение в табл. 1.

Важный вопрос в анализе системы ценностей индивида – как формируются и передаются репродуктивные и другие ценности. Многие работы подтверждают тот факт, что репродуктивные нормы подростков формирует обстановка, в которой они растут и чаще всего определяются нормами родительской семьи [31; 32]. Однако они не остаются неизменными в течение всей жизни. В своей работе К. МакДональд [33] сделал вывод, что социальный контроль над сексуальным пове-

¹ Findings and Insights // World Values Survey. www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp (дата обращения 03.05.2021).

Таблица 1
Классификация традиционных и модернизационных репродуктивных и социокультурных ценностей

	Традиционные ценности		Модернизационные ценности	
	Традиционные	Выживания	Секулярно-рациональные	Самовыражения
Репродуктивные ценности	– много детей – аборт недопустим	– секс до брака недопустим	– мало детей – аборт допускается	– секс до брака допускается
Социокультурные ценности	Религия: – религиозность Важность традиционных сторон жизни: – важность семьи – важность работы Наука: – развитие науки может привести к размытию понятия морали	Гендерное равенство: – не поддерживается Толерантность: – отсутствие толерантности Доверие близким: – недоверие семье Готовность помочь: – не участие в благотворительности Политические предпочтения, отношение к свободе и ответственности: – рассчитывает на государство в вопросах материального обеспечения – рассчитывает на полицию в вопросах безопасности – удовлетворенность властью – совместное проживание с родителями – предпочитает телевидение, как информационный ресурс	Религия: – нерелигиозность Важность модернизационных сторон жизни: – важность досуга Наука: – доверие к последствиям развития науки	Гендерное равенство: – поддерживается Толерантность: – толерантность к мигрантам и пр. – толерантность к алкоголю, кам, наркотикам и пр. Доверие близким: – доверие семье Готовность помочь: – участие в благотворительности Политические предпочтения, отношение к свободе и ответственности: – человек сам несет ответственность за свое благосостояние (а не государство) – демократические политические взгляды – стремление к конкуренции – предпочитает интернет как информационный ресурс

Источник: составлено авторами по: классификация ценностей Р. Инглхарта [30].

дением и культурные сдвиги в нем оказывают влияние на стратегии в репродуктивном поведении людей.

Социальные нормы могут демонстрировать значительную стабильность во времени. Однако с распространением скоростного интернета изменения стали происходить быстрее. В своих работах С.К. Уоткинс [34] описывает влияние цифровизации и растущего спроса на средства массовой информации на нашу повседневную жизнь. Людям становятся доступны информационные материалы со всего мира, что способствует перенятию социокультурных особенностей других стран.

Социокультурные факторы влияют на ценностные ориентации индивидов, под воздействием которых впоследствии формируются их репродуктивные установки. А происходящие по мере модернизации общества изменения в ценностных ориентациях влекут за собой смещение потребностей в детях на более незначимые позиции по сравнению с другими потребностями индивидов [3].

Рассматривая аспекты репродуктивного поведения, которые отражают репродуктивные ценности (отношение к абортam и сексу до брака), одновременно с социокультурными ценностями индивида, которые он(а) определяет в рамках социологического опроса, мы можем полагать, что исследуем систему ценностей индивида, сформировавшуюся на момент проведения опроса², что снимает с нас задачу определения механизмов формирования и передачи различных ценностей и установок для их сопоставления в рамках единой системы ценностей человека.

Данные и методы эмпирического исследования

Для изучения взаимосвязей между социокультурными демографическими ценностями и репродуктивными ценностями используется регрессионный анализ. Все вычисления производятся с помощью программ Gretl версии 1.9.4 и R-Studio версии 4.0.2 с использованием микроданных, опубликованных в рамках международной программы по исследованию ценностей Всемирное обследование ценностей (World Value Survey, WVS). Для понимания актуальных на сегодняшний день взглядов и ценностей были использованы последние данные по России, а именно 7 волна опроса, которая в России прошла в ноябре и декабре 2017 г. В опросе приняли участие 1810 респондентов старше 18 лет.

Чтобы выяснить, какие факторы в большей степени связаны с интересующими нас репродуктивными ценностями, были построены регрессионные модели на основе МНК.

² Переменная «количество детей» имеет ряд дополнительных предположений, о чем мы повествуем в следующем параграфе.

В качестве зависимых переменных, представляющих репродуктивное поведение, были использованы: отношение к аборту, отношение к сексу до брака, количество детей.

Абортивное поведение выражается через переменную «отношение к аборту». Под ней понимается субъективная оценка респондентов степени того, насколько может быть оправдан аборт, по шкале от 1 до 10, где «1» – никогда не может быть оправдан, а «10» – всегда может быть оправдан.

Отношение респондентов к добрачным половым связям выражается через переменную «отношение к сексу до брака». Это порядковая переменная со шкалой от 1 до 10, где «1» – секс до брака никогда не может быть оправдан, «10» – всегда может быть оправдан.

Установки на рождение определенного количества детей описываются прокси-переменной «количество детей». Это количественная переменная, принимающая значения от 0 (нет детей) до 6 (6 и более детей) и показывающая, сколько детей у респондента на момент проведения опроса. Стоит учитывать, что эта переменная используется на суженной выборке, поскольку мы можем измерять репродуктивные ценности через наличие детей только у людей, завершивших свою репродуктивную историю, – в данном случае это женщины в возрасте старше 40 лет (граница конца репродуктивного возраста снижена для обеспечения большей выборки). При использовании этой дополнительной зависимой переменной делается еще одно допущение – репродуктивные ценности не менялись у людей с момента принятия решения о рождении ребенка до проведения соответствующей волны опроса.

Каково в среднем отношение россиян к аборту, сексу до брака и сколько детей рожают в среднем? Согласно нашим расчетам, по данным всех волн WVS, в которых участвовала страна (2, 3, 5, 6 и 7 волны), в России последних трех десятилетий в среднем достаточно устойчивое нейтральное отношение к аборту. Отношение к сексу до брака также в среднем нейтральное. Возраст имеет значение только для оправдания секса до брака – молодежь более толерантна к этому явлению (представлены данные по двум последним волнам). Итоговая рождаемость практически не изменилась, но распределение женщин по числу детей слегка меняется в сторону увеличения однодетных женщин.

В данной работе мы исследовали, как отличаются репродуктивные установки людей с разными системами ценностей в нейтральной в среднем социокультурной среде

В качестве независимых переменных были рассмотрены 23 переменные, отражающие социокультурные ценности. Также были добавлены 10 демографических и социально-экономических характеристик респондентов в качестве контрольных переменных. Из модели были исключены ответы тех респондентов, которые пропустили часть рас-

смаатриваемых переменных, в результате чего выборка составила 704 наблюдения.

Независимые переменные интереса характеризуют следующие социокультурные ценности индивидов: установки по вопросам религии, науки, гендерного равенства, толерантности, уровня доверия и готовности помочь, выбор традиционного (указание важности семьи или работы) или модернизационного (указание важности досуга) образа жизни, политических предпочтений и отношения к свободе и ответственности. Описание переменных см. в табл. 2.

При построении всех моделей использовался метод пошагового исключения незначимых переменных интереса с использованием двусторонних p -значений.

Опишем гипотезы исследования. Напомним, что основная гипотеза исследования заключается в следующем: приверженцы недемографических традиционных ценностей менее склонны воспринимать модернизационные репродуктивные ценности, то есть не оправдывают аборты и добрачные сексуальные отношения, а также имеют больше детей; а их оппоненты также имеют стройную систему ценностей, демонстрируя приверженность к модернизации как в демографических, так и в социокультурных установках.

Частные гипотезы касаются отдельных переменных интереса и согласуются с основной гипотезой в соответствии с делением ценностей на традиционные и модернизационные. Например, поддержка гендерного равенства и науки, доверие близким и склонность к благотворительности, симпатии к демократическим ценностям, самостоятельности и ответственности идут рука об руку с либеральными демографическими ценностями – одобрение внебрачных сексуальных отношений, признание прав на аборт. Либеральные социокультурные ценности также связаны с меньшим числом детей у респондента.

Гипотеза относительно толерантности усложнена для рассмотрения российского общества по сравнению с взглядами Инглхарта. Для россиян мы изучаем толерантность двух типов. Толерантность первого типа описывается отношением к таким характеристикам других людей, как национальность, миграционный статус, религия, сексуальная ориентация. Толерантность второго типа – отношение к людям, больным наркоманией, алкоголизмом, ВИЧ. Выделение таких характеристик связано с потенциальными рисками в отношении здоровья партнеров, что, согласно нашему предположению, менее терпимо воспринимается в нашем обществе. Толерантность второго типа еще не стала признаком модернизации общества, не распространяется в большинстве социальных групп. Соответственно, толерантность первого типа будет соответствовать либеральным взглядам, толерантность второго типа не обнаружит такой связи.

Таблица 2

Описание социокультурных переменных моделей

Ценность	Переменная	Описание переменной или вопрос анкеты	Минимальные и максимальные значения
Социокультурные переменные (переменные интереса)			
Религия	Степень религиозности	Как часто молится человек (не считая похорон и венчаний)	1 – несколько раз в день, 8 – почти никогда или и вовсе не молится
Наука	Отношение к технологическому прогрессу и науке	Одним из негативных последствий развития науки является то, что люди перестают различать добро и зло, развитие науки может нести негативные последствия и размывать понятия морали	1 – полностью не согласен(на), 10 – полностью согласен(на)
Приоритет одной из сторон жизнедеятельности	Важность семьи, досуга или работы (3 переменные)	Важность одной из трех сторон жизнедеятельности	1 – данная сторона жизни очень важна, 4 – совсем не важна
Гендерное равенство	Отношение к гендерному равенству	Когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины	1 – полностью согласен(на), 5 – полностью не согласен(на)
Толерантность	Толерантность к людям другой национальности, религии, сексуальной ориентации, к мигрантам (тип 1)	Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству	1 – толерантное отношение, 0 – не толерантное отношение
	Толерантность к наркоманам, к алкоголикам и к больным ВИЧ (тип 2)	Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству	1 – толерантное отношение, 0 – не толерантное отношение
Доверие близким	Доверие своей семье	Уровень доверия семье	1 – полностью доверяю, 4 – совсем не доверяю

Окончание табл. 2

Ценность	Переменная	Описание переменной или вопрос анкеты	Минимальные и макси- мальные значения
Готовность помочь	Отношение к пожертвованиям	Готовность делать денежные пожертвования в различные фонды	1 – делал(а), 2 – мог(ла) бы делать, 3 – не стал(а) бы
Политические предпочтения по и предпочтения по новостным источникам	Предпочтение демократической политической системы	Установление демократической политической системы в России	1 – хорошая идея, 4 – очень плохая идея
	Удовлетворенность существующей политической системой	Уровень политической удовлетворенности респондентов	1 – совершенно не удовлетворен(а), 10 – полностью удовлетворен(а).
	Доверие телевидению	Уровень доверия телевидению	1 – полностью доверяю, 4 – совсем не доверяю
Ощущение без- опасности	Частота использования интернета	Уровень использования интернета	1 – каждый день, 5 – никогда
	Доверие полиции	Уровень доверия полиции	1 – полностью доверяю, 4 – совсем не доверяю
	Уровень преступности	Частота сексуальных домогательств в регионе	1 – очень часто, 4 – никогда
Ответственность	Ответственность за благосостояние	На ком лежит ответственность за материальное обеспечение населения – на государстве или на самих гражданах	1 – на государстве, 10 – на самих гражданах
	Жизнь с родителями	Респондент живет со своими родителями или родителями партнера	1 – с родителями, 0 – живет отдельно
	Отношение к конкуренции	Уровень позитивного отношения к конкуренции	1 – хорошо, 10 – плохо

Источник: составлено авторами.

В ходе исследования была выдвинута следующая гипотеза для контрольных переменных: мужчины, очень молодые и пожилые люди, индивиды с детьми, состоящие в официальном браке, мигранты, незамужние, люди без высшего образования, с плохим здоровьем, сельские жители³ будут высказывать более консервативные взгляды.

Взаимосвязь социокультурных ценностей и репродуктивных установок: результаты исследования

По исходной выборке в 704 наблюдения были построены две модели (1), (2) с включением всех переменных интереса для выявления связи между блоками демографических, социально-экономических и социокультурных факторов и отношением к аборту и к сексу до брака соответственно.

$$y_i = \beta_0 + \sum_{k=1}^n (\beta_i^{(k)} * x_i^{(k)}) + \sum_{l=1}^m (\gamma_i^{(l)} * x_i^{(l)}) + \varepsilon_i, \quad (1), (2)$$

где: y_i – отношение респондента i ($i = 1, \dots, 704$) аборту/сексу до брака (2); x_i – факторы, влияющие на отношение к аборту/сексу до брака (2); β_i – коэффициенты перед контрольными переменными; γ_i – коэффициенты перед переменными интереса; ε_i – случайные ошибки; n – количество контрольных переменных ($n = 1, \dots, 11$); m – количество переменных интереса ($m = 1, \dots, 23$).

Среди социокультурных факторов абортивного поведения, после исключения из модели незначимых переменных, статистически значимыми оказались 9 из них (см. табл. 3).

Ответы респондентов распределились достаточно логичным образом, подтвердив основную гипотезу исследования. Как показали результаты, против совершения аборта выступают приверженцы более традиционных взглядов, а именно: религиозные люди; те, для кого семья важнее других сторон жизни, и те, кто с осторожностью относится к развитию науки.

С другой стороны, оправдывают аборты чаще индивиды с более современными взглядами. К ним относятся люди, выступающие за гендерное равенство, сторонники демократической политической системы и те, для кого важен досуг. Заметим, что оправдывают аборт и те, у кого низкий уровень доверия внутри своей семьи, что характерно уже не для модернизационных взглядов, а для традиционных, с преобладанием ценностей выживания.

³ Мнение и действия могут не совпадать. Протогенетический интервал (число месяцев между заключением официального брака и рождением первого ребенка) у сельских жителей меньше, чем у городских [35].

Таблица 3

Факторы, влияющие на отношение к абортam в современной России

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	Значимость
(Константа)	1,32003	1,23999	1,065	0,2875	
Возраст	0,0342772	0,0456657	0,7506	0,4531	
Возраст ²	-0,000298222	0,000499186	-0,5974	0,5504	
Уровень образования	0,0587685	0,0724695	0,8109	0,4177	
Количество детей	-0,253914	0,120370	-2,109	0,0353	**
Брак	0,585578	0,256829	2,280	0,0229	**
Тип поселения: город	0,534788	0,258483	2,069	0,0389	**
Пол: женский	0,600327	0,227374	2,640	0,0085	***
Миграция	-0,259754	0,483357	-0,5374	0,5912	
Занятость	0,0681159	0,282079	0,2415	0,8093	
Уровень дохода	0,174702	0,0618840	2,823	0,0049	***
Уровень здоровья	0,00768995	0,170445	0,04512	0,9640	
Важность семьи	0,471960	0,226887	2,080	0,0379	**
Важность досуга	-0,456928	0,153376	-2,979	0,0030	***
Толерантность к иммигрантам	-0,407381	0,237550	-1,715	0,0868	*
Терпимость к наркоманам	-0,819927	0,314191	-2,610	0,0093	***
Гендерное равенство	0,373056	0,0956508	3,900	0,0001	***
Доверие в семье	0,523991	0,217282	2,412	0,0161	**
Отношение к развитию науки	-0,131166	0,0417596	-3,141	0,0018	***
Религиозность	0,171387	0,0454882	3,768	0,0002	***
Демократические политические взгляды	-0,250528	0,131065	-1,911	0,0564	*
*** Коэффициент значим на уровне 1%.					
** Коэффициент значим на уровне 5%.					
* Коэффициент значим на уровне 10%.					

Окончание табл. 3

Среднее зав. перемен	4,680398	Ст. откл. зав. перемен	2,981472
Сумма кв. остатков	5204,054	Ст. ошибка модели	2,760327
R-квадрат	0,167230	Испр. R-квадрат	0,142844
F(20, 683)	7,952916	P-значение (F)	6,09e-21
Лог. правдоподобие	-1703,079	Крит. Акаике	3448,157
Крит. Шварца	3543,850	Крит. Хеннана-Куинна	3485,138

Модель 1: МНК, Метод пошагового исключения, $n = 704$.

Зависимая переменная: отношение к аборт.

Источник: составлено авторами по: данные 7-ой волны опроса WVS в России.

При рассмотрении толерантности подтвердилась гипотеза относительно толерантности второго типа, заключающаяся в том, что оправдывающие аборт, скорее всего, не терпимы к наркоманам. Однако гипотеза относительно толерантности первого типа не подтвердилась. Люди, поддерживающие возможность проведения аборта, чаще не толерантны к иммигрантам, что противоречит модернизационным взглядам.

Что касается демографических и социально-экономических характеристик, большинство дополнительных гипотез подтвердились. Женщины, горожане, люди, проживающие с партнером, и те, кто имеет относительно высокий уровень доходов оправдывают аборт чаще.

Общая тенденция разделения ответов респондентов в зависимости от традиционных и более современных ценностей прослеживается и в отношении к сексу до брака (см. табл. 4).

Внебрачные половые отношения, как и аборт, не оправдываются гражданами, ведущими религиозный образ жизни; людьми, для которых важна семья, а также теми, кто с осторожностью относится к развитию науки и рассматривает этот процесс с точки зрения размывания морали.

И наоборот, люди, имеющие в целом более либеральные жизненные взгляды, чаще допускают сексуальные отношения вне брака. К этой категории относятся, например, те, кто выступает за демократическую политическую систему и гендерное равенство, а также те, кто предпочитает самостоятельное проживание, то есть отдельное от родителей своих или партнера. Подтвердилась гипотеза и по поводу толерантности второго типа: оправдывающие секс до брака чаще всего нетерпимы к наркоманам.

Статистически значимой в данной модели оказалась взаимосвязь с конкуренцией и благотворительностью. Добрачный секс оправдывается людьми, которые часто делают пожертвования в различные

Таблица 4

**Факторы, влияющие на сексуальные отношения до брака
в современной России**

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	Значимость
(Константа)	7,80118	1,24267	6,278	<0,0001	***
Возраст	0,0713935	0,0448888	1,590	0,1122	
Возраст ²	-0,00102320	0,000469275	-2,180	0,0296	**
Уровень образования	-0,0875553	0,0704881	-1,242	0,2146	
Количество детей	-0,330735	0,133718	-2,473	0,0136	**
Брак	-0,0871331	0,281059	-0,3100	0,7566	
Тип поселения: город	0,876420	0,271582	3,227	0,0013	***
Пол: женский	-0,301746	0,236699	-1,275	0,2028	
Миграция	-0,169854	0,550704	-0,3084	0,7578	
Занятость	0,129363	0,287990	0,4492	0,6534	
Уровень дохода	-0,0490338	0,0608480	-0,8058	0,4206	
Уровень здоровья	-0,0555565	0,164645	-0,3374	0,7359	
Важность семьи	0,480390	0,262535	1,830	0,0677	*
Терпимость к наркотикам	-0,798857	0,321784	-2,483	0,0133	**
Гендерное равенство	0,189677	0,0946332	2,004	0,0454	**
Отношение к конкуренции	-0,124248	0,0461419	-2,693	0,0073	***
Отношение к развитию науки	-0,127620	0,0423418	-3,014	0,0027	***
Религиозность	0,0863683	0,0478945	1,803	0,0718	*
Благотворительность	-0,492350	0,155716	-3,162	0,0016	***
Демократические полит. взгляды	-0,360300	0,145740	-2,472	0,0137	**
Жизнь с родителями	-0,810867	0,320139	-2,533	0,0115	**
*** Коэффициент значим на уровне 1%.					
** Коэффициент значим на уровне 5%.					
* Коэффициент значим на уровне 10%.					

Среднее зав. перемен	6,106534	Ст. откл. зав. перемен	2,987649
Сумма кв. остатков	5240,463	Ст. ошибка модели	2,769966
R-квадрат	0,164868	Испр. R-квадрат	0,140413
F(20, 683)	7,852103	P-значение (F)	1,26e-20
Лог. правдоподобие	-1705,533	Крит. Акаике	3453,066
Крит. Шварца	3548,758	Крит. Хеннана-Куинна	3490,047

Модель 2: Метод пошагового исключения, $n = 704$.

Зависимая переменная: отношение к сексуальным отношениям до брака.

Источник: составлено авторами по: данные 7-ой волны опроса WVS в России.

фонды и общественные организации. Такая же зависимость наблюдается и для людей, склонных к конкуренции (склонность к конкуренции мы рассматриваем как прокси ответственности за свои поступки).

Если рассматривать демографические характеристики респондентов, то городские жители чаще оправдывают секс вне брака, по сравнению с сельскими. А с ростом количества детей у респондента его отношение к подобному явлению становится хуже. В данной модели выявилась и обратная U-образная связь с возрастом: сначала с увеличением возраста отношение к добрачным половым связям улучшается, но после определенного возраста становится хуже. Пол респондента в данном случае не является статистически значимым фактором. Следовательно, описанные взаимосвязи характерны и для мужчин, и для женщин.

Аналогичным образом рассматривается отношение людей к рождению детей.

В данной модели (3) зависимой выступает переменная «количество детей» на основе выборки женщин в возрасте старше 40 лет, что составляет 204 наблюдения.

$$Children_i = \beta_0 + \sum_{(k=1)}^n (\beta_i^{(k)} * x_i^{(k)}) + \sum_{(l=1)}^m (\gamma_i^{(l)} * x_i^{(l)}) + \varepsilon_i, \quad (3)$$

где: $Children_i$ – количество детей у респондента i ($i = 1, \dots, 204$); x_i – факторы, влияющие на количество детей; β_i – коэффициенты перед контрольными переменными; γ_i – коэффициенты перед переменными интереса; ε_i – случайные ошибки; n – количество контрольных переменных ($n = 1, \dots, 7$); m – количество переменных интереса ($m = 1, \dots, 23$). В связи с тем, что здесь присутствуют ограничения по полу и возрасту, из блока контрольных переменных были убраны возраст, квадрат возраста, пол, а также количество детей у респондента, выступающее в данной модели в качестве объясняемой переменной.

Результаты построенной модели (см. табл. 5) говорят о том, что значимыми социально-демографическими факторами репродуктивного поведения среди российских женщин являются тип поселения, уровень здоровья опрашиваемых и их миграция. Таким образом, если человек является иммигрантом, то есть приехал в Россию из другой страны, то при прочих равных детей у него больше, чем у коренных жителей. Меньше детей у городских жителей, чем у тех, кто живет в сельской местности. И чем лучше респондентки оценивают свое здоровье, тем больше у них детей. Все полученные результаты подтвердили раннее выдвинутые гипотезы.

Среди социокультурных ценностей в первую очередь оказалась значимой важность работы (традиционная ценность). Причем эта зависимость прямая, что подтверждает выдвинутую ранее гипотезу: больше детей у тех, для кого работа является важной стороной жизни. Полученный результат может служить подтверждением упомянутого в теоретическом обзоре исследования, где положительная корреляция между заработной платой и числом детей объяснялась уверенностью женщин в своем финансовом состоянии и готовностью содержать большее число детей. Но стоит отметить, что здесь может иметь место и обратная причинно-следственная связь, когда работа становится важной составляющей жизни женщин вследствие рождения детей и необходимости дополнительного заработка для их обеспечения. Однако такое объяснение возможно только в том случае, если нарушается предпосылка о консервации ценностей.

Вторым значимым фактором оказалась удовлетворенность существующей политической системой. Гипотеза подтвердилась: при прочих равных больше детей у тех, кто доволен проводимой на данный момент политикой государства. Причем в данном контексте подразумевается, что в России на сегодняшний день пропагандируются традиционные ценности. Для остальных категорий ценностей гипотезы не подтвердились, так как соответствующие факторы не являются статистически значимыми.

Стоит отметить, что полученные результаты в третьей модели распространяются только на женщин и не могут характеризовать поведение мужчин.

Таким образом, для всех трех переменных, обозначающих в нашем исследовании демографические ценности в области репродуктивного поведения, подтвердилась основная гипотеза о связи модернизационных демографических и социокультурных ценностей и о связи традиционных демографических и социокультурных ценностей. В каждом случае мы получили набор переменных, подтверждающих единство системы ценностей индивидов в контексте традиционных или модернизационных взглядов человека. Демографические ценности являются

Таблица 5

**Детерминанты количества детей у вышедших из репродуктивного
возраста женщин в России в 2017 г.**

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	Значимость
(Константа)	2,10950	0,515226	4,094	<0,0001	***
Уровень образования	-0,0164728	0,0377307	-0,4366	0,6629	
Брак	0,0855736	0,127528	0,6710	0,5030	
Тип поселения: город	-0,424437	0,139751	-3,037	0,0027	***
Миграция	-0,708129	0,304690	-2,324	0,0212	**
Занятость	-0,172478	0,129971	-1,327	0,1861	
Уровень дохода	-0,0121902	0,0307158	-0,3969	0,6919	
Уровень здоровья	0,221375	0,0933206	2,372	0,0187	**
Важность работы	-0,128429	0,0590851	-2,174	0,0309	**
Удовлетворенность политикой	0,0569917	0,0252186	2,260	0,0249	**
*** Коэффициент значим на уровне 1%.					
** Коэффициент значим на уровне 5%.					
Среднее зав. перемен	1,588235	Ст. откл. зав. перемен		0,834631	
Сумма кв. остатков	118,1072	Ст. ошибка модели		0,780256	
R-квадрат	0,164799	Испр. R-квадрат		0,126053	
F(9, 194)	4,821403	P-значение (F)		8,08e-06	
Лог. правдоподобие	-233,7177	Крит. Акаике		487,4354	
Крит. Шварца	520,6166	Крит. Хеннана-Куинна		500,8578	

Модель 3: МНК, Метод пошагового исключения, $n = 204$.

Зависимая переменная: количество детей.

Источник: составлено авторами по: данные 7-ой волны опроса WVS в России.

неотъемлемой частью системы ценностей, демографическая модернизация связана с общей модернизацией общества.

Заключение

В результате проведенного исследования эмпирически доказана общая взаимосвязь между традиционными репродуктивными ценностями и традиционными социокультурными ценностями, такими как высокая степень религиозности, удовлетворенность консерватив-

ной политикой государства, важность традиционных сторон жизни – семьи и работы, осторожное отношение к развитию науки. Для людей, имеющих модернизационные взгляды относительно репродуктивного поведения, то есть оправдывающих аборты, секс до брака и имеющих относительно меньше детей, характерны современные взгляды и в других сферах жизни. Например, они с большей вероятностью будут выступать за гендерное равенство и демократическую политическую систему, будут более независимы в плане самостоятельного проживания и самообеспечения, будут чаще участвовать в благотворительности и стремиться к конкуренции.

Редкие исключения в данной связке «модернизационные репродуктивные ценности – модернизационные социокультурные ценности» все же выявлены. Модернизационные ценности в нашей стране все еще не поддерживаются полностью даже людьми более прогрессивных взглядов, что объясняется нынешним положением России на международной карте ценностей Инглхарта. Это связано с преобладанием ценностей выживания по сравнению с ценностями самовыражения. Так, одобряющие аборт и секс до брака остаются нетолерантными к наркоманам и к мигрантам, они реже доверяют своей семье.

Исследование имеет и ограничения, которые могут служить стимулом для продолжения изучения темы. В первую очередь стоит отметить, что в рамках проведенного регрессионного анализа нельзя говорить о влиянии одних ценностей на другие, так как по ряду переменных нельзя отрицать вероятность наличия обратной причинно-следственной связи. Имеющиеся эмпирические данные не могут показать, определяется ли указанное людьми отношение к рассматриваемым явлениям личными убеждениями или же нормами, установленными в обществе и влияющими на индивида посредством социального взаимодействия. Кроме того, полученные взаимосвязи характерны именно для России в 2017 г., и не все из них могут быть обобщены на весь мир, в силу индивидуальных культурных особенностей каждой из стран. Поэтому мы полагаем, что необходимо и дальнейшее изучение трансформации взглядов и поведения населения России в следующих волнах обследования по причине продолжающейся модернизации общества.

Перспективным теоретическим вопросом является вопрос об идентификации этапов демографической модернизации в области репродуктивного поведения, которая строится на росте уровня свободы в принятии решений человеком и росте вариативности исходов в демографической истории поколений. Это позволит изучать связь ценностей в единой системе ценностей на разных этапах демографической модернизации.

Тем не менее данное исследование может служить основой для дальнейшего более детального изучения социокультурных факто-

ров и выявления степени их влияния на репродуктивное поведение, а полученные уже на этом этапе результаты могут служить важным дополнением в разработке научно обоснованной демографической и семейной политики, поскольку понимание о связанности демографических и социокультурных ценностей поможет разрабатывать меры и концептуальную рамку демографической политики, которые не будут противоречить общей системе ценностей людей в репродуктивном возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский А.Г. Незавершенная демографическая модернизация в России // SPERO. 2009. № 10. С. 55–82.
2. Vishnevsky A.G. Unsolved problems in the theory of demographic revolution // Population and Economics. 2017. Т. 1. №1. С. 136–151.
3. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
4. Coale A.J. The decline of fertility in Europe. Princeton University Press, 2017.
5. Caldwell J.C. Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // Population and development review. 1980. С. 225–255. doi.org/10.2307/1972729.
6. Jejeebhoy S.J., Santhya K.G., Xavier A.J.F. Demand for contraception to delay first pregnancy among young married women in India // Studies in family planning. 2014. Т. 45. № 2. С. 18–3201. doi.org/10.1111/j.1728-4465.2014.00384.x.
7. Adamczyk A. The effects of religious contextual norms, structural constraints, and personal religiosity on abortion decisions // Social Science Research. 2008. 37 (2). С. 657–672. doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.09.003.
8. Калабихина И.Е. Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540–554.
9. Zhou M., Kan M.Y. A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991–2017 // Demographic Research. 2019. Т. 40. С. 1455–1500. doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.50.
10. Goldscheider F., Bernhardt E., Brandén M. Domestic gender equality and childbearing in Sweden // Demographic Research. 2013. Т. 29. С. 1097–1126. doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.40.
11. Mann S.K., Roberts L.R., Montgomery S. Conflicting cultural values, gender role attitudes, and acculturation: Exploring the context of reproductive and mental health of Asian-Indian immigrant women in the US // Issues in mental health nursing. 2017. Т. 38. № 4. С. 301–309. doi.org/10.1080/01612840.2017.1283376.
12. Oláh L.S. Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary // Population research and policy review. 2003. Т. 22. № 2. С. 171–200. doi.org/10.1023/A:1025089031871.
13. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.
14. Inglehart R. et al. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press, 2003.
15. Hagqvist E. Toward Gender Equality in Practice? Cross-National Patterns of Change in the Gendered Division of Housework Over Two Decades // Journal of Comparative Family Studies. 2018. Т. 49. № 3. С. 355–377. doi.org/10.3138/jcfs.49.3.355.

16. Park K. Choosing childlessness: Weber's typology of action and motives of the voluntarily childless // *Sociological inquiry*. 2005. Т. 75. №. 3. С. 372–402. doi.org/10.1111/j.1475-682X.2005.00127.x.
17. Morell C. Saying no: Women's experiences with reproductive refusal // *Feminism & Psychology*. 2000. Т. 10. №. 3. С. 313–322. doi.org/10.1177/0959353500010003002.
18. Грицай Л.А. Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри» // *Электронный научно-практический журнал «Культура и образование»*. 2013. №. 2. С. 12.
19. Frederico M. et al. Factors influencing abortion decision-making processes among young women // *International journal of environmental research and public health*. 2018. Т. 15. №. 2. С. 329. doi.org/10.3390/ijerph15020329.
20. Philipov D., Berghammer C. Religion and fertility ideals, intentions and behaviour: A comparative study of European countries // *Vienna yearbook of population research*. 2007. С. 271–305. doi.org/10.1553/populationyearbook2007s271.
21. Rostovsky S.S. et al. The impact of religiosity on adolescent sexual behavior: A review of the evidence // *Journal of Adolescent Research*. 2004. Т. 19. №. 6. С. 677–697. doi.org/10.1177/0743558403260019.
22. Coleman L.M., Testa A. Sexual health knowledge, attitudes and behaviours: variations among a religiously diverse sample of young people in London, UK // *Ethnicity and Health*. 2008. Т. 13. №. 1. С. 55–72. doi.org/10.1080/13557850701803163.
23. Bongaarts J., Westoff C.F. The potential role of contraception in reducing abortion // *Studies in family planning*. 2000. Т. 31. №. 3. С. 193–202. doi.org/10.1111/j.1728-4465.2000.00193.x.
24. Marston C., Cleland J. Relationships between contraception and abortion: a review of the evidence // *International family planning perspectives*. 2003. С. 6–13. doi.org/10.2307/3180995.
25. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // *Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. 2006. № 5. С. 70–97.
26. Westoff C.F., Moore E.C., Ryder N.B. The structure of attitudes toward abortion // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1969. Т. 47. №. 1. С. 11–37. doi.org/10.2307/3349129.
27. Лопатина С.Л., Костенко В.В., Понарин Э.Д. Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. 19. №. 3. С. 95–114.
28. Lye D.N., Waldron I. Attitudes toward cohabitation, family, and gender roles: Relationships to values and political ideology // *Sociological Perspectives*. 1997. Т. 40. №. 2. С. 199–225. doi.org/10.2307/1389522.
29. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American sociological review*. 2000. С. 19–51. doi.org/10.2307/2657288.
30. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge university press, 2005.
31. Ryder N.B. A critique of the National Fertility Study // *Demography*. 1973. С. 495–506. doi.org/10.2307/2060877.

32. Singh S., Darroch J.E., Frost J.J. Socioeconomic disadvantage and adolescent women's sexual and reproductive behavior: the case of five developed countries // *Family planning perspectives*. 2001. С. 251–289. doi.org/10.2307/3030192.
33. MacDonald K. Life history theory and human reproductive behavior // *Human Nature*. 1997. Т. 8. №. 4. С. 327. doi.org/10.1007/BF02913038.
34. Watkins S.C., Cho A. The digital edge: How Black and Latino youth navigate digital inequality. NYU Press. 2018. Т. 4.
35. Авдеев А.А. Браки и разводы в России // *Народонаселение*. 1998. №. 2. С. 3–13.

REFERENCES

1. Vishnevsky A.G. Incomplete demographic modernization in Russia // *SPERO*. 2009. No. 10. Pp. 55–82.
2. Vishnevsky A.G. Unsolved problems in the theory of demographic revolution // *Population and Economics*. 2017. V. 1. No. 1. Pp. 136–151.
3. Arkhangelsky V.N. Fertility Factors. TEIS, 2006.
4. Coale A.J. The decline of fertility in Europe. Princeton University Press, 2017.
5. Caldwell J.C. Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // *Population and development review*. 1980. Pp. 225–255. doi.org/10.2307/1972729.
6. Jejeebhoy S.J., Santhya K.G., Xavier A.J.F. Demand for contraception to delay first pregnancy among young married women in India // *Studies in family planning*. 2014. Vol. 45. №. 2. Pp. 183–201. doi.org/10.1111/j.1728-4465.2014.00384.x.
7. Adamczyk A. The effects of religious contextual norms, structural constraints, and personal religiosity on abortion decisions // *Social Science Research*. 2008. 37 (2). Pp. 657–672. doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.09.003.
8. Kalabikhina IE Gender transition and demographic development // *Russian Economic Internet Journal*. 2009. No. 2. Pp. 540–554.
9. Zhou M., Kan M.Y. A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991–2017 // *Demographic Research*. 2019. V. 40. Pp. 1455–1500. doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.50.
10. Goldscheider F., Bernhardt E., Brandén M. Domestic gender equality and childbearing in Sweden // *Demographic Research*. 2013. Vol. 29. Pp. 1097–1126. doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.40.
11. Mann S.K., Roberts L.R., Montgomery S. Conflicting cultural values, gender role attitudes, and acculturation: Exploring the context of reproductive and mental health of Asian-Indian immigrant women in the US // *Issues in mental health nursing*. 2017. Vol. 38. №. 4. Pp. 301–309. doi.org/10.1080/01612840.2017.1283376.
12. Oláh L.S. Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary // *Population research and policy review*. 2003. V. 22. №. 2. Pp. 171–200. doi.org/10.1023/A:1025089031871.
13. Antonov A.I. Sociology of fertility. Moscow: Statistics, 1980. P. 271.
14. Inglehart R. et al. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press, 2003.
15. Hagqvist E. Toward Gender Equality in Practice? Cross-National Patterns of Change in the Gendered Division of Housework Over Two Decades // *Journal of Comparative Family Studies*. 2018. Vol. 49. №. 3. Pp. 355–377. doi.org/10.3138/jcfs.49.3.355.

16. Park K. Choosing childlessness: Weber's typology of action and motives of the voluntarily childless // *Sociological inquiry*. 2005. Vol. 75. №. 3. Pp. 372–402. doi.org/10.1111/j.1475-682X.2005.00127.x.
17. Morell C. Saying no: Women's experiences with reproductive refusal // *Feminism & Psychology*. 2000. Vol. 10. №. 3. Pp. 313–322. doi.org/10.1177/0959353500010003002.
18. Gritsay L.A. Some aspects of the scientific study of the phenomenon of "childfree" // *Electronic scientific and practical journal Culture and Education*. 2013. No. 2. P. 12.
19. Frederico M. et al. Factors influencing abortion decision-making processes among young women // *International journal of environmental research and public health*. 2018. Vol. 15. №. 2. Pp. 329. doi.org/10.3390/ijerph15020329.
20. Philipov D., Berghammer C. Religion and fertility ideals, intentions and behaviour: A comparative study of European countries // *Vienna yearbook of population research*. 2007. Pp. 271–305. doi.org/10.1553/populationyearbook2007s271.
21. Rostovsky S.S. et al. The impact of religiosity on adolescent sexual behavior: A review of the evidence // *Journal of Adolescent Research*. 2004. V. 19. №. 6. Pp. 677–697. doi.org/10.1177/0743558403260019.
22. Coleman L.M., Testa A. Sexual health knowledge, attitudes and behaviours: variations among a religiously diverse sample of young people in London, UK // *Ethnicity and Health*. 2008. Vol. 13. №. 1. Pp. 55–72. doi.org/10.1080/13557850701803163.
23. Bongaarts J., Westoff C.F. The potential role of contraception in reducing abortion // *Studies in family planning*. 2000. Vol. 31. №. 3. Pp. 193–202. doi.org/10.1111/j.1728-4465.2000.00193.x.
24. Marston C., Cleland J. Relationships between contraception and abortion: a review of the evidence // *International family planning perspectives*. 2003. Pp. 6–13. doi.org/10.2307/3180995.
25. Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Socio-economic factors of fertility in Russia: empirical dimensions and challenges to social policy // *Social policy: expertise, recommendations, reviews*. 2006. No. 5. Pp. 70–97.
26. Westoff C.F., Moore E.C., Ryder N.B. The structure of attitudes toward abortion // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1969. Vol. 47. №. 1. Pp. 11–37. doi.org/10.2307/3349129.
27. Lopatina S.L., Kostenko V. V., Ponarin E.D. It's not about Islam: attitudes towards abortion, divorce and premarital sex in nine post-Soviet states // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. Vol. 19. No. 3. Pp. 95–114.
28. Lye D.N., Waldron I. Attitudes toward cohabitation, family, and gender roles: Relationships to values and political ideology // *Sociological Perspectives*. 1997. Vol. 40. №. 2. Pp. 199–225. doi.org/10.2307/1389522.
29. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American sociological review*. 2000. Pp. 19–51. doi.org/10.2307/2657288.
30. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge university press, 2005.
31. Ryder N. B. A critique of the National Fertility Study // *Demography*. 1973. Pp. 495–506. doi.org/10.2307/2060877.
32. Singh S., Darroch J.E., Frost J.J. Socioeconomic disadvantage and adolescent women's sexual and reproductive behavior: the case of five developed countries // *Family planning perspectives*. 2001. Pp. 251–289. doi.org/10.2307/3030192.

33. MacDonald K. Life history theory and human reproductive behavior // Human Nature. 1997. Т. 8. №. 4. Pp. 327. doi.org/10.1007/BF02913038.
34. Watkins S.C., Cho A. The digital edge: How Black and Latino youth navigate digital inequality. NYU Press. 2018. Vol. 4.
35. Avdeev A.A. Marriages and divorces in Russia // Population. 1998. No. 2. Pp. 3–13.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание демографических и социально-экономических (контрольных) переменных

Демографические и социально-экономические (контрольные) переменные	
Возраст	Возраст респондента на момент проведения опроса
Уровень образования	1 – нет образования, 11 – имеет научную степень
Количество детей	Число детей у респондента
Брак	1 – респондент женат/замужем или живет вместе с партнером, 0 – холост/разведен/овдовел(а).
Тип поселения	1 – живет в городе, 0 – в сельской местности
Пол	1 – женщина, 0 – мужчина
Миграция	1 – респондент родом из России, 0 – родился в другой стране и впоследствии эмигрировал
Занятость	1 – полный или неполный рабочий день, самозанятый(ая), 0 – безработный(ая)
Уровень дохода (субъективная оценка)	1 – группа с самым низким уровнем дохода, 10 – с самым высоким
Самооценка здоровья	1 – плохое здоровье, 4 – очень хорошее здоровье

Источник: составлено авторами.

ABOUT THE AUTHORS

Kalabikhina Irina Evgenievna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Population of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kalabikhina@econ.msu.ru

Gorbacheva Darya Dmitrievna – Student, Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
gorbachevadaria@bk.ru

Sakhbetdinova Kamilya Insurovna – Postgraduate Student, Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
k.sahbetdinova@gmail.com

IS DEMOGRAPHIC MODERNIZATION RELATED TO GENERAL MODERNIZATION OF THE SOCIETY: AN EMPIRICAL STUDY OF DEMOGRAPHIC AND SOCIOCULTURAL VALUES IN RUSSIA.

The question of the connection between demographic modernization and the modernization of the whole society is of great theoretical and practical importance, but empirical evidence of such connection has not yet been completed in Russia. The article analyzes the demographic and sociocultural values of Russians, as well as identifies the relationships between different categories of values using econometric models based on data from the World Values Survey. As a result of the empirical analysis, the relationship between traditional sociocultural values and traditional values in reproductive behavior was revealed. Conversely, proponents of progressive social, cultural, and political views tend to have more modernizing reproductive values. The results obtained allow us to conclude that demographic modernization is closely related to the modernization of social development in general.

Keywords: *sociocultural values, reproductive behavior, fertility, traditional values, modern values, demographic modernization.*

JEL: J13, J16, J11.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т.А. БАРАНЕНКОВА

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

**Б.Ц. УРЛАНИС –
ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ-ДЕМОГРАФ
(к 115-летию со дня рождения)**

Статья посвящена памяти выдающегося демографа, автора многих фундаментальных работ по проблемам народонаселения, доктора экономических наук, профессора Б.Ц. Урланиса. Его творческая деятельность проходила в непростое время – с 30-х по 80-е годы прошлого века. В статье основное внимание уделяется последнему, 20-летнему периоду научной карьеры Б.Ц. Урланиса, когда он работал в Институте экономики АН СССР, занимался исследованием проблем экономической демографии, одновременно преподавал демографию на факультете статистики Московского экономико-статистического института.

Ключевые слова: *экономическая демография, демографические процессы, воспроизводство трудовых ресурсов, демографическая политика.*

JEL: A11, A12, J10.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_185_193.

В июне 2021 г. исполняется 115 лет со дня рождения Бориса Цезаревича Урланиса (1906–1981) – ученого мирового класса, талантливого преподавателя и организатора, выдающегося публициста. Борис Цезаревич сыграл ключевую роль в возрождении демографии в нашей стране, которое началось с 60-х годов XX в. Он впервые четко определил предмет демографии, ее методы и цели. Его трудами, в которых исследуется связь демографии с рядом общественных наук, прежде всего с экономической наукой, было подготовлено развитие социологической демографии – новой отрасли демографической науки, а также и экономической, и исторической демографии. Демографическую статистику профессор Урланис рассматривал лишь как часть демографии, которая специализируется на разработке методов сбора информации, относящейся к народонаселению, и на ее обработке. Принимая активное участие в международных конференциях, симпозиумах (социологических, геронтологических, экономических), он неизменно отмечал необходимость развития в СССР демографии и проведения активной демогра-

фической политики. Ряд его докладов о населении планеты, о принципах демографической политики, определяемых с учетом специфики реальной демографической ситуации в конкретных странах мира, был направлен в адрес ООН и международных конгрессов¹.

Б.Ц. Урланис активно участвовал в работе ряда общественных структур и научных советов, а также международных организаций. В 1939 г. он стал членом бюро Статистической секции Дома ученых АН СССР, а с 1958 г. – зам. председателя этой секции. В апреле 1964 г. по его инициативе началась работа Демографической секции Дома ученых АН СССР, в которой участвовали не только демографы, но и ученые многих других областей знания. Эту секцию он возглавлял до конца жизни². В 1966 г. Б.Ц. Урланис был избран членом Международного союза по изучению проблем народонаселения и заместителем председателя Научного совета по проблемам народонаселения АН СССР, который возглавлял чл.-корр. АН СССР Т.В. Рябушкин. Одновременно Борис Цезаревич активно работал в качестве члена Научно-методического совета ЦСУ СССР и Экспертного совета ЦСУ РСФСР, являлся членом Редакционного совета издательства «Статистика»³.

Многогранное творческое наследие Б.Ц. Урланиса широко известно и в нашей стране, и за рубежом. По вопросам демографии и статистики им было опубликовано 18 книг в издательствах «Экономика», «Наука», «Статистика», «Мысль», «Знание» и свыше сотни статей на страницах периодической печати. Многие работы были переведены на иностранные языки и опубликованы за рубежом. Его фундаментальный труд – учебник «Общая теория статистики», дважды изданный издательством «Статистика» (в 1962 и 1973 гг.) использовался и продолжает использоваться преподавателями вузов. Б.Ц. Урланис запомнился многим и как блестящий популяризатор научных знаний, как автор многочисленных статей в газетах и журналах, особенно в «Литературной газете».

* * *

Довоенный период был для Б.Ц. Урланиса, судя по хронологии опубликованных работ⁴, весьма плодотворным. Окончив в 1926 г. МГУ им. М.В. Ломоносова и получив диплом по специальности «стати-

¹ Маслова И. Наследие Б.Ц. Урланиса и современность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2007. № 2. С. 50–66.

² Борисов В.А. Слово о Борисе Цезаревиче // Демоскоп Weekly, 27 августа – 9 сентября 2001. № 31–32. www.demoscope.ru/weekly/031/nauka02.php.

³ Рыбаковский Л.Л., Борисов В.А. Предисловие // Б.Ц. Урланис. Избранное. М.: Мысль, 1985. С. 7.

⁴ Бараненкова Т.А. Библиография трудов Б.Ц. Урланиса. Хронологический указатель трудов на русском языке // Б.Ц. Урланис. Историческая демография. Избранные труды. М.: Наука, 2007. С. 446–460.

стика, демография», он занимается преимущественно проблемами статистики, большое внимание уделяет составлению библиографии сельскохозяйственной статистики на русском и иностранном языках, учетно-статистической литературы на русском языке, переводит с немецкого языка «Аграрную политику» Л. Брентано – профессора Мюнхенского университета, публикует рецензии критической направленности в научных журналах. С 1930 г. Борис Цезаревич читает курс лекций по статистике в МГУ – сначала на географическом, а позднее на экономическом факультете. В 1939 г. был опубликован его учебник «Краткий курс теории статистики».

В 1938 г. издается фундаментальная работа Б.Ц. Урланиса «История американских цензов», а затем, в 1941 г., монография «Рост населения в Европе (опыт исчисления)». Если первая монография принесла Борису Цезаревичу известность как ученому-демографу, то вторая получила уже мировое признание. Вызывает удивление и в то же время восхищение, как он, не выезжая из страны, смог собрать разрозненную информацию за очень длительный исторический период о населении зарубежных стран – США и Европы, систематизировать ее, сделать научные выводы о демографических процессах и выявить факторы, влияющие на них. На основе первой монографии была защищена кандидатская диссертация, на основе второй – докторская. Звание профессора Борис Цезаревич получает в возрасте 38 лет.

Наиболее сложным для Б.Ц. Урланиса был период 1946–1959 гг. В 1949 г. его, уже известного как в нашей стране, так и за рубежом ученого, исключили из университета, где он преподавал статистику на кафедре учета и статистики экономического факультета, обвинив в аполитичности, восхвалении буржуазного статистического учета и принижении советской статистической науки⁵. Д.ф.н. А.И. Антонов, выступая в Институте экономики РАН на круглом столе, посвященном 100-летию со дня рождения Б.Ц. Урланиса, отметил, что этот позорный факт деятельности руководителей МГУ тех времен из истории университета никогда не вычеркнешь⁶. Только в конце 1949 г. Борису Цезаревичу удалось устроиться на работу во ВГИК, где он до 1956 г. преподавал статистику, а с 1956 по 1959 г. он заведовал кафедрой статистики и математики во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте.

Трудности с трудоустройством по специальности не способствовали его научно-исследовательской работе. Кроме того, 50-е годы XX столетия отличались жесткой цензурой и возможности публикаций работ, где ставились вопросы о высокой заболеваемости и смертности

⁵ Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? М.: ИЭ РАН, 2007. С. 34.

⁶ Там же. С. 37.

в нашей стране, особенно мужчин трудоспособного возраста, сокращения рождаемости, проблемы алкоголизма, огромного количества аборт, неблагополучия детей в неполных семьях, были крайне ограничены. В тот период Б.Ц. Урланис смог издать только два учебных пособия по статистике и опубликовать несколько журнальных статей.

Не имея соответствующей информации и возможности заниматься в этот период исследованиями демографических процессов в нашей стране⁷, Борис Цезаревич по-прежнему концентрирует свои усилия на изучении историко-демографического развития зарубежных стран. Результатом его многолетней работы стал фундаментальный труд «Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование)»⁸, вышедший только в 1960 г. В этой монографии Борис Цезаревич на основе огромного количества данных, разбросанных по разным изданиям на русском и иностранных языках (в библиографии, имеющейся в книге, упомянуто свыше 600 названий), и проведенного им глубокого статистического анализа показал громадные людские потери европейских армий за три с половиной столетия. Б.Ц. Урланис обосновал негативное влияние войны не только исходя из количественных потерь населения, но и из качественных потерь, связанных с изменением половой, возрастной, семейной структур. Он выявил также печальную закономерность в истории войн – постоянное усиление их разрушительных последствий, обусловленных ростом военного потенциала государств, и обосновал необходимость мирного развития человечества. Работа была переведена на основные европейские языки. В отечественных центральных журналах и научных сборниках по истории, статистике, по общественно-политической тематике, было опубликовано одиннадцать положительных рецензий на эту монографию. Этот труд, как и предыдущая монография – «Рост населения в Европе», стали основополагающими для нового направления в науке – исторической демографии⁹.

Период 1960–1981 гг. стал для Б.Ц. Урланиса исключительно плодотворным в плане научно-исследовательской работы и публикаций.

⁷ В СССР, как в довоенный период, так и в 50-е годы XX в. существовали определенные барьеры для изучения демографических процессов. Так, полные результаты переписи населения СССР, проведенной в 1937 г. (и повторно в 1939 г.), были фактически засекречены и опубликованы лишь в начале 90-х годов. Нельзя не отметить, что в 1934 г. были закрыты оба недавно начавших свою работу демографических института – Демографический институт АН СССР и Институт демографии АН Украины.

⁸ По свидетельству дочери Бориса Цезаревича – Елены Борисовны Урланис, эта книга в силу ряда причин, независимых от автора, длительное время пролежала в столе.

⁹ Ротова Р.С. Один из столпов отечественной демографии // Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? М.: ИЭ РАН, 2007. С. 51.

В декабре 1959 г. Б.Ц. Урланис был зачислен в штат Института экономики АН СССР. Здесь он проработал до последних дней жизни в должности старшего научного сотрудника. И нельзя не отметить, что благодаря титаническим усилиям Бориса Цезаревича и активной поддержке со стороны других ученых, 60-е годы XX в. ознаменовались новым этапом развития демографии в нашей стране.

В 1963 г. при Научно-техническом совете Минвуза СССР был организован Координационный совет по проблемам народонаселения, объединивший вузовских ученых, занимающихся демографическими исследованиями. В 1965 г. на экономическом факультете МГУ была организована Проблемная лаборатория по вопросам изучения народонаселения (научный руководитель Д.И. Валентей). В 1966 г. на ее основе начал активно работать Координационный совет по проблемам народонаселения и трудовых ресурсов, объединивший 9 факультетов МГУ, а позднее была организована кафедра народонаселения. В 1963 г. в НИИ ЦСУ СССР был создан Отдел демографии и трудовых ресурсов, из которого в 1965 г. выделился самостоятельный Отдел демографии, которым руководил А.Г. Волков.

В 1960–1981 гг. было издано 9 книг Б.Ц. Урланиса. Кроме упомянутой монографии 1960 г., среди них можно выделить такие работы, как «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» (1963 г.), «Динамика и структура населения СССР и США» (1964 г.), «История одного поколения» (1968 г.), «Проблемы динамики населения СССР» (1974 г.), «Эволюция продолжительности жизни» (1978 г.). Был опубликован также ряд брошюр, главы в коллективных монографиях, 32 статьи в научных и популярных журналах. Б.Ц. Урланис являлся неизменным редактором справочника «Население стран мира», который в СССР переиздавался (с уточнениями и дополнениями) трижды – в 1974, 1978 и 1984 гг.¹⁰, а также много внимания уделял научному редактированию и подготовке к публикации ряда работ специалистов-демографов. Одновременно Борис Цезаревич, перенесший в 1969 и 1979 гг. операции, успешно руководил подготовкой аспирантов и продолжал педагогическую деятельность¹¹.

Активное участие принимал Б.Ц. Урланис в подготовке инициативных записок и научных докладов ИЭ АН СССР для директивных органов страны. Можно, в частности, упомянуть разработки Института экономики по проблемам, связанным с составлением Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1960–1980 гг. Также Борис Цезаревич пишет ряд персональных докладов для Президиума

¹⁰ Соредактором последнего издания справочника был к.э.н. В.А. Борисов.

¹¹ С 1963 по 1974 гг. Б.Ц. Урланис преподавал курс демографии на факультете статистики Московского экономико-статистического института.

и Отделения экономики АН СССР, касающихся оценки демографической ситуации в стране и демографической политики. Он выступает с научными докладами как на международных, так и на всесоюзных конференциях, проводимых в Москве и в других городах Советского Союза.

В 1967 г. в Институте экономики был создан Сектор проблем труда, который возглавил Е.Л. Маневич. Б.Ц. Урланис был приглашен в этот сектор и проработал в нем до 1981 г. В этот период ученый, четко определивший демографию как самостоятельную отрасль знаний, предметом которой, в отличие от социологии, является народонаселение, а не общество и складывающиеся в нем определенные общественные отношения, сосредоточил основное внимание на исследовании экономических аспектов демографии. Экономическую демографию Борис Цезаревич понимал как «ту часть демографической науки, которая изучает возрастно-половую структуру населения в связи с процессом производства и потребления. Связующим звеном при этом является занятость населения – показатель как демографический, так и экономический»¹². Он первым из советских демографов привлек внимание широкой научной общественности к необходимости изучения связи возрастно-половой структуры населения с процессом производства и потребления через занятость населения в процессе труда¹³.

Анализ возрастной структуры населения позволил ученому выделить три периода в экономической деятельности людей. Первый период – дорабочий – характеризуется тем, что в эти годы человек только потребляет, но еще ничего не производит. Второй период – рабочий – характеризуется производством и потреблением. Третий – послерабочий период, в котором человек потребляет, но уже не производит¹⁴. Основываясь на распределении всего населения по указанным группам исходя из процессов труда и потребления, ученый делает подробные расчеты вклада поколений в национальное богатство страны¹⁵. Он рассматривает сальдо между производством и потреблением в так называемом продольном разрезе с точки зрения создания стоимости на протяжении жизни некоего среднестатистического человека одного поколения, предполагая неизменность прочих условий (уровня занятости, фондовооруженности труда) и таким образом определяет вклад

¹² Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии // Народонаселение: исследование, публицистика. Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 241.

¹³ Маслова И. Наследие Б.Ц. Урланиса и современность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2007. № 2. С. 59.

¹⁴ Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии // Народонаселение: исследование, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 241.

¹⁵ Там же. С. 241–258.

поколений в национальное богатство страны. Однако для конкретного анализа демографической ситуации, сложившейся в стране, Борис Цезаревич считает необходимым рассмотреть сальдо между производством и потреблением и в поперечном разрезе, т. е. провести экономический анализ одного года жизни всего населения.

Разработанная ученым теория «вклада поколений» позволяет убедительно развенчать бытующее представление об «эксплуатации» одного поколения другим. Б.Ц. Урланис считал, что «экономические итоги» человеческой деятельности таковы, что даже при высокой средней продолжительности жизни человек заканчивает свой жизненный путь задолго до того, как «съедает» то, что дал обществу... и мы не только не «кормим» пенсионеров, а наоборот, активно пользуемся тем наследством, которое они оставляют после себя»¹⁶.

Важное значение в плане повышения эффективности использования трудового потенциала имеет постановка Б.Ц. Урланисом вопроса о выявлении резервов роста производительности труда в связи с демографическими факторами. Проведенный им анализ показал значительную зависимость уровня общественной производительности труда от возрастно-половой и отраслевой структур населения, от его образовательного уровня, от уровней экономической активности, рождаемости и смертности¹⁷. Влияние перечисленных факторов носит разнонаправленный характер, и задача экономической демографии, как считал ученый, выявить их негативы, ухудшающие общий итог.

Большим вкладом в экономическую демографию являются разработки Б.Ц. Урланисом проблем влияния рождаемости и смертности на воспроизводство трудовых ресурсов и формирования активной демографической политики государства¹⁸. В связи с перспективой депопуляции ученый поднимает вопрос о необходимости ориентации на трехдетную семью, но при условии достижения согласованности интересов граждан и общества. Доказывая необходимость стимулирования рождаемости, Борис Цезаревич при этом был приверженцем принципа дифференцированной демографической политики, полагая, что в районах, где уровень рождаемости особенно низок, должны предоставляться определенные дополнительные льготы¹⁹.

¹⁶ Урланис Б.Ц. Возраст человека: экономический аспект // Народонаселение: исследования, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 333.

¹⁷ Урланис Б.Ц. Влияние демографических факторов на производительность труда // Производительность труда в условиях развитого социализма / Под ред. П.А. Хромова М.: Наука. 1976. С. 306–325.

¹⁸ Урланис Б.Ц. Демографические процессы и демографическая политика // Проблемы повышения эффективности использования рабочей силы в СССР / Под ред. Е.А. Маневича М.: Наука. 1983. С. 250–280.

¹⁹ Там же. С. 268–269.

Наряду с проблемой рождаемости ученый обращает особое внимание на рост смертности в стране, прежде всего среди мужчин, средняя продолжительность жизни которых была в 70-е годы примерно на 8 лет меньше, чем у женщин.

Для анализа уровня и динамики смертности в целях выявления более полных резервов ее снижения Борис Цезаревич предлагает использовать коэффициент смертности в *возрастном разрезе* (т.е. по отдельным возрастам) вместо применяемого общего коэффициента. Данный анализ позволил выявить быстро увеличивающийся разрыв между уровнем смертности мужчин и женщин, особенно нарастающего после 24 лет. Причины такого разрыва он видит уже не в биологии, а в факторах социального характера. Считая внимание государства к охране здоровья мужчин недостаточным, Б.Ц. Урланис предлагает систему мер по ограничению преждевременной смертности мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, подчеркивая благотворные последствия положительного решения данной проблемы (достижение сбалансированной численности мужчин и женщин) с экономической, демографической и социальной точек зрения²⁰.

Исследованию проблемы продолжительности жизни населения в нашей стране и в мире Борис Цезаревич посвятил многие годы. Еще в 1972 г. он поднимает вопрос о тесной связи продолжительности жизни людей с состоянием окружающей среды, с экологией и целым рядом других разнонаправленных факторов. «Нить жизни каждого отдельного человека обрывается в разные сроки, но если взять миллионную совокупность людей, то от всех случайностей не остается и следа: средняя продолжительность жизни подчиняется строгим математическим законам, отражающим суммарное действие всей массы социальных, экономических, биологических и географических факторов, влияющих на жизнь народа данной страны в данный период»²¹.

В своей последней монографии «Эволюция продолжительности жизни», подробно исследуя факторы и условия продолжительности жизни людей разных стран в исторической ретроспективе, ученый выявил постепенную передвижку возраста умерших по направлению к биологической продолжительности жизни, отпущенной человеку природой. Приближение средней продолжительности жизни к ее биологической норме за счет сокращения смертности от преждевременного, патологического старения и травм Б.Ц. Урланис рассматривал как важную перспективную задачу современного общества.

²⁰ Урланис Б.Ц. Берегите мужчин // Народонаселение: исследования, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 327–331.

²¹ Урланис Б.Ц. Дни нашей жизни, сколько их? (Вопросы демографии) // Народонаселение: исследования, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 340.

Творческое наследие Б.Ц. Урланиса продолжает оставаться ценной и актуальной методологической базой для выработки подходов к решению многих существующих демографических проблем. Всем, кому посчастливилось непосредственно работать с этим выдающимся ученым, участвовать в его семинарах, в возглавляемой им Демографической секции Дома ученых АН СССР, Борис Цезаревич запомнился как утонченный интеллигент, человек широкого кругозора, самозабвенно влюбленный в свою работу. Он всегда был для всех нас – сотрудников Сектора проблем труда ИЭ АН СССР – образцом личной дисциплинированности, ответственности, неиссякаемой творческой энергии и трудолюбия.

ABOUT THE AUTHOR

Baranenkova Taisiya Alexeevna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
agastya73@mail.ru

B. TS. URLANIS IS AN OUTSTANDING SOVIET SCIENTIST-DEMOGRAPHER (FOR THE 115TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

The article is dedicated to the memory of an outstanding demographer, the author of many fundamental works on population problems, Doctor of Economic Sciences, Professor B.Ts. Urlanis. His creative activity took place in a difficult time, from the 30s to the 80s of the last century. The article focuses on the last 20-year period of B. Ts Urlanis' scientific career, when he worked at the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences and he studied the problems of economic demography. At the same time he taught demography at the Faculty of Statistics of the Moscow Economic and Statistical Institute.

Keywords: *economic demography, demographic processes, reproduction of labor resources, demographic policy.*

JEL: A11, A12, J10.

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

МЕЗОЭКОНОМИКА – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

(О коллективной монографии «Мезо-экономика: элементы новой парадигмы: Монография» / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020. – 392 с. ISBN 978-5-9940-0661-0)

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_3_194_200.

Современная экономика России, как и мировая экономика в целом, переживает период беспрецедентной неустойчивости и неопределенности перспектив ее дальнейшего развития. В научном экономическом сообществе и в правительственных кругах идет активный поиск путей выхода из сложившейся ситуации, в том числе и поиск новых подходов к управлению экономическими процессами. Стали более востребованными фундаментальные научные исследования проблем развития сложных экономических систем. Активизировались, что очень важно, междисциплинарные исследования экономических процессов, способствующих повышению уровня методологических оснований для выводов и предложений по результатам исследований. Не остался в стороне от этих проблем и Институт экономики РАН¹. Результаты трехлетних

междисциплинарных исследований и научно-организационных мероприятий, проводимых в Институте Центром эволюционной экономики (ныне Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства) по проблемам роли и места мезоэкономики в системе взаимоотношений иерархических структур макро-, мезо-, микроуровней, мезоуровневого подхода к анализу и принятию практических решений по развитию экономики, представляют, на наш взгляд, несомненный научный и практический интерес². Результаты исследований докладывались на научных семинарах в России, на международных конференциях и симпозиумах. При этом особо важное значение имело проведение Центром эволюционной экономики двух междисциплинарных научных мероприятий: Всероссийского научного симпозиума «Фундаментальные особенности мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной и синергетической парадигмы» в ИЭ РАН в марте 2018 г., и XIII Международного пущинского симпозиума «Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост» в Московской области в сентябре 2019 г.

В результате указанных выше проводимых в Центре исследований были выпущены две монографии. Первая

¹ Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В. Теория воспроизводства капитала и нейтральность денег / под редакцией акад. РАН В.И. Маевского. М.; СПб.:

Нестор-История, 2020.

² Исследование проводилось в рамках темы «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

монография была издана в 2018 г. под названием «Мезоэкономика: состояние и перспективы»³. Ее авторами, наряду с сотрудниками ИЭ РАН, были ученые из ЦЭМИ РАН, Сколковского института науки и технологий, Волгоградского государственного университета. В ней была показана преемственность исследований по этой проблематике, проводимых в России, а также в зарубежных странах. В работе актуализируется системный подход к анализу и принятию возможных практических решений по развитию экономики. Сущность такого подхода заключается в том, что экономика рассматривается как сложная функционирующая система, имеющая иерархический характер, при котором мезоэкономика, изучающая процессы в иерархических структурах, выступает инструментом взаимосвязи макро- и микроуровней в форме параметров порядка, координируя участников хозяйственной деятельности.

Во второй коллективной монографии «Мезоэкономика: элементы новой парадигмы»⁴, рецензию на которую представляют авторы, обобщены результаты проведенных исследований по этому новому направлению экономической теории, обосновано становление новой научной и учебной дисциплины – «Мезоэкономика». Определена ее внутридисциплинарная структура: мезоэкономика структур четкой локализации (преимущественно отрасли и регионы); мезоэкономика сетевых структур; институциональная мезоэкономика; мезоэкономика общественного воспроизводства. Основное внимание в книге уделено наиболее перспективным из указанных направлений (обла-

стей) исследований – институциональной мезоэкономике, как наиболее динамично развивающемуся направлению экономической теории в России и за рубежом (неслучайно этом среди авторов монографии наряду с сотрудниками ИЭ РАН есть и крупные зарубежные ученые – Клод Менар, Вольфрам Эльснер, и ученые МГУ им. М.В. Ломоносова и Сколковского института науки и технологий), а также мезоэкономике общественного воспроизводства, как новому направлению исследований, развиваемому в Центре эволюционной экономики ИЭ РАН. Сотрудники Института опирались на идеи новой теории воспроизводства капитала, учитывающей принцип переключающегося режима воспроизводства, используя при этом соответствующие математические модели⁵ с одной стороны, а также, с другой – на принцип методологического институционализма при исследовании специфики денежного обращения и трансмиссионных механизмов⁶.

⁵ Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В. Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег / Под редакцией акад. РАН В.И. Маевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2020; Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. Монография / В.И. Маевский, С.Ю. Малков, А.А. Рубинштейн. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.; Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства. Монография. М.: ИНФРА-М, 2013.

⁶ Кирдина-Чэндлер С.Г. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 11. № 3. 2019. С. 6–20; Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Journal of Institutional Studies. Т. 9. № 3. 2017. С. 7–23; Кирдина-Чэндлер С.Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. М.: Институт

³ Мезоэкономика: состояние и перспективы. Монография. / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН, 2018.

⁴ Мезоэкономика: элементы новой парадигмы. Монография / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020.

В связи с указанным подходом сформирована и структура монографии. Монография состоит из двух частей, в каждой из которых по два раздела, один из которых объединяет статьи теоретического характера, а второй – прикладного. Первый раздел первой части посвящен истории и методологии институциональной мезоэкономики (1–5 главы). Во втором разделе показаны результаты прикладных исследований в рамках институциональной мезоэкономики (6–9 главы). Вторая часть монографии посвящена теоретическим проблемам (главы 10–12) и прикладным аспектам мезоэкономики общественного воспроизводства (главы 13–15).

В первой части монографии, в разделе первом, первые две главы посвящены раскрытию необходимости становления институциональной мезоэкономики как нового направления науки с учетом теории общественного выбора. А в последующих трех главах теоретического раздела рассматриваются связи институциональной мезоэкономики с экономикой сложности. В главе 1 «Почему нам нужна более сложная институциональная модель: выход на мезоуровень», подготовленной известным зарубежным ученым Клодом Менаром (Канада), даются конкретные ответы на вопрос о научной целесообразности выделения институциональной мезоэкономики как самостоятельного направления в экономической теории. В этой связи в главе дается характеристика понятия «мезоинститута» как важнейшей научной категории институциональной мезоэкономики. Мезоинституты характеризуются как посредники, отвечающие за выполнение общих правил путем формирования конкретных рекомендаций и предоставления обратной связи от агентов, являющихся объектами воздействия при процессах внедрения правил. Иначе

говоря, мезоинституты образуют промежуточное звено между уровнем, на котором определяются общие правила и права, а также условия их распределения, и уровнем организационных механизмов (рынки, фирмы, гибриды), посредством которых фактически осуществляются экономические трансакции. Мезоинституты представляют собой набор устройств и механизмов, определяющих способы и принципы применения конкретных правил, степень их регулятивного воздействия на отдельных акторов микроуровня и процессы их взаимодействий друг с другом. Мезоинституты, таким образом, переводят, реализуют, контролируют и обеспечивают соблюдение общих правил, адаптируют их в зависимости от сектора, региона и т. д. Они играют центральную роль в преодолении разрыва между общими правилами игры, установленными на макроуровне, и микроинституциональными субъектами, действующими в рамках этих правил.

В главе 2 «Мезоуровень в экономических исследованиях: институциональное измерение», (автор А.Е. Шаститко, Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова), рассматривается функционирование мезоинститутов, основное внимание концентрируется на исследовании взаимоотношений мезоинститутов с другими теоретическими исследованиями, прежде всего с теорией общественного выбора. Проведенный анализ показал возможности применения концепции мезоинститутов применительно к реалиям российской действительности.

Глава 3 «Экономика сложности и мезоэкономика» (автор С.Г. Кирдина-Чэндлер, Россия, Институт экономики РАН) посвящена анализу общего и особенного в экономике сложности и в мезоэкономике. Становление мезоэкономики, по мнению автора, обусловлено как практической необходимостью, так и потребностями развития самой экономической теории.

экономики РАН, 2017.

В главе 4 «Мезоэкономика в сложной экономике: возникновение институциональной координации» (автор Вольфрам Эльснер, Германия) анализируется связь институциональной мезоэкономики с экономикой сложности, и с эволюционной традицией экономических исследований. Исследуются взаимодействия популяций экономических агентов, которые названы «мезогруппами». Анализ мезогрупп как структур мезоуровня показывает, что они складываются в ходе конкурентно-кооперативных взаимодействий в процессе коэволюции. При этом под микроуровнем в этой концепции подразумеваются агенты и их взаимодействия, тогда как возникшая в результате этих взаимодействий конструкция (институт), существующая в уже структурированном виде и не зависящая от отдельных агентов и их действий, относится к мезоуровню. Таким образом, мезоструктуры, под которыми в данной главе понимаются прежде всего устойчивые структуры групповых взаимодействий, – тождественны институтам. Для исследования процессов формирования институтов как мезоуровневых структур используется методология эволюционной теории игр, в частности, повторяющейся «дилеммы заключенного»: в условиях информационной асимметрии и недостаточности имеющихся гарантий приемлемого результата трансакций общество обнаруживает выход в создании мезоструктур – институтов, понимаемых как набор устойчивых правил взаимодействий.

В главе 5 «Теоретико-игровой и мультиагентный подходы к моделированию институциональных изменений» (автор Т.Р. Гареев, Россия, Сколковский институт науки и технологий) проводится сравнительный анализ теоретико-игрового подхода как инструментария институциональной мезоэкономики с традиционным мультиагентным моделированием, при этом предпочтение отдается первому подходу.

Раздел 2 первой части книги посвящен рассмотрению результатов прикладных исследований в рамках институциональной мезоэкономики.

В главе 6 «Математические модели систем мезоуровня экономики для описания институциональных изменений» (автор И.Л. Кирилук, Россия, Институт экономики РАН), в дополнение к положениям, раскрытым в главе 5, представляет интерес авторский анализ применения возможностей, ограничений и перспектив эконометрических моделей, экономофизических моделей, моделей общего равновесия, а также искусственного интеллекта в процессе исследования формирования и институциональных изменений мезоинститутов.

В главе 7 «Новая модель развития рынков микроэлектроники и сектора ИКТ в проекте «цифровой экономики» (авторы О.Б. Кошовец и Н.А. Ганичев, Россия, ЦЭМИ РАН) представляет интерес обращение авторов к анализу цифровых информационных платформ и их связь с крупнейшими цифровыми транснациональными корпорациями, а также делается вывод об определенных рисках, в том числе и для России при образовании наднациональных монопольных структур, извлекающих при этом технологическую ренту.

В главе 8 «Сети, диффузия власти и экономика современных революций» (автор П.А. Ореховский, Россия, Институт экономики РАН) рассматривается возможность «диффузии власти» и социально й нестабильности, вызываемых становлением сетевых структур, как в сфере экономики, так и в сфере государственного управления, что в конечном итоге способствует к возникновению условий, приводящих к экономическому и социальному хаосу (революциям).

В главе 9 «Мезоэкономический анализ китайских реформ» (автор А.И. Волинский, Россия, Институт экономики РАН) проводится мезоэкономический

анализ институционализации локального опыта деревни Сяоган китайской провинции по гармонизации личных и общественных интересов.

В части 2 монографии «Мезоэкономика общественного воспроизводства» (основными авторами являются сотрудники Центра эволюционной экономики ИЭ РАН), состоящей также же из двух разделов, представлены результаты разработки теоретических и прикладных исследований в контексте положений мезоэкономики общественного воспроизводства.

В главе 10 «Мезоуровень и иерархические структуры экономики» (автор В.И. Маевский, Россия, Институт экономики РАН) рассматривается проблема применимости иерархического подхода в мезоэкономических исследованиях, ставится вопрос о том, является ли мезоуровень и наполняющие его объекты частью иерархической структуры экономики. Автор, полемизируя с подходом Германа Хакена, справедливо полагает, что и самоорганизация, и иерархическая организация в многоэлементной открытой системе – объективно существующие феномены, находящиеся во взаимной внутрисистемной связи. С одной стороны, феномен иерархической организации открытой системы возникает как результат ее самоорганизации, особенно в те периоды, когда система находится под активным воздействием внешней среды. В таких случаях самоорганизация порождает внутри системы свой антипод (иерархическую структуру), что ведет к дальнейшему усложнению многоэлементной открытой системы, в том числе и экономической. В главе эти положения проиллюстрированы на примере взаимосвязей Центрального банка РФ (макроуровень) и агентами микроуровня посредством мезоэкономических финансовых организаций – коммерческих и инвестиционных банков, брокерских компаний, фондовых бирж и т. д. Именно через эти мезоэкономические структуры

сигналы макрорегулятора передаются в микроэкономическую среду.

В связи с таким представлением в качестве одной из важнейших задач мезоэкономических исследований предполагается анализ трансмиссионных денежных механизмов, или трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики, опосредующих процессы воспроизводства экономики.

В главе 11 «Эволюция теоретических оснований иерархических и сетевых структур: от неоклассики до мезоэкономики общественного воспроизводства» (автор М.А. Дерябина, Россия, Институт экономики РАН) подчеркнуто, что между макро- и микроуровнями системы, по мнению автора, существуют «методологически новые элементы», которые не просто представляют собой промежуточный, «средний» уровень (как это трактовалось бы в традиционной иерархической модели), а представляют собой структуры, позволяющие системе находить новые траектории развития. Анализ этого уровня может оказаться наиболее информативным, поскольку структуры мезоуровня содержат в себе необходимую информацию об эволюции всей экономической системы и ее самоорганизации.

В главе 12 «Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа» (автор С.Г. Кирдина-Чэндлер, Россия, Институт экономики РАН) с позиций методологического институционализма исследуется специфика функционирования денег и денежного обращения в аспекте мезоэкономики общественного воспроизводства. Специфика такого подхода, как отмечает автор, проявляется прежде всего в том, что деньги рассматриваются как институт, как функционально-временная структура, сформированная в экономической системе с целью уменьшить неопределенность и обеспечить соразмерность результатов прошлой, настоящей и будущей деятельности в ходе воспроизводства

экономики. Обосновывается при этом гипотеза о том, что введение в экономический анализ все более сложных представлений о движении денег в экономической системе привело в свое время к обособлению макроэкономики от микроэкономики, и продолжением этой тенденции является выделение мезоэкономики как нового раздела экономического анализа.

Последующие главы части 2 посвящены прикладным исследованиям в аспекте мезоэкономики общественного воспроизводства.

Глава 13 «Мезоэкономическая модель общественного воспроизводства и ее использование в экономической политике» (авторы В.И. Маевский, С.Ю. Малков, А.А. Рубинштейн, Институт экономики РАН) посвящена результатам исследований, полученным на основе применения разработанной авторами новейшей из класса мезоэкономических моделей переключающегося режима воспроизводства (ПРВ-моделей) – модели ПРВ-4 (ее описание дается в Приложении 2 к данной монографии). Сначала авторы исследуют известную проблему нейтральности/ненейтральности денег. Проведенные на основе мезоэкономической модели расчеты показали, что в отличие от ортодоксальной макроэкономической теории, где нейтральность денег в долгосрочной перспективе, по существу, является постулатом, мезоэкономический подход позволяет выявить различную реакцию экономики на рост денежной эмиссии. В результатах исследований показано, что, опираясь на положения и модели мезоэкономики общественного воспроизводства, можно обнаружить, что в долгосрочной перспективе денежная эмиссия влияет на экономический рост. Это влияние связано с тем, что поступление новых денег в инвестиционный сектор (учитываемое в модели ПРВ-4) приводит к росту основного капитала и (с лагом) к увеличению производимого на его основе про-

дукта, т. е. к росту экономики. Соответственно, недостаточное поступление денег в инвестиционный сектор приводит к экономическому спаду. Расчеты по модели ПРВ-4 показывают, что феномен нейтральности денег в долгосрочной перспективе оказывается частным случаем, но не общим правилом. Наоборот, общим правилом можно считать феномен ненейтральности денег в долгосрочной перспективе. По мнению авторов, полученный вывод ставит под сомнение как самую доминирующую концепцию нейтральности денег, так и те рекомендации по экономической политике, которые предлагаются на основе данной концепции, в том числе и в России.

В главе 14 «Мезоэкономический анализ связи между эмиссией, инфляцией и ростом: на примере России» (те же авторы и Е.В. Красильникова, ЦЭМИ РАН) на основе применения рассмотренной выше модели ПРВ-4, а также с учетом привлечения регрессионных моделей, анализируются пропорции распределения денежных потоков между инвестиционным и потребительским секторами и влияние этих пропорций на показатели экономического роста. Проведя расчеты для 49 стран, авторы выявляют важную роль коэффициента, отражающего соотношение индексации доходов и уровня инфляции, для характеристики уровня инвестиционной активности в стране. Результаты сравнительного анализа позволяют авторам не только оценить тренд эффективности денежной эмиссии в России, но и высказать обоснованные рекомендации в области денежно-кредитной политики в стране.

В главе 15 «Размещение инвестиционных ресурсов через банки» (автор А.В. Верников, Институт экономики РАН) исследуется роль банков в инвестиционном процессе в качестве мезоуровневого трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. Автор предлагает систему метрик по оценке эффективности деятельности

банков и их вклада в развитие экономической системы.

В Заключении монографии «О парадигмальности и перспективах развития институциональной мезоэкономики и мезоэкономики общественного воспроизводства, а также рассматриваются перспективы развития мезоэкономики.

Выход данной монографии является заметным событием для экономического сообщества, особенно в юбилейный 2020 г. – год 90-летия образования Института экономики РАН. Монография в целом, по нашему мнению, представляет научный и практический интерес. Избранное направление исследований представляется перспективным, способствующим развитию экономической теории, а междисциплинарный подход к исследованию способствует повышению уровня методологических оснований для обо-

снованности теоретических выводов и практических подходов и предложений по развитию экономической теории и управлению экономикой. Монография будет полезной для преподавателей, аспирантов и студентов экономических ВУЗов, а также для специалистов органов исполнительной власти, имеющих отношение к проблемам развития российской экономики.

*Нешиной Анатолий Семенович
кандидат экономических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН,
Москва, Россия
a-nesh@yandex.ru*

*Иванов Михаил Юрьевич
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник ФГБУН
Институт экономики РАН.
Москва, Россия
vektr77@rambler.ru*